

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории

На правах рукописи

Вычеров Дмитрий Александрович

**Повседневная жизнь советских школьников тылового города в годы
Великой Отечественной войны (на материалах г. Тюмени)**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, доцент

Твердюкова Елена Дмитриевна

Санкт-Петербург

2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Социально-экономические аспекты повседневной жизни советских школьников тылового города в годы Великой Отечественной войны	29
1.1. Материально-бытовая среда Тюмени в годы Великой Отечественной войны	29
1.2. Общественно-полезная деятельность школьников Тюмени в годы Великой Отечественной войны	59
Глава 2. Школьная повседневность учащихся тылового города в годы Великой Отечественной войны	94
2.1. Изменения в учебном процессе в годы Великой Отечественной войны .	94
2.2. Материально-бытовые условия учебного процесса в школах Тюмени в годы Великой Отечественной войны	114
2.3. Школьный коллектив в годы Великой Отечественной войны.....	126
Глава 3. Свободное времяпрепровождение советских школьников тылового города в годы Великой Отечественной войны	146
3.1. Организованный досуг детей и подростков Тюмени в годы Великой Отечественной войны	146
3.2. Дворовая повседневность детей и подростков Тюмени в годы Великой Отечественной войны	175
Заключение	191
Список источников и литературы	199
Приложение	228

Введение

Актуальность исследования. Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в истории нашей страны. Это событие изменило судьбы всех граждан Советского Союза, вне зависимости от их возрастных, гендерных, национальных различий, но особым образом оно повлияло на жизнь детей и подростков.

Актуальность изучения повседневной жизни детей войны обусловлена научными тенденциями мировой гуманитаристики, ориентированной на анализ социокультурного опыта различных групп населения. Кроме того, угроза перерастания очагов внешнеполитической напряженности в полномасштабные вооруженные конфликты современности заставляет обращаться к изучению военных событий прошлого для извлечения исторических уроков. В условиях боевых действий дети (в силу своих возрастных особенностей) являются одной из самых незащищенных категорий населения, поэтому изучать социально-психологические механизмы их адаптации к чрезвычайным обстоятельствам крайне важно.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить особенности повседневной жизни тюменских школьников в годы Великой Отечественной войны. Для этого необходимо решить следующие задачи:

1. Исследовать материально-бытовые условия жизни тюменских школьников (жилищную обстановку, обеспеченность продуктами питания и товарами народного потребления, материально-техническую базу школ города), установить их влияние на мотивацию поступков детей и подростков, выявить специфические черты адаптации подрастающего поколения к чрезвычайным бытовым условиям военного времени.
2. Определить основные виды общественно-полезной деятельности тюменских школьников, выяснить степень участия в ней учеников, установить факторы, способствовавшие их вовлечению в эту работу.

3. Проанализировать изменения, произошедшие в структуре, содержании учебного процесса в тюменских школах и жизни школьного коллектива как социальной группы.
4. Изучить практики свободного времяпрепровождения тюменских школьников, которые, с одной стороны, конструировались государством, а с другой – являлись результатом трансформации культурного опыта и коммуникативных практик советской детворы.

Объектом исследования является повседневная жизнь как социокультурный феномен.

В настоящее время учёные по-разному трактуют термин «повседневность». В своей исследовательской работе мы придерживаемся концепции К. Н. Любутина и П. Н. Кондрашова. По их мнению, повседневность включает в себя будничное бытие (то, чем люди занимаются постоянно для удовлетворения своих потребностей) и обыденное сознание (мысли и эмоциональные переживания, возникающие под влиянием этого бытия)¹.

Такая формулировка применима и для жизни людей в условиях чрезвычайной ситуации (войны), когда рушится привычный уклад жизни, картина мира, распорядок дня, сложившиеся практики. Вместе с тем, оказываясь в тождественных обстоятельствах, люди проживают и похожие жизни. И хотя повседневный мир каждого человека в значительной степени определяется его уникальной индивидуальностью, «социальные, материальные параметры жизни объективно задают определенную “матрицу” повседневности»². Подобный подход позволяет нам рассматривать военную повседневность школьников провинциального города как специфический объект исторического анализа.

---

¹ Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007. С. 217.

² Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы [Электронный ресурс] / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская. URL: histrf.ru (дата обращения: 14.03. 2021).

Предметом исследования являются изменения, произошедшие под влиянием экстремальной ситуации в повседневной жизни тюменских школьников: в материально-бытовых условиях, учебной и трудовой деятельности, досуге, мировоззрении и поведенческих практиках.

Хронологические рамки исследования ограничены Великой Отечественной войной, которая длилась с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 гг. Вместе с тем для характеристики социально-экономических и социокультурных изменений в повседневной жизни тюменских школьников указанного периода привлекались документы центральных и местных органов власти последних довоенных и первых послевоенных лет.

Территориально исследование охватывает Тюмень, входившую перед войной в состав Омской области и представлявшую собой провинциальный город, в котором к 1939 г. проживало 78,7 тыс. человек³.

В августе 1944 г. Тюмень стала областным центром, но это не повлияло на состояние социальной инфраструктуры. В течение всего изучаемого периода город находился в плачевном состоянии: жилищный фонд и культурные учреждения нуждались в капитальном ремонте, с улиц регулярно не вывозился мусор, постоянно случались перебои с электричеством, по весне некоторые районы оказывались затопленными из-за разлива р. Тура. Тюмень не соответствовала статусу областного центра, в общественной и культурной жизни сохраняя специфику небольшого провинциального города и в послевоенное время⁴.

Степень разработанности темы. Историки стали заниматься изучением жизни детей войны с середины XX в., и приоритеты в исследовании этой тематики не менялись вплоть до рубежа 1980-х–1990-х годов. В своих работах авторы отмечали руководящую роль

---

³ Бакулина Т. И., Бородулина Е. В. Провинциальный город в 30-е годы XX века (на примере Тюмени) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (48). С. 24.

⁴ Мордвинцева А. В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945–1953 гг.: автореф. дис...канд. ист. наук. Тюмень, 2010. С. 4.

коммунистической партии как организатора многих видов деятельности подрастающего поколения. Большая часть опубликованных научных трудов была посвящена биографиям пионеров-героев (в частности, описанию их подвигов)⁵, участию детей и подростков в помощи фронту и в тимуровском движении, работе комсомольской и пионерской организаций⁶. Одновременно в центре внимания историков находилась и политика государства по охране материнства и детства в годы войны, по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Все исследователи отмечали, что, несмотря на трудности военных лет, власти страны заботились о многодетных семьях, семьях фронтовиков, инвалидах войны и сиротах, предоставляя им различные льготы, выплачивая денежные пособия и обеспечивая необходимыми товарами⁷.

Некоторые историки сосредоточили своё внимание на изучении политики всеобщего обязательного обучения (всеобуча)⁸. Описывая изменения, произошедшие в годы войны в системе преподавания в школе, они полагали, что советской власти удалось адаптировать работу учебных

---

⁵ См., например: Корольков Ю. Партизан Леня Голиков. Повесть. М., 1955; Алёшкин Д. И. Тыл – фронту. Белгород, 1963; Пионеры-герои. 3-е изд. Минск, 1972 и др.

⁶ См., например: Караваев В. В. В бою и труде: подростки в Великой Отечественной войне. М., 1982; Черник С. А. Трудовой подвиг советских школьников в годы Великой Отечественной войны // Школа и производство. 1975. № 5. С. 11–20; Еремин Е. Г., Исаков П. Ф. Молодёжь в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1984; Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. М., 1985; Котляр Е. С. Войной опалённая смена. М., 1985 и др.

⁷ См., например: Наумова А. Г. Забота о детях в годы Великой Отечественной войны: по материалам Пермской областной партийной организации // Ученые записки Пермского педагогического института. 1961. № 28; Синицын А. М. Забота о беспризорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 20–29.

⁸ Басов В. И. Вопросы финансов народного образования / под ред. О. М. Кулака. М., 1971; Кропачева М. В годы Великой Отечественной войны: о работе ленинградских школ в период блокады // Начальная школа. 1957. № 5. С. 8–12; Куманев В. А. Советская школа в годы великих испытаний // Народное образование. 1965. № 5. С. 9–12; Черник С. А. Борьба за осуществление всеобщего обязательного обучения в годы Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1974. № 9. С. 107–118; Его же. Организация учебно-воспитательной работы школы в период Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1975. № 1. С. 56–67; Его же. Борьба за повышение качества учебно-воспитательной работы школы в годы Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1975. № 3. С. 98–102; Его же. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1984.

учреждений к реалиям военного времени без вреда для качества получаемого образования.

Советские историки изучали жизнь фронтового поколения через призму деятельности государственных органов и специализированных детских учреждений, в контексте патерналистской «заботы» о подрастающем поколении. Оставалась неизменной и концепция, объяснявшая мотивы детей и подростков чувством патриотизма, желанием помочь своей стране победить в войне. Из-за идейных установок исследователи не рассматривали сюжеты, связанные с противоправным поведением детей, умалчивали о негативных сторонах проводимой социально-экономической политики, стремясь показать эффективность принятых правительством мер и подчеркнуть руководящую роль коммунистической партии.

Серьёзные изменения в изучении жизни фронтового поколения произошли в конце 1980-х–начале 1990-х годов, что было связано с изменением политической обстановки в стране. Из-за либерализации политического режима и последующего краха советской системы появились возможности для более объективного изучения военного детства: стали рассекречиваться архивные документы, публиковаться сборники воспоминаний очевидцев и участников событий. Падение «железного занавеса» положительно повлияло на расширение международных контактов отечественных учёных и обусловило распространение западных методологий исследования, в частности антропологического подхода.

Новые возможности позволили историкам (не только отечественным, но и зарубежным) приступить к изучению сюжетов, многие из которых были табуированы в Советском Союзе: жизнь детей (в том числе и тех, чьи родители являлись коллаборационистами) на оккупированных территориях, судьбы узников концлагерей, ошибки и просчёты органов власти и управления при эвакуации детских учреждений, в реализации всеобуча и

других⁹. Всё это привело к переосмыслению некоторых положений советской концепции военного детства. Так, в своей статье Е. Ф. Кринко делает важный вывод о существенном влиянии психологии детей и подростков на мотивацию их поведения. По его мнению, бегство подростков на фронт было связано не только с патриотизмом, но и с желанием рискнуть, стремлением придать своим поступкам общественную значимость¹⁰. Подобным образом можно объяснить и активное участие юных советских граждан в помощи фронту. Ф. Маубах выдвинула предположение, что интерес мальчиков ко всему, что связано с войной, был обусловлен желанием прикоснуться «к опасности в целях ее укрощения». Как полагает исследовательница, это было связано с особенностями психики, в частности непониманием детьми

---

⁹ Газиева Л. Л. Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944 / под ред. Г. Л. Соболева. СПб., 2014; Келли К. Маленькие граждане большой страны: интернационализм, дети и советская пропаганда [Электронный ресурс] / пер. с англ. Я. Токаревой // НЛЮ. 2003. № 60. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrimon.html> (дата обращения: 20.05.2021); Коренюк В. М. Повседневная жизнь детей военного и послевоенного времени (по материалам Молотовской области): дис... канд. ист. наук. Пермь, 2017; Недель А. Размещаясь в неизбежном. Эскиз сталинской метафизики детства [Электронный ресурс] // Логос. 2003. № 3. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_3/05_2.htm (дата обращения: 10.01.2022); Кринко Е. Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 40–50; Маслинский К. А. Правила поведения в советской школе. Ч. 1: Слово государства в устах учителя // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. 2015. Вып. 1 (36). С. 56–72; Его же. Правила поведения в советской школе. Ч. 2: Слово учителя в устах государства // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. 2015. Вып. 1 (37). С. 41–58; Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007; Агеева В. А. Общеобразовательная школа и трудовые резервы Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2006; Хлямин Л. В. Идеологические основы воспитания в Германии и СССР (1930-е – 1945 гг.): дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2011; Dunstan J. Soviet Schooling in the Second World War. New York: St. Martin's Press, 1997; Julie K. de Graffenried. Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War (Modern War Studies Series. Lawrence: University Press of Kansas, 2014; Kucherenko O. Little Soldiers: How Soviet Children Went to War, 1941–1945. Oxford University Press, 2011 и др.

¹⁰ Кринко Е. Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 30.

причинно-следственных связей, а также особой трактовкой ими некоторых событий, в особенности, смерти¹¹.

Многие исследователи занялись изучением беспризорности и безнадзорности, детской и подростковой преступности в Советском Союзе¹², сосредоточив своё внимание на региональных аспектах проблемы. Новые архивные документы позволили им более детально изучить причины увеличения масштабов этих явлений в годы войны. К ним историки относили трудности жизни в эвакуации; нарушение семейных связей вследствие гибели родителей или разлуки с ними (и в частности «безотцовщину»), занятость взрослых на производстве, падение доходов населения и тяжёлые бытовые условия (в семьях, в детских домах и интернатах, школах фабрично-заводского обучения). Параллельно они изучали мероприятия центральных и местных органов власти, проводившиеся с целью ликвидации детской беспризорности и безнадзорности: расширение сети детских домов и интернатов, открытие детских воспитательных колоний, проведение наборов в школы ФЗО, выплату пособий и выдачу товаров (продуктов питания, одежды и обуви) нуждающимся.

---

¹¹ Цит. по: Назарова М. П., Рыблова М. А. «Играют мальчики в войну»: игра как способ освоения детьми пространства войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2014. № 3 (27). С. 111.

¹² Емелин С. М. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 2. С. 10–14; Кабирова А. Ш. Общество и дети: борьба с детской безнадзорностью, беспризорностью и девиантностью в Татарстане в период Великой Отечественной войны // Вестник ТГГПУ. 2011. № 3. С. 109–113; Рокутова О. А. О причинах беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних в СССР в 1940-е гг. // СССР во Второй мировой войне: Третьи Всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского: сб. статей. Оренбург, 2010. С. 208–210; Романович С. В. Борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Оренбург, 2006 Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011; Его же. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 33–43; Его же. Детские колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1933–1952 гг. // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 140–146 и др.

В своих исследованиях многие историки указывали на то, что в реалиях военного времени было невозможно полностью ликвидировать беспризорность и безнадзорность. Принятые меры позволили лишь немного сократить масштабы этих проблем. Определенных успехов власти удалось добиться только после 1943–1944 гг., когда Красная Армия перехватила инициативу на фронте, однако количественные показатели беспризорности и безнадзорности оставались высокими и в послевоенное время.

Новым явлением в историографии стали работы, в которых историки обратились к изучению практик адаптации детей войны к условиям чрезвычайной ситуации¹³. Источниковой базой для них обычно являлись материалы личного происхождения, в первую очередь, воспоминания участников и очевидцев боевых действий. Особую ценность в ряду таких исследований представляют статьи М. А. Рыбловой¹⁴. Опираясь на материалы интервью (около 200), автор показала специфику жизни детей Сталинграда. По её мнению, в годы войны стёрлись возрастные границы между младшими и старшими школьниками. Но на первый план вышли подростки в возрасте 13–15 лет, которые наиболее активно проявляли себя в условиях чрезвычайной военной ситуации (трудились на предприятиях, помогая фронту, выполняли основные домашние обязанности, заботились о матерях и младших братьях и сёстрах) и находились в зоне риска. Именно они испытали на себе наибольшее влияние войны, будучи максимально подвержены психологическим травмам. В более защищённом положении находились дети 3–4 лет, поскольку из-за возраста они не несли бремя каких-либо обязанностей, а по-прежнему являлись объектами заботы и опеки. К

---

¹³ См., например: Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. науч. ст. / под ред. А. Ю. Рожкова. Краснодар, 2010; Назаров А. И. Повседневная жизнь молодёжи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010 и др.

¹⁴ Назарова М. П., Рыблова М. А. «Играют мальчики в войну»: игра как способ освоения детьми пространства войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2014. № 3 (27). С. 105–115; Рыблова М. А. «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2014. № 4 (28). С. 37–50.

тому же психика малышей в силу своих особенностей была лучше защищена от травматического воздействия войны¹⁵.

Значимым трудом является книга «Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны»¹⁶, написанная коллективом исследователей. Авторы на основе 264 проведённых интервью изучили действие механизмов социокультурной и психологической адаптации детей Сталинграда к экстремальной ситуации (в период Сталинградской битвы), а также выявили особенности формирования «детской памяти» о войне в Советском Союзе и Российской Федерации.

История Тюмени и ее жителей в годы Великой Отечественной войны также неоднократно служила предметом изучения. На региональном уровне к настоящему времени опубликовано несколько трудов по исследуемой тематике. Часть из них полностью соответствовала коммунистическим идейным установкам и принятой в СССР концепции¹⁷. Другая же часть была опубликована уже в постсоветское время, но в них жизнь тюменских школьников по-прежнему изучалась с точки зрения отеческой «заботы» государства о детях¹⁸.

---

¹⁵ Рыблова М. А. «Территория детства»... С. 41–42.

¹⁶ Рыблова М. А., Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П. [и др.]. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны. Волгоград, 2015.

¹⁷ Васильев Ю. А. Коммунистическая партия – организатор патриотического движения трудящихся Сибири по оказанию материальной помощи фронту. 1941–1945. Тюмень, 1963; Дьячков В. И. Деятельность эвакогоспиталей Тюмени в годы Великой Отечественной войны // 400 лет Тюмени: история и современность. Тюмень, 1986. С. 83–84; Михайлова Л. П. Школы Тюменской области в период Великой Отечественной войны // Школа Тюменской области. Омск, 1968. С. 8–69.

¹⁸ Бей О. Н. Тюменские школы в годы Великой Отечественной войны // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2001. С. 211–228; Быков А. В., Быкова А. Г. Детская трудовая воспитательная колония № 1 УНКВД по Омской области: история создания и проблемы функционирования в 1943–1948 гг. // Вестник Омского университета. 2015. № 4. С. 83–89; Крупкина Л. М. Повседневная жизнь школьников г. Тюмени в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Межкультурные коммуникации в сфере международного и регионального туризма в историческом городе: Материалы II международной научно-практической конференции 21–22 апреля 2006 года. Тобольск, 2006. С. 117–118; Лагунов В. Я. Школы Тюмени в 1941–1945 гг. // Война и

Среди исследований, посвящённых западносибирскому региону (в частности Омской области), следует выделить статьи М. С. Носовой¹⁹. Она изучает повседневную жизнь детей и подростков, проживавших в Омске, опираясь на архивные материалы и на воспоминания респондентов, которые были получены в ходе интервью. В декабре 2021 г. М. С. Носова защитила кандидатскую диссертацию о повседневной жизни детей в годы войны на примере Омской области, но фактически ее работа охватывает лишь территорию г. Омска и подготовлена на материалах только одного архива (ГИАОО).

Многие сюжеты, которые освещаются в её трудах, перекликаются с тематикой нашего исследования. Вместе с тем Омск в годы войны являлся крупным городом и областным центром, в то время как Тюмень по численности населения, уровню социально-экономического развития и бюджетным средствам серьёзно ему уступала. Не преобразилась Тюмень и после того, как в августе 1944 г. стала столицей нового субъекта РСФСР. Несмотря на размещение ряда эвакуированных предприятий, она по-прежнему оставалась городом со слабо развитой промышленностью, недостаточными транспортными коммуникациями и затрудненными взаимосвязями с Центром, что во многом определило различия в повседневной жизни тюменских и омских школьников, прежде всего, в

школа. Материалы Тюменской областной научно-практической конференции в Тобольске, посвящённой 50-летию победы над фашизмом. Тобольск, 1995. С. 103–107; Лимонова Э. М. Все для фронта: вклад общеобразовательных учреждений области в победу в Великой Отечественной войне // Военная история Тюменской области. Вклад тюменцев в победу в Великой Отечественной войне. Тюмень, 2005. С. 45–50; Зуев В. Н. История физической культуры и спорта в Тюменском регионе 1863–2000. Тюмень, 2003; Мордвинцева А. В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945–1953 гг.: дис...канд. ист. наук. Тюмень, 2010; Прибыльский Ю. П. Школа Тюменского края в XVIII–XX вв.: К трехсотлетию сибирской школы. Тобольск, 1998.

¹⁹ Носова М. С. Особенности детства в тыловом сибирском городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4. № 2. С. 58–61; Ее же. Повседневная жизнь детей Омска в годы Великой Отечественной войны в отражении газеты «Омская правда» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 106–111; Ее же. Особенности досуга детей в тыловом городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2021. Т. 6. № 2. С. 56–61.

материально-технической обеспеченности школ, социально-культурной инфраструктуре, коммунально-бытовых условиях.

Большую ценность для нашего исследования имеет работа Л. В. Ивановой, написанная на основе воспоминаний бывших работников и выпускников школы № 25²⁰. В ней уделено внимание материальной стороне школьной повседневности, участию детей и подростков в помощи фронту и их досуговым практикам. Значимым для нас является тот факт, что освещение получили сюжеты, связанные с реакцией школьников на изменения в учебно-воспитательном процессе, произошедшие в годы войны. Но автор, на наш взгляд, выстроил некий идеальный образ ученика этой школы, не упоминая о случаях нарушения дисциплины и халатного отношения к учебе, о конфликтах со сверстниками и учителями и пр. Полученные автором выводы нельзя в полной мере экстраполировать на всех учащихся города, учитывая, что эта школа считалась образцовой.

На современном этапе большинство исследователей сосредоточили своё внимание на эвакуации детей и подростков в Западную Сибирь. В первую очередь историков интересовали численность приезжих (особенно воспитанников детских домов), действия местных органов власти по их обустройству, быт эвакуированных, а также отношение к ним местного населения²¹. Все они так или иначе сделали вывод, что эвакуация проходила

---

²⁰ Иванова Л. В. История тюменской школы № 25 в воспоминаниях, цифрах и фактах: 1935–2015. Тюмень, 2015.

²¹ См., например: Букренёва К. С. Эвакуированные Ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2015; Дунбинская Т. И. Статистика эвакуированных и местных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник ТГПУ. 2011. № 13 (115). С. 46–51; Снегирёва Л. И. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 годы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 4. С. 22–30; Ее же. Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 28–31; Ее же. Эвакопункты Западной Сибири и их роль в эвакуации населения в регион (1941–1943) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (144). С. 30–37; Сушко А. В., Носова М. С. Дети Ленинграда на Омской земле в годы Великой Отечественной войны // Россия в войнах и революциях XX в. 2020. Т. 10. Вып. 2. С. 330–346; Федотов В. В. Проблема взаимоотношений эвакуированного и местного населения в среднем Поволжье

в тяжёлых условиях, местных материальных и людских ресурсов катастрофически не хватало для того, чтобы разместить всех приезжих в нормальных условиях. Руководителям советских и партийных органов удавалось лишь отчасти уменьшить масштабы насущных проблем (отсутствия жилплощади, нехватки оборудования, школьных принадлежностей, бытовых вещей) за счёт мобилизации внутренних ресурсов регионов.

Таким образом, обзор историографии позволяет заключить, что в советский и постсоветский период был создан немалый научный задел по тематике советского военного детства. Однако историки смотрели на повседневную жизнь детей войны глазами взрослых, анализируя деятельность государственных и политических институтов. Подобный исследовательский ракурс был особенно характерен для советской историографии: в пространстве реконструируемого прошлого живые люди заменялись народными массами или их выдающимися представителями, героически преодолевавшими трудности на основе мудрых решений партии и правительства. На региональном материале ситуация схожа: историки изучали в первую очередь действия партийного и советского руководства Тюмени, направленные на улучшение материально-бытовых условий жизни горожан, повышение успеваемости учащихся, охват учёбой всех детей школьного возраста. Интересовала их также результативность оказания помощи фронту со стороны юных тюменцев. Вне рамок исследовательского интереса осталось то, как тюменские школьники (местные и эвакуированные) воспринимали окружающую действительность и реагировали на происходившие на фронте и в тылу изменения, взаимодействовали друг с другом, с учителями и руководством учебного заведения внутри школьного коллектива. Без внимания остались и действия местных органов власти по

ликвидации проблем беспризорности, безнадзорности и детской преступности.

В постсоветское время стали появляться работы, в которых историки касались ранее неизученных аспектов жизни детей военной поры (ошибок, допущенных советской властью при реализации социальной политики и в ходе эвакуации, трудностей учебно-воспитательного процесса в школах, влияния войны на мировоззрение детей и подростков). Но многие исследования (в том числе и на региональном уровне) были проведены с позиций институционального подхода, который не ориентирован на изучение внутреннего мира ребёнка, его реакции на происходившие события и конструирование им собственных моделей поведения. В итоге многие стороны жизни тюменских школьников военных лет до настоящего времени оставались неизученными.

Источниковую базу исследования образует совокупность разнообразных опубликованных и архивных материалов. По своему содержанию и характеру их можно разделить на несколько групп.

Первая группа представлена нормативно-правовыми актами центральных и местных органов власти. К ним относятся постановления, приказы, решения СНК СССР, Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР, Омского обкома ВКП(б), Тюменского горкома ВКП(б), а также горисполкома и облисполкома.

Большинство нормативно-правовых актов центральных и местных органов власти опубликованы в сборниках документов²². Среди них особую

---

²² Сборник документов по истории Омской комсомольской организации: 1917–август 1973 гг. Омск, 1976; РСФСР – фронту. 1941–1945: док. и материалы. М., 1987; Наш край: Хрестоматия по истории Омской области: в 2 ч.: сб. док. Омск, 1983. Ч. 1: 1917–июнь 1941 гг. Омск, 1983; Ч. 2. 1941–1970 гг. Омск, 1983; Культурное строительство в РСФСР: док. и материалы (1917–1977): в 3 т. М., 1983–1989. Т. 2, ч. 2: Культурное строительство в РСФСР. 1928–1941. М., 1986; Т. 3: Культурное строительство в РСФСР. 1941–1945. М., 1989; Народное образование в СССР: общеобразовательная школа: сб. док. 1917–1973. М., 1974; Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции / сост. А. М. Данев. М., 1948; Сборник руководящих и инструктивных материалов по всеобщему обучению детей / Т. И. Куприянов. М., 1944; Сборник руководящих материалов о школе / сост. С. Н. Соколов, Л. Г. Тафинцева. Воронеж, 1944; Справочник директора школы: сб.

значимость представляет сборник «Тюменцы – фронту!»²³, в котором собраны документы руководства города и области за весь военный период.

При подготовке работы использовались также нормативные материалы, хранящиеся в региональных архивах. В Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области находятся документы Тюменского городского комитета ВКП(б) (Ф. П–7), Тюменского областного комитета ВКП(б) (Ф. П–124), Тюменского городского комитета ВЛКСМ (Ф. П–21).

В Государственном архиве Тюменской области располагается основной массив нормативных документов по исследуемой тематике. Прежде всего, здесь хранятся решения Тюменских горсовета и горисполкома (Ф. 5). Они содержат сведения о привлечении учащихся к сельскохозяйственным работам, проведении новогодних мероприятий, приёме и размещении эвакуированного населения, а также об участии школьников в помощи фронту и особенностях работы учебных учреждений и пионерских лагерей.

Использование этой группы источников позволило определить основные направления политики государства по отношению к подрастающему поколению в условиях чрезвычайной ситуации и выявить трудности, с которыми столкнулись местные органы власти при реализации принятых решений.

Ко второй группе источников относится делопроизводственная документация советских и партийных органов власти (центральных и местных): отчёты, докладные записки, донесения. В Государственном архиве истории Тюменской области они сосредоточены в фондах городского отдела здравоохранения (Ф. 312), городского отдела по делам физкультуры и спорта (Ф. 309), областного отдела народного образования (Ф. 1823). Некоторые важные документы были выявлены в Государственном архиве социально-

---

постановлений, приказов, инструкций и других руководящих материалов о школе / сост. М. М. Дайнеко. М., 1954; Труд подростков: сб. законов, указов, постановлений и приказов о труде подростков. Алма-Ата, 1946.

²³ Тюменцы – фронту!: сб. док. / отв. ред. В.П. Петрова. 2-е изд., доп. Тюмень, 2005.

политической истории Тюменской области в фондах первичных партийных организаций горно (Ф. П–3517), облздравотдела (Ф. П–2812) и горздравотдела (Ф. П–3515).

Благодаря привлечению данной группы источников, содержащих огромный фактический материал, удалось выяснить, как реализовывалась социальная политика на местах с учётом специфики конкретного города.

К третьей группе источников относятся труды государственных и общественных деятелей²⁴. Реалии военного времени определили направленность и содержание издаваемых работ. В них прежде всего освещались трудовые и боевые подвиги детей и подростков, успехи в проведении всеобуча, а также помощь, оказываемая государством семьям фронтовиков. Вместе с тем замалчивались многие негативные моменты (масштабы беспризорности и детской преступности, потери среди гражданского населения, бытовые трудности).

Четвёртая группа источников представлена материалами периодической печати. Особое место занимает пользовавшаяся популярностью у подрастающего поколения газета «Пионерская правда». На её страницах публиковалась информация о значимых событиях на фронте и в тылу: о победах Красной Армии, трудовых подвигах школьников, об изменениях в учебно-воспитательном процессе. В газете печатались фрагменты из адресованных детям произведений художественной литературы (например, «Тимур и его команда»), размещались карикатуры и рисунки, публиковались письма детей и подростков и многое другое.

Газета «Пионерская правда» выступала в роли посредника между властью и обществом. С одной стороны, определяя характер и содержание

---

²⁴ Гельбах П. Молодёжь в дни Отечественной войны. Горький, 1942; Калинин И. М. О молодёжи. М., 1944; Куфаев В. И. Забота о детях в дни Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1942. № 8–9. С. 9–14; Нечаев Н. В. К итогам работы школьников на полях колхозов и совхозов в 1942 году // Советская педагогика. 1943. № 1. С. 25–32; Парменов К. Я. Школа в помощь фронту. Молотовск, 1942; Советская молодёжь в Отечественной войне. М., 1945; Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 3-е изд. М., 1943; Харламов А. Молодые уральцы – фронту. М., 1943 и др.

номеров газеты, руководство страны доносило до подрастающего поколения необходимую информацию, тем самым влияя на их мировоззрение, мотивы поведения и поступки. С другой стороны, читатели отправляли в редакцию газеты письма, в которых они описывали свои успехи и неудачи, делились эмоциями и переживаниями. Это позволяло власти получать «ответную реакцию» и своевременно реагировать, корректируя проводимый курс.

Помимо детских газет и журналов в ходе исследования использовались материалы периодической печати, ориентированной на взрослых читателей. Речь идёт о региональной газете «Красное знамя», которая после образования Тюменской области была переименована (в сентябре 1944 г.) в «Тюменскую правду». В выпусках этого издания содержатся сведения о действиях местных властей и ситуации в городе, в том числе и о реализации всеобуча, организации массовых детских мероприятий, работе культурных учреждений.

Информация, содержащаяся в материалах периодической печати, отличается многоплановостью, разнообразием жанров. Важными чертами публикаций были оперативность и острота поднимаемых вопросов. Но газеты тех лет были нацелены, главным образом, на идейно-политическую пропаганду и агитацию, на поддержание высокого морального духа населения, что выражалось в одностороннем взгляде на текущие события и замалчивании насущных проблем. Например, в газетах не публиковались материалы о количестве беспризорных и безнадзорных детей, росте детской и подростковой преступности, трудностях эвакуации, нехватке учебных принадлежностей и многом другом.

К пятой группе относятся источники личного происхождения, прежде всего опубликованные и неопубликованные воспоминания тюменских школьников военных лет. Воспоминания представляют особую значимость для данного исследования, поскольку очевидцы и участники событий могут предоставить сведения, которые не содержатся в нормативно-правовых актах, делопроизводственной документации и периодической печати. В нашем

случае они позволили получить фактический материал о быте тюменских школьников, их досуговых практиках, взаимоотношениях со сверстниками, родителями и учителями.

Именно в источниках личного происхождения получают отражение внутренний мир человека, его эмоции и переживания, что важно для изучения истории повседневности. Однако необходимо понимать, что воспоминания – субъективный источник. Огромную роль играет социальное положение автора мемуаров, возраст, его личные взгляды и интересы, господствующий в обществе дискурс на события прошлого, что влияет на достоверность источника. Великая Отечественная война, представлявшая собой экстремальную ситуацию, наложила отпечаток на мировоззрение очевидцев и участников событий. К тому же, со временем некоторые факты стирались из памяти, человек мог перепутать хронологическую последовательность произошедших событий, поменять своё отношение к фактам из прошлого. Нельзя исключать и воздействие средств массовой информации на формирование коллективных представлений о минувшем, в результате чего в воспоминаниях может быть сильна составляющая, отражающая бытующие в обществе стереотипы.

Первые воспоминания юных тюменцев, чьи школьные годы пришлись на военное время, были опубликованы в период «оттепели», в частности, в 1960 г. была издана документальная повесть «Предисловие к жизни»²⁵, посвящённая фронтовым пионерским бригадам, созданным в Тюмени в ноябре 1942 г. В ходе сбора информации авторы повести встретились с руководителями (Б. Ильинским, Г. Кошкиным) и работниками бригад и поговорили с ними о трудовых буднях в годы войны.

Мемуары школьников военных лет также публиковались в сборниках «Тюменская старина», которые были изданы членами одноимённого клуба, образованного в 1987 г.²⁶ В них содержатся воспоминания Лидии Павловны

---

²⁵ Лазарев Л. И., Тараданкин А. К. Предисловие к жизни: док. повесть. М., 1960.

²⁶ Тюменская старина: в 2 т. Тюмень, 2006–2013.

Прокофьевой, Людмилы Геннадьевны Дрозд, Веры Николаевны Кубочкиной и многих других жителей Тюмени.

Некоторые важные для нас в информационном плане материалы содержатся в сборниках А. П. Митинского «Когда бабушка была маленькой»²⁷ и Л. П. Прокофьевой «Дом моего детства»²⁸. Дети войны рассказали о нехватке продуктов питания, одежды и обуви, об особенностях учебного процесса и свободного времяпрепровождения.

С целью получения недостающих сведений о жизни тюменских школьников военных лет в ходе подготовки диссертационного исследования был проведен ряд интервью. Респондентами выступили жители Тюмени, которые в годы Великой Отечественной войны учились в школах города. Помимо воспоминаний, полученных автором лично, были привлечены материалы других интервьюеров. Некоторые из них были собраны в рамках проекта, посвящённого работникам Тюменского государственного университета, чьё детство пришлось на военное время.

Особую значимость представляют воспоминания Натальи Васильевны Черномырдиной, мать которой занимала должность заведующей городским отделом здравоохранения. Не менее ценны воспоминания Майи Михайловны Логиновской, учившейся в одном классе с одним из руководителей фронтовых пионерских бригад – Г. Кошкиным. Она охарактеризовала личность своего одноклассника, поделилась своим мнением о мотивах, побудивших его устроиться на фанерный комбинат, а также подробно рассказала о буднях маленьких тружеников.

Яркие описания повседневной жизни в Тюмени военных лет содержатся в произведениях В. П. Крапивина²⁹. Хотя он стал первоклассником уже по окончании войны, осенью 1945 г., его

---

²⁷ Когда бабушка была маленькой (воспоминания 70–80-летних жителей Тюмени о своём детстве) / сост. Н. Л. Антуфьева. Тюмень, 2013.

²⁸ Прокофьева Л. П. Дом моего детства. Сыктывкар, 2001. (Серия академика М. П. Рощевского «Вспоминая XX век»; № 8).

²⁹ Крапивин В. П. Нарисованные герои: повести. СПб., 2005; Его же. Славка с улицы Герцена: повести давнего детства. Тюмень, 2008 и др.

автобиографические повести позволяют дополнить знания о буднях ребенка провинциального сибирского города.

В целом совокупность источников позволяет решить поставленные исследовательские задачи.

Методологическая основа работы. Диссертационное исследование опирается на принципы историзма и объективности. Первый требует рассматривать исторические явления и процессы в их развитии и взаимосвязи. Второй предполагает проведение всестороннего анализа с учетом всей совокупности фактов.

В качестве основополагающего теоретического направления для изучения научной темы были выбрана история повседневности. Опираясь на ее методологический инструментарий, стало возможным «увидеть» глазами ребёнка окружающую его действительность, реконструировать социальные практики тюменских школьников и выявить их особенности.

Следование выбранным направлениям во многом обусловило использование антропологического подхода, в центре внимания которого находится человек, его деятельность, бытование и культурные практики. В рамках этого подхода исследователь «с максимально возможного числа точек наблюдения» рассматривает историю людей, чтобы восстановить все доступные историку аспекты их жизнедеятельности, понять их поступки, события их жизни в «многосложности, в переплетении самых разных обстоятельств и побудительных причин»³⁰.

В диссертационной работе применялись частные методы исторического исследования: историко-генетический, историко-типологический и историко-сравнительный. Первый позволил выявить причинно-следственные связи и закономерности в социально-экономических и социокультурных аспектах повседневной жизни тюменских школьников. Благодаря второму появилась возможность рассмотреть повседневную жизнь тюменских школьников как внутренне обусловленный процесс. Третий был применён для выявления

---

³⁰ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 65.

общих и специфических черт в жизни тюменских школьников в сравнении с их сверстниками из других городов СССР.

В ходе работы использовались методы смежных дисциплин, в частности социологии. Было проведено 7 полуструктурированных интервью, во время которых респонденты отвечали на вопросы открытого типа, касающиеся материально-бытовых условий жизни, учебного процесса, досуга, участия в помощи фронту, практик взаимодействия со сверстниками, учителями, родителями и других аспектов повседневной жизни.

Изучение такой возрастной группы как школьники позволило применить в качестве метода исследования поколенческий анализ, который позволяет рассмотреть историю через призму поколений, сменяющих друг друга, и выявить специфику каждого из них. Ключевым понятием является «поколение», однако учёные по-разному его трактуют. На наш взгляд, наиболее подходящей для диссертационного исследования является концепция, согласно которой под «поколением» подразумевается группа индивидов, «родившихся в одно время и имеющих общий опыт, общие интересы и взгляды»³¹. В данном случае в качестве главного критерия выступает самосознание, идентификация современников как единой группы, в частности, детей войны.

В проекте федерального закона № 427810-4 «О государственной социальной помощи детям войны» указано, что это «лицо, являющееся гражданином Российской Федерации, которому на время окончания (2 сентября 1945 г.) Второй мировой войны было меньше 18 лет»³². Такая формулировка не совсем применима в нашем случае, поскольку вне рамок этой возрастной категории оказываются люди, которые родились с 1924 по

---

³¹ Семёнова В. В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 81.

³² Статья 2. Основные понятия // Проект федерального закона № 427810-4 «О государственной социальной помощи детям войны» (внесен депутатом ГД А. В. Скочем) (не действует) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: garant.ru (дата обращения: 15.06.2021).

1926/1927 гг.³³ Мы полагаем, что в рамках диссертационного исследования их можно также включить в категорию детей войны, поскольку их школьные годы пришлись на военное время.

Представители этого символического поколения не все являлись сверстниками. В Советском Союзе дети были обязаны учиться с 8 лет (по постановлению СНК СССР от 8 сентября 1943 г. с 1944/1945 учебного года возрастной порог снизился до 7 лет³⁴) и до 15 лет. Большинство из них выпускались после окончания VII класса, но были и те, кто переходил в старшие классы и оканчивал среднюю школу в возрасте 17-18 лет. Сосредоточение исследовательского внимания на всей совокупности школьников мы полагаем возможным, поскольку, несмотря на крайнюю противоречивость данной группы в психологическом отношении, ее представителей объединяет то, что они находились на иждивении родителей (или государства), их ведущей деятельностью являлась учеба, от них в большей степени требовали послушания, нежели инициативы и самостоятельности³⁵.

В ряде случаев мы используем термин «школьный коллектив». Членами школьного коллектива являлись не только учащиеся, но также работники школы. Его специфику наиболее подробно описал российский педагог В. А. Сухомлинский в своём труде «Мудрая власть коллектива»: «Ученический и педагогический коллективы – отдельные объединения, которые живут своей жизнью, каждый из них имеет свои закономерности становления и развития. Между ними нельзя провести какой-либо резкой грани, они не отделены друг от друга какой-то стеной, они в своем единстве представляют школьный коллектив, вместе с тем они и не сливаются в единое

---

³³ Людям, которые родились с января по 2 сентября 1927 г., на момент окончания войны уже исполнилось 18 лет.

³⁴ «О приёме детей семилетнего возраста» // Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. С. 120.

³⁵ Подобные критерии выделял в своих трудах известный психолог И. С. Кон. См., например: Кон И. С. Психология старшеклассника. М., 1980. С. 41.

целое»³⁶. Бытование любого школьного коллектива целесообразно рассматривать на двух уровнях: формальном (определяемом через заданную организационную структуру, систему делового общения) и неформальном (складывающемся в процессе свободного общения и времяпрепровождения детей)³⁷.

Используя термин «досуг» в своей работе, мы опирались на формулировку французского социолога Ж. Дюмазедье: досуг – это комплекс дел, которыми человек может заниматься после исполнения различного рода обязанностей. К ним можно отнести отдых, развлечения и самообразование³⁸.

Необходимо также пояснить, что мы подразумеваем под «беспризорностью» и «безнадзорностью». К началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе не сложилось единого мнения по поводу данных понятий. В декрете ВЦИК и СНК РСФСР, принятом в марте 1926 г., указывалось, что к беспризорникам относятся дети в возрасте до 16 лет, у которых нет близких родственников (родителей, братьев и сестёр), способных позаботиться о них, или потерявшие связь с матерью и отцом. В постановлении фигурировал и новый статус – «временно беспризорный». Его приобретали дети, чьи родители из-за разных причин (по болезни, вследствие лишения свободы) не могли содержать своего ребёнка в определенный период времени³⁹.

В «Большой советской энциклопедии», изданной в 1927 г., беспризорными назывались дети и подростки, «лишенные педагогического надзора и попечения и живущие в условиях, вредно действующих на их общественные проявления и здоровье». К ним же относились и те дети и

---

³⁶ Сухомлинский В. А. Мудрая власть коллектива [Электронный ресурс]. М., 1975. URL: <http://pedagogic.ru> (дата обращения: 24.03.2020).

³⁷ Кон И. С. Психология старшеклассника. С. 90.

³⁸ Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга // Вестник Московского государственного университета. 1993. № 1. С. 86.

³⁹ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР» от 8 марта 1926 г. [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: <http://www.libussr.ru/> (дата обращения: 08.04.2022)

подростки, кого родители (или опекуны) «лишают пищи, грубо с ними обращаются, совращают их на преступления, разлагающе влияют собственным примером»⁴⁰. При такой трактовке в число беспризорных детей и подростков входили и безнадзорные.

В Российской Федерации эти понятия были разделены в нормативно-правовых актах. Так, в Федеральном законе РФ от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» указывалось, что безнадзорный – это «несовершеннолетний, контроль над поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению или содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц». В таких условиях ребёнок мог стать беспризорным. К беспризорным относят детей и подростков (до 18 лет), не имеющих места жительства или места пребывания и, как следствие, потерявших связь со своими родителями или другими близкими родственниками⁴¹. Этим определением автор придерживался в своей работе.

Научная новизна диссертации заключается в том, что на основе широкого круга источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, комплексно анализируются изменения в повседневной жизни тюменских школьников в годы Великой Отечественной войны; характеризуются общие и специфические ее проявления в сравнении с военной повседневностью детей и подростков других тыловых регионов страны. В диссертационном исследовании серьёзное внимание уделяется изучению внутреннего мира детей войны. Как показал анализ историографии, такие сюжеты не нашли детального отражения в трудах других исследователей. Многие отечественные и зарубежные историки

---

⁴⁰Залкинд А. Б., Эпштейн М. С. Беспризорность // Большая советская энциклопедия / под ред. О. Ю. Шмидта. 1-е изд. Т. 5. М., 1927. С. 783.

⁴¹ Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант. Ру. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 29.05.2021).

ограничились изучением военного детства с позиций традиционного подхода, рассматривая детей как объект государственной заботы. В этом случае ребёнок оказывался пассивным, действовавшим согласно указаниям взрослых и выполнявшим все требования и установленные правила. Но на деле он не только воспринимал по-своему окружающую действительность, но и вырабатывал собственные модели поведения, выявление и анализ которых проводились в ходе диссертационного исследования. Другие же исследователи реконструировали адаптивные практики ребёнка военного времени, но в центре их внимания в основном находились дети и подростки, проживавшие в непосредственной близости от линии фронта.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что фактический материал и полученные выводы могут быть использованы для составления учебных пособий и курсов по истории Великой Отечественной войны, истории повседневности и истории советского детства. Эту информацию можно использовать также при организации экспозиций и выставок в краеведческих музеях, расположенных на территории Тюменской области.

Положения, выносимые на защиту:

1) Жизнь тюменских школьников проходила в условиях дефицита всего необходимого: жилплощади, продуктов питания, одежды, обуви, школьных принадлежностей. Это являлось следствием не только сокращения финансирования социальной сферы и свертывания производства товаров народного потребления. Определённую роль в ухудшении материально-бытовых условий жизни в Тюмени сыграл приток эвакуированных. Реалии военного времени способствовали тому, что ребёнок в более раннем возрасте приобщался к бытовым и хозяйственным практикам, существовавшим во взрослом мире, нежели его сверстники в мирное время.

2) В военные годы подавляющее число тюменских школьников принимало участие в оказании помощи фронту. Наибольший вклад в эту деятельность внесли ученики V–VII классов. В качестве основных мотивов,

которыми они при этом руководствовались, выступали патриотические настроения, стремление придать своим поступкам общественную значимость. Хотя нередко сами дети проявляли инициативу, в ряде случаев родители помогали в этом материально, выделяя собственные средства для того, чтобы их ребёнок смог внести свой вклад в общее дело.

3) В годы Великой Отечественной войны школьные будни юных тюменцев мало чем отличались от будней их сверстников в других тыловых городах Советского Союза. Тем не менее, были и свои особенности, обусловленные дефицитом ресурсов, необходимых для реализации принятых правительством решений. В частности, в годы войны тюменским школам не удалось перейти на отдельный формат обучения. Не повлияло на ситуацию даже то, что в августе 1944 г. Тюмень стала областным центром. На новый формат обучения тюменские школы стали переходить с 1945/1946 учебного года.

4) В годы Великой Отечественной войны значительно увеличилась роль школы в деле конструирования досуговых практик учеников. Однако в Тюмени из-за недостатка материальных и людских ресурсов взрослым (работникам школ, культурно-просветительских учреждений) не всегда удавалось занять ребёнка полезным делом. В этом случае тюменские дети и подростки большую часть времени проводили во дворе, самостоятельно выбирая формы времяпрепровождения, далеко не всегда одобряемые властью и обществом.

5) В годы войны в Тюмени выросли масштабы детской преступности, что во многом было обусловлено дефицитом товаров народного потребления, плохими жилищными условиями (в семьях, интернатах и детдомах), отсутствием надзора и опеки со стороны взрослых. Именно тяжелые жизненные обстоятельства вынуждали детей и подростков совершать правонарушения, в основном карманные кражи. Действовали они, как правило, в одиночку или вдвоём, но со временем стали объединяться в преступные группы. Принятые меры (ужесточение уголовного

законодательства, открытие детприёмника, материальная помощь нуждающимся) не позволили стабилизировать ситуацию в городе.

6) В условиях Великой Отечественной войны у членов школьного коллектива (учителей и учеников) были схожие обязанности. Они вместе осваивали сельхозтехнику, собирали металлолом и макулатуру, сдавали вещи и деньги в помощь раненым, эвакуированным, жителям освобожденных от оккупации районов. Это являлось свидетельством сплочённости членов коллектива и отражало общую ситуацию в стране – мобилизацию всего населения для достижения победы.

7) В тыловом провинциальном городе для мобилизации населения максимально военизировалась жизнь. Это касалось и будней тюменских школьников: организуемые на производстве бригады носили название фронтовых, а самые передовые из них – гвардейских; на работу дети ходили строем; в пионерских лагерях проводились военные игры с участием команд, называвшихся бригадами и батальонами; в школе же ученики должны были беспрекословно подчиняться учителю по аналогии с тем, как бойцы выполняют приказы своего командира.

8) В Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны предпринимались попытки унифицировать повседневность младших и старших школьников. И те, и другие участвовали в военизированных ритуалах, помогали фронту (жертвовали деньги и вещи, ходили в госпитали и пр.), схожими были и многие досуговые практики, особенно те, что были сконструированы взрослыми. Через разные каналы (школу, кружки и секции, детские газеты и журналы) власть транслировала всем школьникам одни и те же идеи, которые были необходимы для обеспечения народного единства в тяжелой войне.

Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

Глава 1. Социально-экономические аспекты повседневной жизни советских школьников тылового города в годы Великой Отечественной войны

1.1. Материально-бытовая среда Тюмени в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война оказала значительное влияние на материально-бытовые условия жизни населения. Для победы над противником материальные и людские ресурсы вкладывались в первую очередь в те отрасли экономики, которые обеспечивали нужды армии. Добиться этого удалось за счёт перераспределения средств в ущерб мерам социальной поддержки, производству товаров народного потребления, развитию медицины, образования. Передовица «Правды», перепечатанная ежедневной газетой тюменского горкома ВКП(б) и горсовета «Красное знамя», содержала призыв к населению трудиться «больше и лучше обычного», а жить – «скромнее обычного»: «Отказавшись от всяких излишеств не только в хозяйстве, а и в быту, можно дать больше средств фронту»⁴². В масштабах страны затраты на социально-культурные мероприятия снизились с 40,9 млрд руб. в 1940 г. до 31,3 млрд в 1941 г.⁴³ Городской бюджет Тюмени на второе полугодие 1941 г., согласно решению местных властей, был сокращён на 1 258 000 руб., из которых 379 800 предназначались на нужды здравоохранения, 320 000 – на просвещение и 350 000 – на жилищное хозяйство⁴⁴. Результатом этого стало серьёзное ухудшение материального положения и бытовых условий граждан.

Инфраструктура Тюмени и до начала Великой Отечественной войны находилась в плачевном состоянии. Многие тюменцы жили в старых деревянных домах или пристройках (к концу 1930-х гг. план жилищного

---

⁴² Забота о бытовых нуждах населения // Красное знамя. 1942. 7 января.

⁴³ Зинич М. С. Будни военного лихолетья, 1941–1945: в 2 вып. М., 1994. Вып. 2: Будни военного лихолетья, 1941–1945. М., 1994. С. 15.

⁴⁴ Протокол заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 19 июля 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419. Л. 303.

строительства был выполнен всего на 27 %) ⁴⁵. Во многих из них отсутствовал водопровод. В целом город обеспечивался водой только на 25 % от принятых нормативов ⁴⁶. Для пищевых и бытовых нужд жители брали воду из 24 водозаборных будок ⁴⁷. В 1939 г. имелось 200 фонарей для освещения в ночное время, чего явно не хватало: общая протяжённость улиц составляла более 180 км. Плохо обстояли дела с общественным транспортом: в автопарке числилось всего 4 автобуса, из-за чего жители в основном передвигались по городу пешком ⁴⁸. При этом мощёные тротуары практически отсутствовали, весной и осенью многие улицы покрывались огромными грязными лужами.

Даже центр города не был благоустроен: «Центральная улица Республики шла параллельно реке Туре и упиралась в гору, на которой помещался заброшенный и загаженный монастырь, а левее, дальше от реки стояло добротное четырехэтажное здание педагогического института, единственного в городе высшего учебного заведения. Здесь был мост через Туру, старый, с деревянными фермами и сваями» ⁴⁹.

В годы войны, ввиду нехватки бюджетных средств, положение только ухудшилось. На заседаниях Тюменского горисполкома неоднократно обсуждалась необходимость приведения в порядок городской инфраструктуры. В частности, в сентябре 1941 г. депутаты призывали к ответу сотрудников госсанинспекции, из-за неисполнения обязанностей которыми «городские баки, уборные и отдельные дворы систематически не соответствовали санитарным нормам» ⁵⁰. В 1943 г. в докладе руководства горжилуправления отмечалось, что улицы Тюмени «обросли грязью», тротуары и дворы не очищаются: «Даже центральные улицы потоки грязи

---

⁴⁵ Там же. С. 25.

⁴⁶ Бакулина Т. И. Формирование органов власти и управления в Тюменской области в 1944–1947 годах // Вестник ИГПИ им. П. П. Ершова. 2013. № 2(8). С. 8–9.

⁴⁷ Цит. по: Ковалева О. А. Санитарное состояние Тюмени в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Тюменский исторический сборник. 2015. № 17. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26743992_68365914.pdf (дата обращения: 25.05.2021).

⁴⁸ Бакулина Т. И., Бородулина Е. В. Указ. соч. С. 25.

⁴⁹ Збарский И. Б. Объект № 1. М., 2000. С. 179.

⁵⁰ Протокол № 21 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 11 сентября 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419. Л. 373.

делают непроходимыми, ногами трудящихся фекалии разносятся по тротуарам и зданиям. На центральных улицах появились горы навоза, сваливаемого сюда рачительными гражданами. На улице Челюскинцев, напротив здания райисполкома, появились новые горнообразования навозного происхождения. Двор Кубанского института (Республики, 32) загрязнен непроходимо, уборная сломана, хоздвор треста столовых и Тюмторга (Герцена, 77) — уборные в таком состоянии, что войти в них совершенно невозможно, двор не чистится... тротуары, с наступлением весны, приняли самый бесшабашный вид, все всплыли, где обросли толстым слоем грязи, где глубоко потонули, одно ясно — в одинаковой мере все они опасны для пешеходов, ... 21 школа плавала в грязи»⁵¹.

В распутицу привычный путь мог обернуться для горожан настоящим приключением: «В сентябре я ходила в летних сандалиях, поскольку другой обуви у меня не было. Грязь непролазная, а улицы Челюскинцев и Ленина не были мощёными. Пошла я в школу и по пути провалилась в грязь. С огромным трудом выбралась. Все сандалии были в грязи. Пришлось идти домой, мыть всё»⁵².

Весьма нелестно отзывались местные жители о состоянии города и в 1944 г.: «Из 90 километров тротуаров только 10 километров находятся в едва удовлетворительном состоянии, все мосты требуют капитального ремонта, деревянные дороги на 90 % износились и требуют полной реконструкции, булыжные мостовые требуют ремонта, торцовые мостовые вопят о немедленной смене, подъездные пути не могут обойтись без срочной их поправки, а отдельные места улиц представляют форменные болота»⁵³.

Не имея сил и возможностей исправить ситуацию, руководители

---

⁵¹ Цит. по: Скипина И. В., Немков А. Н. «Сталинки» Тюмени и их обыватели в советской и постсоветской повседневности // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 187.

⁵² Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

⁵³ Протокол заседания XXXI сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 17 марта 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 458. Л. 166.

Тюменской области обратились за помощью в Москву. 3 января 1945 г. вышло постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по улучшению городского хозяйства города Тюмени». В скором времени (8 января 1945 г.) СНК СССР принял постановление «О мерах помощи и улучшения городского хозяйства г. Тюмени». Согласно этим нормативно-правовым актам, планировалось построить 2800 м² жилья, провести капитальный ремонт домов, были выделены суммы на благоустройство города и кредиты на индивидуальное жилищное строительство⁵⁴. Но принятые меры способствовали лишь частичному решению насущных нужд тюменцев.

На протяжении всего военного периода в Тюмени, как и в других провинциальных советских городах, сохранялась проблема антисанитарии, которая могла способствовать распространению желудочно-кишечных заболеваний и возникновению эпидемий, но руководство города за неимением средств ограничивалось регулярной констатацией факта неблагополучия в сфере общественной гигиены⁵⁵. Для улучшения ситуации необходимы были серьёзные денежные вложения. Но этого не произошло и после того, как Тюмень стала столицей новой области. На благоустройство города, улучшение его облика по-прежнему выделялось крайне мало ресурсов.

Серьёзные изменения произошли в жилищных условиях горожан. Уже к 27 декабря 1941 г. в Тюмени расселили 16 231 человека эвакуированных (по всей видимости, эти данные неполны, поскольку точного учёта не велось; не было известно и количество трудоспособного населения, детей и подростков среди этих контингентов)⁵⁶. Предварительные подсчеты позволяют говорить, что население города уже к февралю 1942 г.

---

⁵⁴ Цит. по: Бакулина Т. И. Формирование органов власти... С. 8–9.

⁵⁵ Выписка из протокола № 9 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 18 апреля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 523. Л. 22.

⁵⁶ Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 2: На Сибирской земле. Томск, 2005. С. 55.

увеличилось примерно на 20 %⁵⁷ (в 1940 г. в Тюмени проживало 83,2 тыс. чел)⁵⁸. Вследствие резкого роста численности горожан возникла серьёзная проблема с обустройством приезжих.

Эвакуированные прибывали в места дислоцирования самостоятельно или вместе с детскими учреждениями. Исследователи приводят разные количественные данные. Так, Т. И. Дунбинская в своей статье указывает, что в Омскую область было переведено 62 детских дома на 15 635 чел. и было вновь открыто 26 детских домов, рассчитанных на 43 881 чел. По сведениям В. А. Исупова, «на 1 января 1944 г. в Омской области было размещено 122 детских дома (в том числе 65 из Ленинграда, а в них 14 000 детей, и в интернатах – 8 000)»⁵⁹. На территории же Тюменской области (в её современных границах), по данным на 1943 г., работали 13 эвакуированных детских домов и интернатов из Ленинграда, 3 московских детских дома, 17 смешанных детских домов, 9 дошкольных детских домов, и 2 школы для глухонемых из других регионов Советского Союза⁶⁰.

Эвакуированные приезжали в незнакомый им край, как правило, с малым количеством вещей, абсолютно не подготовленные к суровому сибирскому климату. Переезд проходил в тяжёлых условиях: не хватало продуктов питания, теплой одежды, обуви, медикаментов. На месте из-за нехватки свободной жилплощади детские учреждения нередко размещали в непригодных помещениях. Так, по итогам проверки, проводимой Наркоматом просвещения РСФСР в октябре 1941 г., были выявлены серьёзные нарушения в работе Омского областного отдела народного образования: детские дома не были оборудованы, из-за нехватки топлива в

---

⁵⁷ Сведения о движении гражданского населения по городу Тюмени за январь и февраль 1942 г. Адресовано председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву и секретарю Тюменского городского комитета ВКП(б) Д. С. Купцову. 4 марта 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 452. Л. 18.

⁵⁸ Очерки истории тюменской милиции. С. 98.

⁵⁹ Снегирёва Л. И. Приём и размещение эвакуированных детских учреждений в Западносибирском тылу (1941–1943 годы) // Вестник ТГПУ. 2018. № 5 (194). С. 146.

⁶⁰ Цит. по: Дунбинская Т. И. Статистика эвакуированных и местных детских учреждений... С. 47, 49.

зданиях было холодно. К тому же, чтобы восполнить нехватку педагогических кадров, на должности воспитателей в детдома назначали людей, «которые часто не любили детей и шли работать в детские учреждения из корыстных соображений»⁶¹.

И в этом плане Омская область мало чем отличалась от других тыловых районов – центров эвакуации. Так, в своей статье, в которой говорится о детских домах на Урале, А. Н. Варехина приводит следующие данные: дети, эвакуированные из Ленинграда в Челябинскую область, были очень плохо обеспечены бельём, одеждой и обувью, в частности, из 10 500 питомцев около 50 % имели только одну смену постельного белья⁶². О тяжёлых условиях, в которых жили воспитанники детских домов, расположенных на территории Нижнего Поволжья, упоминает в своей статье Е. Е. Красноженова: «Детские дома испытывали недостаток в мебели, мягком инвентаре, в одежде и обуви. Многие дети из-за отсутствия одежды и обуви не могли посещать школы. Санитарное состояние детских домов оценивалось как неудовлетворительное, отсутствовали медикаменты, не проводились профилактические мероприятия, что создавало угрозу эпидемий. Большинство детских домов региона работало в непригодных помещениях»⁶³.

Согласно сведениям В. П. Южакова, к февралю 1942 г. Тюмень приняла более 20 тыс. эвакуированных⁶⁴. К 1 марта 1942 г. численность населения в городе достигла 94 775 человек⁶⁵. Его инфраструктура не была

---

⁶¹ Цит. по: Дунбинская Т. И. Статистика эвакуированных и местных детских учреждений... С. 49.

⁶² Цит. по: Варехина А. Н. Детские дома на Урале в годы Великой Отечественной войны // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 35.

⁶³ Красноженова Е. Е. Социальная проблема беспризорности и безнадзорности и её решение в период Великой Отечественной войны (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 20–21.

⁶⁴ См.: Южаков В. П. Мобилизационные процессы в промышленности Тюменского региона (1938–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2016. С. 56.

⁶⁵ Сведения о движении гражданского населения по городу Тюмени за январь и февраль 1942 г. Адресовано председателю Исполнительного комитета Тюменского городского

рассчитана на такое количество людей, поэтому местные власти в экстренном порядке принимали меры по мобилизации внутренних ресурсов. Одной из таковых стало принятие 16 октября 1941 г. горсоветом решения, в котором определялась норма жилой площади на одного человека. «Оптимальной» была признана площадь, равная 4 м² (для сравнения – в Молотовской области этот показатель был равен 2,5 м²)⁶⁶. В одну комнату, разделенную ширмой или перегородкой, разрешалось подселать две семьи. В случае, если хозяева не соглашались пускать в квартиру вновь прибывших, они сами подлежали выселению⁶⁷. Такая мера позволила ослабить жилищный кризис только на время, позднее эвакуированных стали размещать в подсобных помещениях, переоборудованных под жильё. Специально для них строились бараки, однако из-за нехватки материалов и рабочих рук строительство продвигалось медленно⁶⁸. Для сравнения, в Новосибирской области, согласно решению местного облисполкома от 27 сентября 1941 г., предлагалось «привлекать в порядке платной трудовой повинности к строительству жилищ эвакуированное и местное население» в свободное от работы время. Тех же, кто уклонялся, подвергали ответственности в виде штрафа в размере до 100 руб. или исправительно-трудовых работ на срок до одного месяца. Это решение было принято в соответствии с постановлением СНК СССР «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» от 13 сентября 1941 г.; оно действовало в период первой волны эвакуации в Новосибирскую область с 1 октября 1941 г. по 31 декабря 1941 г. и, возможно, было продлено⁶⁹. По всей видимости, аналогично поступило и

Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву и секретарю Тюменского городского комитета ВКП(б) Д. С. Купцову. 4 марта 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 452. Л. 18.

⁶⁶ Коренюк В. М. Повседневная жизнь детей... С. 49.

⁶⁷ Протокол № 23 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 16 октября 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419. Л. 425.

⁶⁸ Выписка из протокола № 5 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 12 марта 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423. Л. 195.

⁶⁹ Решение Новосибирского облисполкома о привлечении населения к трудовой повинности по строительству жилых домов для эвакуированного населения от 27 сентября 1941 г. // Во имя победы. Т. 1: Исход. Томск, 2005. С. 74.

руководство Омского облисполкома, однако даже эта мера не повлияла на общую ситуацию⁷⁰. В Тюмени не имелось возможности обеспечить жильем даже семьи командиров Красной Армии, прибывшие в эвакуацию из западных регионов страны. В июле 1942 г. председателю Тюменского горсовета поступило письмо, в котором сообщалось о том, что начальник горжилуправления отказывал семьям комсостава в предоставлении квартир и отправлял их в квартирно-эксплуатационную часть (КЭЧ) гарнизона⁷¹, которая, в свою очередь, не располагала соответствующим резервом жилплощади для расселения 30 семей⁷².

Местные власти подселили большинство иногородних в квартиры тюменцев, кого-то разместили в общих кухнях в коммуналках. Конечно, подобные меры не позволяли соблюдать установленные нормы жилплощади. Это признавало и руководство Тюмени. Так, 18 января 1943 г. на заседании горсовета было озвучено, что в горжилуправление регулярно поступало очень большое количество жалоб: «Все они сводятся к тому, что та или иная площадь не подходит для жилья. Конечно, трудящиеся города вправе требовать лучших жилищных условий, но мы подчас этих требований не выполняем и не можем выполнить из-за отсутствия жилплощади»⁷³.

Безусловно, местные органы власти занимались жилищным вопросом, выделяя средства на строительство и ремонт, но результаты были плачевными. В частности, в отчётном докладе председателя Тюменского горисполкома за 1943 г. сообщалось, что за весь год в городе удалось

---

⁷⁰ Там же. С. 296.

⁷¹ На квартирно-эксплуатационные части были возложены обязанности по организации «технической эксплуатации казарменно-жилищного фонда и коммунальных сооружений, обеспечение всеми видами квартирно-имущественных частей, приписанных к КЭЧ района (гарнизона), и учёт квартирно-имущественных частей» // Библиофонд: электронная коллекция словарей и энциклопедий [Электронный ресурс]. URL: bibliofond.ru (дата обращения: 15.06.2021).

⁷² Письмо председателю Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от начальника КЭЧ Тюменского гарнизона старшего лейтенанта интендантской службы Камынина. 10 июля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 455. Л. 295.

⁷³ Протокол № 24 заседания XXIV сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 18 января 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 457. Л. 4. Л. 17.

отремонтировать только 180 комнат, построить один пятиквартирный дом и один жилой барак на 35 семей⁷⁴. Подобные темпы строительства сохранялись на протяжении всех военных лет, а также и первых послевоенных.

Жилищный кризис в городе вынуждал местные власти отправлять эвакуированных в сельскую местность (аналогичные решения принимали главы и других тыловых регионов, например, Молотовской области)⁷⁵. Имеющиеся данные не позволяют определить точное количество тех, кого поселили в деревнях. М.П. Беленко, ссылаясь на данные Переселенческого управления Совета по эвакуации, приводит следующие цифры: к 1 января 1942 г. в Омскую область было эвакуировано 130 029 чел., из которых всего лишь 7 980 чел. были размещены на селе⁷⁶.

Острота жилищной проблемы в Тюмени начала ослабевать по мере осуществления массовой реэвакуации, развернувшейся с конца 1943 г., в ходе которой сократилась численность населения города, в том числе детей и подростков. Их находили и забирали родители или родственники, они уезжали вместе детскими учреждениями и организациями. По сохранившимся количественным данным, на 1 апреля 1943 г. на территории Западной Сибири проживали 359 900 эвакуированных детей, из которых 106 900 – в Омской области. К 1 января 1944 г. их численность сократилась до 66 400⁷⁷.

Проживая в одной квартире или комнате с эвакуированными, юные жители Тюмени постоянно контактировали с ними. В памяти большинства горожан отложились факты биографий новых соседей, в частности, место их проживания, количество человек в семье, возраст и профессия. Так, М. М. Логиновская вспоминала, что к ним в комнату подселили мать с

---

⁷⁴ Протокол заседания XXXI сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 17 марта 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 458. Л. 162.

⁷⁵ Коренюк В. М. Повседневная жизнь детей... С. 49.

⁷⁶ Беленко М. П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект (1941–1943 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. С. 16.

⁷⁷ Снегирёва Л. И. Реэвакуация гражданского населения... С. 24.

ребёнком, муж которой был лётчиком. В комнате их соседей расположилась многодетная семья, а на кухне стала жить пожилая пара из Харькова⁷⁸. Со временем соседей могли переселить, но из-за остроты жилищного вопроса на их место сразу же приезжали другие: «В нашей двухкомнатной квартире проживало четыре человека. Большую комнату у нас забрали и подселили семью с двумя детьми из Николаева. Вскоре и их потеснила семья из Севастополя»⁷⁹, – отмечал в своих воспоминаниях А. Бесчастных.

Принятые меры привели к тому, что «дом» потерял статус личного пространства, защищенного от посторонних.

Но дети и подростки обычно радовались, если их соседями становились сверстники, с которыми можно было проводить свободное время, учить уроки, заниматься домашними делами⁸⁰. Как отмечали многие респонденты, их родители жалели приезжих: они понимали, что, помимо психологических травм, полученных по прежнему месту жительства в результате бомбежек, обстрелов, гибели родных, те испытывали эмоциональный шок от переезда и новых условий проживания. Более того, они видели, что эвакуированные приезжали «налегке», с минимумом вещей и одежды, нередко в истощенном состоянии. Н. В. Черномырдиной, дочери заведующей городским отделом здравоохранения, запомнился один день, когда её мама вернулась с работы в слезах: «Плачет и рассказывает про то, каких слабых детей привезли из Ленинграда. Страшно было»⁸¹.

Выстраиванию тесных отношений между новыми соседями способствовали тяжёлые материально-бытовые условия, которые вынуждали их делиться друг с другом необходимыми вещами. Из-за установленных ограничений на потребление электричества в комнате могли включать только

---

⁷⁸ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

⁷⁹ Тюменская область сегодня. Тюмень-колыбель сибирского судостроения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tumentoday.ru> (дата обращения: 15.10.2019).

⁸⁰ Согласно имеющимся данным, к 1 декабря 1942 г. в Омскую область было эвакуировано 22,2 тыс. ленинградцев // См.: Во имя Победы. Т. 1. С. 251.

⁸¹ Воспоминания Н. В. Черномырдиной, 1927 г. р. Записаны О. А. Ковалёвой в 2016 г. // Архив автора.

одну лампочку. В этом помещении, как правило, общего пользования, и собирались жители квартиры, чтобы обсудить последние новости, поделиться своими мыслями. Днём, когда многие взрослые были заняты на производстве, свободные от работы соседи приглядывали за детьми: «Когда я [Л. П. Прокофьева. – Д. В.] стала постарше, мама оставляла меня одну, и иногда за мной присматривали соседи. Я очень благодарна всем людям, которые согрели меня, девочку военных лет, своим теплом»⁸².

По причине занятости родителей многие обязанности по дому легли на плечи младших членов семьи. В течение дня они приносили воду, занимались уборкой помещения, отovarивали продовольственные карточки. Девочки вместо матерей готовили, стирали, шили, нянчили своих братьев и сестёр, а также нередко и соседских малышей из числа эвакуированных. Мальчики же, чьи отцы были на фронте, во многих случаях брали на себя роль главы семьи. На их плечи ложились не только несложные мужские работы по дому (прежде всего, мелкий ремонт, починка вещей). Такой статус предполагал, что их главной обязанностью становилось улучшение материального положения своих близких родственников. В некоторых случаях подростки решались на серьёзный шаг, устраиваясь на временную подработку, на предприятие или в колхоз, после чего прекращали своё обучение в школе, тем самым переходя во взрослую жизнь.

Из-за перебоев в работе системы отопления во многих квартирах были установлены печи. За доставку дров были ответственны сотрудники Топливного отдела горисполкома (гортопа), но за годы войны они регулярно не выполняли задания по обеспечению бесперебойных поставок. Так, к 1 августа 1943 г. ими было заготовлено 57 200 м³ из запланированных 110 540 м³. Потребность в дровах для социально-бытовых служб и населения на отопительный сезон была удовлетворена на 42 %, а по доставке – на

---

⁸² Когда бабушка была маленькой. С. 36.

21 %⁸³. Частично компенсировать нехватку дров удавалось силами самих детей и подростков. После уроков учащиеся среднего и старшего звена тюменских школ (как и их сверстники, проживавшие в других тыловых регионах страны) отправлялись за город и рубили дрова, после чего грузили их на сани и привозили домой. Ученики младших классов нередко тоже участвовали в заготовке дров (обрубая с деревьев сучья), а иногда приносили несколько поленьев или же подбирали ветки и щепки по дороге домой.

В бытовых делах помощь нуждающимся семьям оказывали и тимуровские команды, состоявшие из учащихся школ: они кололи дрова, вскапывали огород, собирали мусор, ходили отоваривать продовольственные карточки, ремонтировали квартиры. Государство поддерживало подобную инициативу, поскольку это позволяло решить несколько основных задач: оказывать помощь семьям фронтовиков и эвакуированных, осуществлять трудовое воспитание и регламентировать досуг подрастающего поколения. Последние две задачи, по мнению руководителей Наркомпроса, комсомола и пионерии, позволяли предотвратить рост числа беспризорных и безнадзорных и количества преступлений, совершаемых детьми и подростками.

Особенно остро в годы войны стоял вопрос с обеспечением населения пищевыми продуктами. В это время распределением продовольственных фондов занималось государство. Основы системы нормирования были заложены постановлением СНК СССР «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в городах Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей» от 18 июля 1941 г. С этого времени население этих регионов получало по карточкам хлеб, макаронные изделия, мясо, крупы⁸⁴. С 1 ноября

---

⁸³ Решение Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 12 августа 1943 г. «О ходе заготовки дров Гортопом» // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 471. Л. 82.

⁸⁴ Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг.: сб. док.: в 4 т. М., 1957–1958. Т. 2: 1929–1945 годы. М., 1957. С. 705.

1941 г. в 38 городах страны вводились карточки на мясо, рыбу, жиры, крупу, макароны, а в остальных городах и рабочих поселках эти продукты выделялись из централизованных фондов на все население по расчетным нормам, которые определялись в зависимости от состояния ресурсов. В первую очередь эти продукты отправлялись в заведения общественного питания, а остатки – в магазины. В Тюмени централизованное нормированное снабжение было введено к концу ноября 1941 г.⁸⁵ Согласно приказу Наркомторга СССР от 31 октября 1941 г., карточки на основные продукты получили «учителя школ и преподаватели техникумов, врачи и медицинский персонал лечебных учреждений, инвалиды Отечественной войны и работники областных и городских советских и партийных организаций»⁸⁶. По рассказам респондентов, комплекты карточек выдавали и работникам эвакуированных оборонных предприятий. Всё остальное работающее население города получало по карточкам только хлеб.

Жители Тюмени могли приобрести продукты в торговых точках двух типов – закрытых и открытых. В магазинах закрытых типов отоваривали карточки только рабочие оборонных заводов, железнодорожного и речного транспорта, командный состав армии и НКВД, а в магазинах открытых типов – остальные тюменцы. Первые обеспечивались продуктами намного лучше, чем вторые: пополнять продовольственный фонд позволяли внутренние ресурсы предприятий. Большинство горожан жаловались на постоянные очереди, в которых приходилось стоять не по одному часу, на регулярные задержки с поставками продовольствия, в том числе и хлеба. Кроме того, в таких магазинах, как правило, царил антисанитария: «Там было грязно, сыро, холодно, товар нередко лежал прямо на полу»⁸⁷.

---

⁸⁵ Южаков В. П. Мобилизационные процессы... С. 130.

⁸⁶ Орлов И. Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 38.

⁸⁷ Кабакова Н. В. Организация снабжения и питания населения в период Великой Отечественной войны в западной Сибири (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 214.

В начале войны стали появляться магазины, в которых осуществлялась коммерческая торговля. Цены в них были намного выше, но и здесь жителям «приходилось тратить много времени в ожидании своей очереди, а продуктов часто на всех не хватало»⁸⁸.

Отовариванием карточек нередко занимались подростки, учащиеся средних и старших классов: «За хлебом приходилось вставать в 5–6 утра и стоять в очереди по 3 часа»⁸⁹, – вспоминала Т. В. Дмитриенко. Некоторые ученики были вынуждены уходить с уроков, чтобы занять очередь. Такое поведение вызывало негативную реакцию со стороны работников местных органов власти и руководства школ. Однако принимаемые ими меры не исправили ситуацию, поскольку были направлены на ликвидацию последствий, а не на решение проблемы обеспечения населения необходимым количеством продуктов.

Созданная в СССР в годы войны система нормированного снабжения не могла в полной мере удовлетворить нужды граждан в продовольствии. Как писал в конце 1941 г. в своей докладной записке в СНК РСФСР нарком здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьяков, набор продуктов, предусмотренных детскими продовольственными карточками, не позволял обеспечить «нормального развития ребенка» и не создавал необходимых условий для предупреждения среди детей высокой заболеваемости и смертности⁹⁰.

О постоянном чувстве голода упоминали в своих интервью все тюменцы, чье детство пришлось на военные годы. Например, по словам Л. Г. Дрозд, «есть хотелось всегда, абсолютно всегда [*дома, в школе, на улице.* – Д. В.]»⁹¹. Сохранение образа голодных будней в памяти многих из них в течение столь длительного времени указывает на масштаб

---

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Воспоминания Т. В. Дмитриенко, 1935 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

⁹⁰ Население России в XX веке. Т. 2. М., 2001. С. 92.

⁹¹ Воспоминания Л. Г. Дрозд, 1937 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

продовольственной проблемы. Сытая жизнь, возможность наесться вдоволь являлись теми ассоциациями, с которыми дети и подростки связывали возвращение к мирной жизни: «Была мечта: вот кончится война – и вдоволь наедемся чёрного хлеба с солью! Но до её осуществления оставались ещё годы»⁹². И такие мысли были не только у тюменских детей. Их сверстники, проживавшие в других тыловых городах, тоже недоедали, о чём свидетельствуют многочисленные опубликованные воспоминания.

В семьях продукты распределялись порционно, остатки обычно убирали «про запас», до следующего раза, что объяснялось перебоями с поставками продовольствия в город. Интересный факт из своей жизни привела М. М. Логиновская: «Я помню, что помидоры зелёные складывали под кровать, и я туда ныряла, проверяла без конца. Мама каждый раз говорила: “Опять торчит, опять проверяет”»⁹³. Установленным правилам должны были следовать и младшие члены семьи, но иногда желание поесть вынуждало детей и подростков их нарушать. Об одном из своих проступков вспоминала В. Н. Кубочкина: «Получив злополучные граммы [*хлеба*. – Д. В.], радостная, вприпрыжку помчалась домой. А по дороге из дырочки авоськи выковыривала малюсенькие кусочки хлеба. Дорога-то была всё-таки дальняя, я так увлеклась этим занятием, что и не заметила, как съела почти всё»⁹⁴.

Основным продуктом питания, который присутствовал на столе, был хлеб. По продовольственным карточкам в день на каждого ребёнка до 12 лет и неработающего подростка (иждивенца) выдавалось по 400 г хлеба⁹⁵, а с 1943 г. – по 300 г⁹⁶. По мнению Н.В. Кабаковой, сокращение норм снабжения было связано с «началом освобождения западных территорий СССР,

---

⁹² Когда бабушка была маленькой. С. 19.

⁹³ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

⁹⁴ Там же. С. 18.

⁹⁵ Зинич М. С. Указ. соч. С. 19.

⁹⁶ Там же. С. 21.

население которых требовалось принимать в расчёт при распределении продовольствия»⁹⁷.

Именно хлеб население старалось приобрести в первую очередь. В своих воспоминаниях респонденты рассказывали о важности этого продукта питания в их жизни. Вместе с тем многие юные тюменцы отмечали ценность картошки, порой называя её «спасительницей», поскольку она убиралась на длительное хранение и входила в ежедневный рацион. Нередко на столе присутствовали блюда, приготовленные из репы, редиски, лука, помидоров, крапивы и лишь изредка – из мяса, молока, рыбы. В летнее время школьники самостоятельно ходили в лес, чтобы собрать ягоды и грибы. Взрослые же, у кого были ружья, ходили на охоту: «Папа иногда брал ружьё и подстреливал там [*в лесу*. – Д. В.] вальдшнепов, чирков, уток», – вспоминала М. М. Логиновская.

В Тюмени для детей в возрасте до 13 лет открывались диетические столовые, в которых кормили два раза в день за счёт специально отпускаемых для этих целей продуктов⁹⁸. Расширялась и сеть столовых, к которым были прикреплены эвакуированные дети и подростки.

Старшие школьники могли подкрепиться на подсобных работах, куда их отправляли по мобилизации. Так, А. К. Щекотова и его одноклассников после окончания работ на лесоповале накормили кашей с салом: «Такой еды давно не ели. Вкус этой каши на всю жизнь запомнил»⁹⁹. Во время посевной или уборочной кампании ученики находили оставшуюся в земле картошку, нередко очищали её зубами и тут же ели прямо сырую¹⁰⁰.

По словам И. Б. Збарского, числившегося в Тюмени в «правительственной командировке», их семья почти что «благоденствовала» по военному времени: «Городские власти о нас заботились, дом отапливался

---

⁹⁷ Кабакова Н. В. Указ. соч. С. 216.

⁹⁸ Черник С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. С. 91.

⁹⁹ Когда бабушка была маленькой. С. 11–12.

¹⁰⁰ Там же. С. 36.

и освещался, работали наши приборы; нас вполне удовлетворительно кормили». Но и он признавал, что обстановка в городе была тяжелой: «По карточкам выдавали очень мало, цены на рынке выросли до огромных размеров, а зарплата по сравнению с ними представляла собой ничтожную сумму. По существу, определяющим фактором жизни стал рынок, не стесненный, как в довоенное время, жесткими ограничениями советской власти... Местные жители также были в трудном положении, но их спасало натуральное хозяйство и связь с деревней»¹⁰¹.

Вслед за Омским обкомом ВЛКСМ бюро Тюменского райкома ВЛКСМ 4 мая 1942 г. приняло постановление «О посеве овощей для детей-сирот, находящихся на территории Омской области». С этого времени комсомольцы, школьники, работники МТС, а также колхозники дополнительно выращивали овощи (помидоры, картофель, капусту), которые отправляли в фонд снабжения эвакуированных детей, после чего они распределялись по школам, столовым, детским домам и интернатам. Так, в 1942/1943 учебном году за счёт урожая, собранного с пришкольных участков, все учащиеся 25 школ Тюменского района получали завтраки¹⁰². Некоторые школьники (особенно пионеры) отдавали приезжим часть урожая, собранного на домашних огородах¹⁰³.

Ещё в довоенное время у некоторых тюменцев были свои небольшие земельные участки, на которых им удавалось выращивать овощи для личных нужд. С началом Великой Отечественной войны индивидуальные огороды приобрели особую значимость, поскольку собранный урожай позволял частично ослабить продовольственную проблему. В 1942 г. были приняты нормативно-правовые акты, по которым рабочие и служащие городов могли получить земельный участок под огород¹⁰⁴. Соответствующие шаги

---

¹⁰¹ Збарский И. Б. Указ. соч. С. 180, 190.

¹⁰² Лимонова Э. М. Указ. соч. С. 70.

¹⁰³ Тюменцы – фронту! С. 148.

¹⁰⁴ Постановление Секретариата ВЦСПС «О расширении индивидуального огородничества рабочих и служащих в 1942 г.» от 5 января 1942 г.; Постановление СНК

предпринимались и руководством города. Так, по решению Тюменского горсовета от 21 марта 1942 г. под посадку овощей были выделены улицы и площади. Вместе с тем тюменцам категорически запрещалось использовать для этой цели насыпи, мосты, дамбы и другие искусственные сооружения¹⁰⁵. В массовом порядке горожанам стали выделяться участки земли только после принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г., в результате чего владельцами огородов стали свыше 20 тыс. рабочих и служащих Тюмени¹⁰⁶. Семьям рабочих и служащих предоставлялись небольшие (в зависимости от числа едоков, но в любом случае не более 1 тыс. кв. метров) наделы во дворе дома или за городом. В первую очередь земельными участками обеспечивались семьи стахановцев, военнослужащих, инвалидов войны, эвакуированных и многодетные семьи. Согласно постановлению СНК СССР от 4 ноября 1942 г., эти участки закреплялись за каждой семьей на 5–7 лет¹⁰⁷.

10 апреля 1943 г. тюменский горисполком вынес решение, которым рекомендовал коллективам и семьям трудящихся шире организовать выращивание картофеля и овощей на индивидуальных и коллективных огородах, используя для этого «все малопроезжие улицы, пустыри и другие свободные земли города, а также Бабарынский выгон и часть Заречного выгона, а также свободную часть дворов»¹⁰⁸. Это была вынужденная мера. В Тюмени и в её окрестностях не хватало пригодных для посевов площадей. Огороды же были нужны многим тюменцам, поскольку собранный урожай существенно дополнял ежедневный рацион. Передовая в газете «Красное знамя» призывала всемерно развивать огородничество: «Поменьше требуй от

СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org> (дата обращения: 15.10.2021)

¹⁰⁵ Цит. по.: Южаков В. П. Мобилизационные процессы... С. 137.

¹⁰⁶ Всемерно развивать огородничество // Красное знамя. 1943. 17 апреля.

¹⁰⁷ Протокол № 7 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 15 апреля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 115.

¹⁰⁸ О развитии коллективного и индивидуального огородничества рабочих и служащих // Красное знамя. 1943. 17 апреля.

государства, больше проявляй инициативы в изыскании и использовании местных продовольственных ресурсов, - таков закон военного времени»¹⁰⁹. Таким образом, забота о пропитании перекладывалась на плечи самого населения.

Обязанности по обработке домашних огородов выполняли в основном дети и подростки. Получая знания и навыки на занятиях по основам техники и сельскохозяйственного производства, они сажали овощи, ухаживали за ними, а осенью собирали урожай. Некоторые респонденты рассказывали, что им приходилось также охранять свой огород от воров. Если не было возможности самим наладить охрану, помощь могли оказать соседи, организовав круглосуточное дежурство, но не во всех домах царила дружественная атмосфера. Так что «борьба» с похитителями овощей шла с переменным успехом: кому-то удавалось сберечь весь урожай, а кого-то обворовывали полностью. Интересный случай приводила в своих воспоминаниях М. М. Логиновская: «Когда начал урожай созревать, начали собирать не те, кто сажал, подворовывать. Вот нас обошло это стороной. Один мальчишка, брат у него на фронте воевал, предупредил воришек: “Тёти Кати грядку не трогать, у неё парни воюют”. Мы поэтому собрали урожай помидор»¹¹⁰. Но в последующие годы хозяевам не удавалось защитить свой огород от воров, и семья М.М. Логиновской почти перестала обрабатывать огород, поскольку даже незрелые овощи могли стать объектами посягательства¹¹¹.

В одной из газетных заметок главными исполнителями «этих безобразий» назывались подростки, работавшие пастухами на пригородных землях. Автор отмечал, что огородничество не забава, а неотложная необходимость, и призывал принять самые решительные предупредительные

---

¹⁰⁹ Всемерно развивать огородничество // Красное знамя. 1943. 17 апреля.

¹¹⁰ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

¹¹¹ Там же.

меры путем организации общественного контроля и милицейских рейдов¹¹². По указанию Прокуратуры Омской области виновные в хищениях овощей с общественных огородов подлежали уголовной ответственности на основании пп. «г» и «д» ст. 162 УК РСФСР.

Продукты можно было купить на колхозном рынке, но тюменцы посещали его редко из-за дороговизны товаров. Так, в период наибольшего подъёма цен их средний уровень в целом по стране в 17 раз превышал показатели 1940 г.¹¹³ Доходы же большинства населения города не позволяли тратить такие средства. Н. А. Долгих, 16-летним подростком начавший в 1942 г. работать на заводе строгальщиком, вспоминал: «В день зарплаты ребята мчались на рынок, покупали четвертушку хлеба, кружку молока. За один раз оставляли у спекулянтов половину месячной зарплаты»¹¹⁴. Он также упоминал о том, что на рынке продавали и краденые товары: «Грузчики с Хлебокомбината воровали хлеб. У них были широченные штаны, в которые они подвязывали булки, а после – продавали на базаре»¹¹⁵.

Горожане к покупке товаров на колхозном рынке прибегали в крайних случаях, в частности, в случае потери продовольственных карточек, невозможности их отovarить или во время болезни ребёнка. Перед этим зачастую приходилось продавать или обменивать ценные вещи, одежду, ювелирные украшения, предметы быта. Из-за занятости родителей нередко этим вынуждены были заниматься подростки. Ими, не искушенных в таких сделках, не всегда удавалось удачно продать ту или иную вещь, их нередко обманывали, занижая цену товара, или же обкрадывали (не только взрослые, но и сверстники «с улицы»). Крали дети и подростки, в основном, из-за тяжёлого материального положения их семьи.

---

¹¹² Назаров С. Об охране огородов // Красное знамя. 1942. 22 мая.

¹¹³ Пушкарёв В. С. «Чёрный» рынок в СССР в годы Великой Отечественной войны и его влияние на состояние внутреннего рынка страны // Экономический журнал. 2008. № 2 (12). С. 213.

¹¹⁴ Цит. по: Южаков В.П. Мобилизационные процессы... С. 129.

¹¹⁵ Воспоминания Н. А. Долгих, 1926 г. р. Записаны А. В. Ющенко в 2015 г. // Архив автора.

Частично заботу о семьях призванных в армию и оставшихся без основного кормильца взяло на себя государство. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время», указанным категориям населения устанавливались выплаты пособия в размере от 100 до 250 руб. в зависимости от числа нетрудоспособных (в частности иждивенцев-детей моложе 16 лет) в семье¹¹⁶. На оказание материальной поддержки родственникам военнослужащих, погибших или без вести пропавших, было направлено и постановление СНК СССР от 4 июня 1943 г.¹¹⁷

Наличие лишь фрагментарных данных не позволяет оценить масштабы оказанной материальной помощи тюменским семьям в полном объеме. Вместе с тем сохранились определённые количественные показатели, которые свидетельствуют о том, что городские власти уделяли этому серьёзное внимание. Например, Отделом соцобеспечения Тюменского горисполкома за 1942 г. было выдано пособий в размере 5 523 680 рублей. К тому же было выплачено единовременных пособий семьям военнослужащих в сумме 58 320 руб. и 70 808 руб. – семьям инвалидов Отечественной войны¹¹⁸. К маю 1943 г. 8 000 семьям военнослужащих, учтённых горисполкомом, выплатили пособий на сумму 2 437 513 рублей¹¹⁹.

Но с учетом дороговизны жизни более существенное значение, нежели денежные выплаты, для семей фронтовиков имели периодические выдачи

---

¹¹⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.09.2022)

¹¹⁷ О льготах для семей военнослужащих, погибших или без вести пропавших на фронтах Отечественной войны // Собрание постановлений и распоряжений правительства. 1943. № 8. С. 133.

¹¹⁸ Протокол № 24 заседания XXIV сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 18 января 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 457. Л. 4.

¹¹⁹ Решение XXVI сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся «О государственном обеспечении и бытовом устройстве семей военнослужащих» от 24 мая 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 466. Л. 24. Не точные цифры по количеству семей военнослужащих.

продуктов питания. Так, в 1942 г. семья Л. П. Прокофьевой получила извещение из военкомата о выдаче картофеля. Осознавая значимость такой помощи, девушка самостоятельно отправилась за овощами: «В военкомате насыпали мешок картошки, я перевязала его веревочкой пополам, кто-то помог взвалить на плечи, и я пошла. В мешке было ведра три». С таким грузом она прошла около 8 кварталов¹²⁰.

По возможности местные органы власти и школы обеспечивали семьи фронтовиков дровами, что было особенно актуально в условиях сибирской зимы. Согласно приведённым на одном из заседаний горсовета данным, за 1942–1943 гг. 8000 семей получили 3 244 м³ дров¹²¹. Но этого было явно недостаточно.

После появления 29 сентября 1942 г. в «Правде» передовицы «Детям фронтовиков – наши заботы и любовь» Тюменский горком ВКП(б) принял постановление, обязавшее сотрудников Городского отдела народного образования немедленно направить «все городское учительство на оказание помощи детям фронтовиков обувью, одеждой, учебниками, учебными пособиями и улучшением школьных завтраков, на усиление воспитания учащихся в духе любви к матери-Родине и ненависти к злейшим врагам человечества – кровавым насильникам и убийцам»¹²². Но имущественное и финансовое положение самих учителей было неудовлетворительным. Они голодали, поскольку получаемых по карточкам продуктов не хватало и, чтобы прокормиться, вынуждены были продавать свои вещи. Многие из них жили со своими семьями в бараках и коммунальных квартирах, которые порой не отапливались из-за нехватки дров. Занятия же в школе и внеучебная деятельность, которую также должны были курировать учителя, отнимали у них много сил и времени. В связи с этим основные средства в адрес семей

---

¹²⁰ Когда бабушка была маленькой. С. 34.

¹²¹ Решение XXVI сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 24 мая 1943 г. «О государственном обеспечении и бытовом устройстве семей военнослужащих» // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 466. Л. 24.

¹²² Тюменцы – фронту. С. 175.

фронтовиков поступали по линии господдержки. За первое полугодие 1941/1942 учебного года городские власти выделили 1125 пар валенок, 380 пар ботинок, 373 платья, 119 пальто, 320 рубашек, 200 фартуков, 40 свитеров, 9 халатов, 45 пар шубных чулок, 350 пар меховых рукавиц и 20 брюк¹²³. В мае 1942 г. семьи красноармейцев и эвакуированных получили 1000 детских пальто, 1000 комплектов верхнего и нижнего платья, а также 1500 пар валеной и кожаной обуви¹²⁴, а через школы – 610 пар валенок, 470 пар кожаной обуви, 490 пар меховых тапочек, 5000 пар носков, 350 пар чулок¹²⁵. К тому же горисполком обращался к руководству предприятий с просьбой выделять материал для пошива и ремонта тёплых вещей. Так, директора Овчинно-шубного завода просили выделить 350 кг материала для пошива рукавиц и носков для учеников школы № 25¹²⁶ и 300 кг – для школы № 5¹²⁷. В сентябре 1942 г. было предложено выделить 2 т материала для пошивки детских чулок, шуб и полушубков для всех учащихся города¹²⁸, а в январе 1943 г. – 200 кг для учащихся школы № 8¹²⁹ и 100 кг для школы № 51¹³⁰. Из полученного материала родители самостоятельно шили одежду или обращались в швейные мастерские и к знакомым портным.

---

¹²³ Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 444. Л. 4.

¹²⁴ Протокол №10 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 7 мая 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 446. Л. 154.

¹²⁵ Протокол № 24 заседания XXIV сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 18 января 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 457. Л. 4.

¹²⁶ Распоряжение Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся № 526 «Об овчинно-шубном лоскуте школе № 25» от 4 декабря 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 422. Л. 30.

¹²⁷ Распоряжение Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся № 521 «Об овчинном лоскуте средней школе № 5» от 24 ноября 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 422. Л. 39.

¹²⁸ Распоряжение Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся № 430 «Об отпуске шубного лоскута» от 18 сентября 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 422. Л. 180.

¹²⁹ Распоряжение Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся № 10 «О шубном лоскуте школе № 8» от 15 января 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 464. Л. 18.

¹³⁰ Распоряжение Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся № 19 «О шубном лоскуте школе № 51» от 26 января 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 464. Л. 32.

Но выданных вещей не хватало всем нуждающимся. На одном из заседаний горисполкома в феврале 1942 г. отмечалось, что, несмотря на оказанную помощь, 1380 детей остро нуждались в одежде и обуви. Для их обеспечения требовалось дополнительно выделить 746 пар валенок, 542 пальто, 1175 пар ботинок, 464 платьев, 234 брюк, 298 рубашек, а также 3000 пар чулок и носков¹³¹.

Судя по воспоминаниям тюменцев, во время войны большинство из них носили разную одежду, «у кого что было¹³²», но «это не была какая-то рвань, одеты все были нормально»¹³³. Вещи и обувь для детей родители самостоятельно ремонтировали, подшивали, ушивали под соответствующий размер, используя в качестве материала одежду старших членов семьи. Л.П. Прокофьева вспоминала, что после того, как её пальто с каракулевым воротником порезали бритвой, мама зашила дыру, и она проходила в нём ещё несколько зим в школу¹³⁴. В условиях дефицита во многих советских семьях даже в мирные годы одежда и обувь передавались «по наследству». Все респонденты отмечали, что донашивали вещи за братьями или сёстрами, кто-то носил одежду родителей. В годы войны эта практика стала ещё более распространённой, ведь люди не могли достать вещи не только из-за дефицита, вызванного переводом экономики на военный лад, но и вследствие серьёзного падения своих доходов. Война «диктовала» свои условия «моды»: критерием ценности вещи стала её практичность.

В Тюмени, где тёплый сезон длится не больше четырех месяцев, отсутствие теплой одежды при недостатке топлива, на фоне систематического недоедания и авитаминоза, способствовало ослаблению жизненных сил человека, а высокая скученность проживания и

---

¹³¹ Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 444. Л. 4.

¹³² Воспоминания Г. А. Полозковой, 1930 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2017 г. // Архив автора.

¹³³ Воспоминания Л. Г. Дрозд, 1937 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

¹³⁴ Когда бабушка была маленькой. С. 37.

антисанитария облегчали распространение инфекций. Для предупреждения заболеваний среди горожан исполком Тюменского горсовета в сентябре 1941 г. принял решение о проведении обязательной санитарной обработки прибывающего в город населения: без соответствующего удостоверения запрещалось заселять людей в гостиницу, общежитие или на частную квартиру. Несоблюдение установленного правила могло повлечь за собой наказание в виде штрафа до 100 рублей или исправительных работ на срок до 30 дней. Однако в ноябре 1941 г. сотрудники Государственной санитарной инспекции констатировали, что на вокзале у выхода в город контроль над прохождением санобработки отсутствовал, а на перроне даже не имелось плаката об обязанности новоприбывших пройти эту процедуру; справки о прохождении санобработки можно было приобрести за плату¹³⁵.

Распространенными болезнями в Тюмени военных лет были дифтерия, дизентерия, менингит, корь, скарлатина, брюшной и сыпной тиф, что привело к увеличению смертности в городе к сентябрю 1942 г. на 12 % по сравнению с мирным временем¹³⁶. Схожая эпидемическая картина наблюдалась и в других тыловых городах. Росла также заболеваемость нервно-психическими, кожными и глазными заболеваниями¹³⁷.

Нехватка лекарств тормозила процесс выздоровления, из-за неполного курса лечения у пациентов возникали осложнения после болезни. На течение и длительность заболеваний влияли и другие факторы. Детский рахит, вызванный нехваткой кальция и фосфора, например, провоцировал предрасположенность к пневмонии и препятствовал борьбе организма с лёгочными инфекциями¹³⁸. Нехватка мыла способствовала антисанитарии и, как следствие, возникновению вспышек брюшного и сыпного тифа. По

---

¹³⁵ Ковалева О. А. Указ. соч. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26743992_68365914.pdf (дата обращения: 5.05.2021).

¹³⁶ Подробнее см.: Выступление на городской партийной конференции. 29 ноября 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 462. Л. 178–179.

¹³⁷ См., например: Коренюк В. М. Повседневная жизнь детей... С. 89.

¹³⁸ Цит. по.: Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / отв. сост. Б. Физелер и Р. Д. Марквик. М., 2019. С. 28.

словам жителей Тюмени, запасы дезинфицирующих средств в городе закончились почти сразу же после начала войны. Подобная ситуация сложилась и в других тыловых городах, например, в Тамбове¹³⁹. Иногда мыло выдавали на предприятиях, его можно было купить или обменять на рынке. Как свидетельствовали горожане, из-за недостатка сырья в мыло добавляли песок. Но и такой продукт являлся дефицитным, поэтому, «моясь в бане, нужно было внимательно следить за своим куском – запросто могли украсть»¹⁴⁰. Со временем в качестве альтернативного моющего средства стали использовать дегтярную мазь, которая продавалась в аптеках.

Местные органы власти принимали меры, направленные на профилактику и своевременное выявление заболеваний. Сотрудники городского отдела здравоохранения и руководство учебных заведений пристально следили за здоровьем учащихся, регулярно проводили проверки, стремясь выявить очаги педикулеза: «Медсёстры один раз в неделю осматривали головы наши на предмет завшивленности»¹⁴¹. В случае выявления вшей ученика отправляли в баню, где проводили дезинфекцию, а всё бельё стиралось и проглаживалось. Однако через эту процедуру проходили далеко не все дети, поскольку на протяжении всей войны бани в Тюмени действовали с перебоями из-за организационных недостатков в системе руководства городской службой быта, неспособной решить проблему нехватки дров и дефицита электричества¹⁴². Две городские бани работали в две смены. Городская газета отмечала как достижение тот факт, что, например, в марте 1942 г. баня № 1 обслужила за 26 рабочих дней 53 600

---

¹³⁹ Назаров А. И. Указ. соч. С. 121

¹⁴⁰ Ковалева О. А. Указ. соч. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26743992_68365914.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

¹⁴¹ Воспоминания В. Н. Кубочкиной, 1929 г. р. Записаны О. А. Ковалёвой в 2016 г. // Архив автора.

¹⁴² См., например: Выписка из протокола № 28 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 10 декабря 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423. Л. 328; Выступления на XXV очередной сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. 8 апреля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 470. Л. 77, 79 об.

чел., а баня № 2 – 63 176¹⁴³. Учитывая численность жителей Тюмени, можно подсчитать, что горожанин посещал баню в среднем один раз в месяц. Безусловно, этого было явно недостаточно для того, чтобы человек смог в полной мере соблюдать правила личной гигиены.

По решению горисполкома от 31 января 1942 г. была организована вакцинация населения против брюшного тифа, в результате чего показатели заболеваемости существенно снизились¹⁴⁴. Если в сентябре 1941 г. было зафиксировано 34 случая заболевания сыпным тифом, спустя год (в сентябре 1942 г.) больные с таким диагнозом в городских стационарах отсутствовали¹⁴⁵.

До 1941 г. в Тюмени работали три поликлиники, родильный дом, кожно-венерологический и туберкулезный диспансеры, одна городская и две ведомственные больницы, в которых располагалось чуть более 600 коек (примерно 8 коек на каждую тысячу жителей). Штатами горздравотдела предусматривалось около 50 врачебных ставок и около 400 ставок среднего медперсонала¹⁴⁶.

С началом войны из-за мобилизации медиков (на фронт были призваны 29 врачей) городская система здравоохранения стала испытывать острейший кадровый голод: на три амбулатории приходился только один врач¹⁴⁷. Потребность же в специалистах выросла многократно: рост численности жителей города вследствие притока эвакуированных обусловил необходимость увеличения коечного фонда в больницах. Этого добились путём расширения сети медицинских учреждений и передачи им новых

---

¹⁴³ По городу // Красное знамя. 1942. 10 апреля.

¹⁴⁴ Протокол № 5 заседания Исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся Железнодорожного района от 5 февраля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 507. Л. 10 об.

¹⁴⁵ Выступление на городской партийной конференции. 29 ноября 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 462. Л. 178–179.

¹⁴⁶ Коллегов М. Обыкновенный героизм мирной профессии [Электронный ресурс] // Сибирское богатство. 2010. № 6. URL: <http://tyumedia.ru/11756.html> (дата обращения: 25.07.2021).

¹⁴⁷ Протокол заседания XX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 марта 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 444. Л. 37.

помещений. Так, к ноябрю 1941 г. в городской больнице было открыто дополнительно детское инфекционное отделение на 120 коек¹⁴⁸. На первом этаже одного из жилых домов по улице Челюскинцев горздравотдел открыл детскую поликлинику, а на базе яслей № 14 – инфекционную больницу. Дополнительно при учебном хозяйстве на Мысу был создан санаторий для детей с закрытыми формами туберкулеза легких, рассчитанный на 100 мест¹⁴⁹.

Для пополнения врачебных контингентов активно привлекались медработники из числа эвакуированных. Благодаря этому уже к ноябрю 1941 г. удалось не только полностью укомплектовать штат больниц работниками (до довоенного уровня), но и увеличить количество специалистов до 94 человек¹⁵⁰.

Несмотря на увеличение количества больничных коек, в том числе и детских, в системе горздравотдела (к ноябрю 1942 г. их количество достигло 605), далеко не каждый юный житель Тюмени мог получить медицинскую помощь в полном объеме¹⁵¹. В стационары помещали только тех, кто находился в тяжёлом состоянии. Большинство же больных детей лечились дома под наблюдением врача, их периодически посещали участковые, иногда они самостоятельно ходили на приём. Это касалось и тех школьников, кто страдал инфекционными заболеваниями, например, туберкулёзом.

Детей с ослабленным здоровьем направляли в лесные школы, получившие развитие благодаря принятию постановления СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с туберкулёзом» от 5 января 1943 г.¹⁵² В Тюмени название «лесная школа» являлось условным, поскольку это учреждение

---

¹⁴⁸ Конъюнктурный обзор работы социально-культурных учреждений г. Тюмени за 1941 г. // ГАТО. Ф. 759. Оп. 1. Д. 189. Л. 40.

¹⁴⁹Ланчук О. В. Вклад тюменских медиков в Победу в Великой Отечественной войне // Военная история Тюменской области: вклад тюменцев в победу в Великой Отечественной войне. Тюмень, 2005. С. 74–75.

¹⁵⁰ Протокол заседания XX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 марта 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 444. Л. 43.

¹⁵¹ Выступление на городской партийной конференции. 29 ноября 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 462. Л. 178–179.

¹⁵² Зинич М. С. Указ. соч. С. 95–96.

размещалось в черте города. Мероприятия по оздоровлению детей сводились в основном к предоставлению им усиленного питания. М. М. Логиновская, которую в своё время направили в лесную школу, вспоминала: «Первое время нас кормили грибной икрой (порой в ней попадались черви), потом нам давали рыбий жир. Не все воспитанники могли пить рыбий жир, например, моя соседка, поэтому мне часто доставалась её порция»¹⁵³.

В результате принятых мер местные власти смогли частично стабилизировать эпидемическую обстановку в городе. Во многом это удалось осуществить за счёт привлечения специалистов из числа эвакуированных, а также проведения профилактических мер. В военные годы в Тюмени случались вспышки сезонных заболеваний, но очаги удавалось локализовать. Резкое снижение уровня заболеваемости произошло только в конце 1940-х гг. в связи с улучшением материально-бытовых условий жизни населения, массовым введением в медицинскую практику антибиотиков (таких как, например, пенициллин, стрептомицин и др.).

Таким образом, Великая Отечественная война оказала негативное влияние на материально-бытовые условия жизни населения. Актуальными проблемами для юных тюменцев, как и для всех горожан, были дефицит товаров народного потребления (продуктов питания, одежды, обуви), антисанитария, нехватка средств на повседневные нужды из-за снижения доходов семьи. Остро ощущался жилищный кризис, вызванный перенаселением города из-за притока эвакуированных. В качестве экстренной меры местные власти уменьшили норму жилой площади и разрешили подселять к тюменцам иногородних, нередко нарушая принятые решения о необходимости соблюдать санитарные правила. Аналогичным образом пытались решить жилищную проблему в других тыловых регионах Советского Союза.

---

¹⁵³ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

Юные горожане с интересом воспринимали приезд новых людей, особенно семей с детьми, с которыми можно было вместе провести время. Трудности быта способствовали налаживанию отношений между соседями. Многие тюменцы испытывали к приезжим сострадание, поскольку эвакуированные находились в тяжёлом положении: голодные, напуганные, с подорванным здоровьем и без тёплой одежды и обуви. Хотя конфликты на бытовой почве, безусловно, случались, но говорить о неприязни к приезжим со стороны местных не приходится.

Для профилактики и лечения инфекционных заболеваний детей в Тюмени были открыты специализированные медицинские учреждения, введена обязательная вакцинация, организована регулярная проверка учащихся в школах на педикулез. Успехи в борьбе с заболеваниями во многом были связаны с трудоустройством медицинских кадров, которые прибыли в Тюмень в ходе эвакуации. Это позволило руководству горздравоотдела восполнить нехватку рабочих рук в амбулаториях, поликлиниках и больницах, что положительно сказалось на эффективности городской системы здравоохранения. Во многих других тыловых городах нехватку медицинских кадров преодолеть не удалось.

Психологи отмечают, что «переход от детства к взрослости... предполагает не только физическое созревание, но также приобщение к культуре, овладение определенной системой знаний, норм и навыков, благодаря которым индивид может трудиться, выполнять общественные функции и нести вытекающую отсюда социальную ответственность»¹⁵⁴. Тяжёлое материальное положение и плохие бытовые условия жизни в годы Великой Отечественной войны способствовали тому, что дети и подростки были вынуждены уже в раннем возрасте приобщаться к практикам взрослой жизни. Из-за занятости родителей и мобилизации отцов в армию младшим членам семьи пришлось выполнять многие обязанности по дому, в частности готовить, заниматься заготовкой дров и уборкой, заботиться о младших

---

¹⁵⁴ Кон И. С. Психология старшеклассника. М., 1980. С. 5.

братьях и сёстрах, ремонтировать вещи, работать в огороде, отоваривать карточки. Конечно, и в довоенное время многие родители привлекали своих детей к выполнению домашних обязанностей, однако в реалиях военных лет именно на плечи ребёнка лёг основной груз ответственности.

Как правило, дети и подростки становились более самостоятельными, поэтому нередко совершали поступки, свойственные взрослым: одни устраивались на предприятие или в колхоз, бросая учёбу в школе, другие искали альтернативные возможности улучшения материального положения семьи (не всегда законные), третьи брали на себя решение семейных бытовых проблем. Такой выбор стоял перед детьми и подростками тыловых регионов по всей стране.

1.2. Общественно-полезная деятельность школьников Тюмени в годы Великой Отечественной войны

Советская власть уделяла значительное внимание трудовому воспитанию подрастающего поколения. Поскольку труд рассматривался в качестве элемента процесса взросления и социализации, в программе школы немалое количество часов отводилось на практическую деятельность. Однако во второй половине 1930-х гг. ситуация изменилась: из учебной нагрузки был изъят «труд», а освободившиеся часы были отданы на преподавание других дисциплин. Перемены коснулись и сельских школьников. Наркомзем СССР и Наркомпрос РСФСР выпустили совместный циркуляр, согласно которому правлениям колхозов запрещалось привлекать детей колхозников к сельскохозяйственным работам в учебное время¹⁵⁵. Отныне главной обязанностью для подрастающего поколения в СССР объявлялось получение

---

¹⁵⁵ Циркуляр Наркомзема СССР и Наркомпроса РСФСР «О запрещении привлекать детей школьного возраста к сельскохозяйственным работам в учебное время» от 29 ноября 1937 г. // Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции. С. 29.

семилетнего образования. Фактически это означало конец эпохи экспериментов 1920-х гг., когда ребёнок рассматривался как активный член общества, «маленький коммунист», который должен был выступать инициатором изменений в государстве и обществе наравне со взрослыми.

В школах, находившихся в ведении Наркомата просвещения, учащиеся получали лишь теоретические знания. Практико-ориентированными были школы фабрично-заводского ученичества, а с 1940 г. – школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища, входившие в структуру Главного управления трудовых резервов при СНК СССР.

Начало Великой Отечественной войны вынудило руководство страны осуществлять перестройку экономики, используя все возможные людские и материальные ресурсы, что воплотилось в лозунг «Всё для фронта! Всё для победы!». С помощью средств массовой информации, школьной администрации и учителей, комсомольских активистов школьникам внушалась мысль о том, что помощь фронту является обязанностью каждого жителя страны. Например, на первой полосе номера газеты «Правда» от 24 марта 1942 г. говорилось: «Весь наш тыл работает для фронта, борется с фашистскими захватчиками. Разве в этой борьбе нет места для подрастающего поколения? Мы можем прямо сказать нашим детям: юные граждане Советского Союза! Социалистическая родина отдавала и отдаёт вам всё лучшее, – пришёл час, когда и вы должны ей помочь, сослужить службу»¹⁵⁶.

Мобилизация трудоспособного мужского населения вызвала острую нехватку рабочей силы в народном хозяйстве, поэтому с первого военного лета школьники, разделившись на бригады, под руководством учителей стали выезжать в подшефные колхозы, совхозы и подсобные хозяйства на сельскохозяйственные работы, не требовавшие особой квалификации.

---

¹⁵⁶ Цит. по: Черник С. А. Советская общеобразовательная школа. С. 199.

Согласно постановлению СНК СССР от 2 июля 1941 г.¹⁵⁷, мобилизации подлежали ученики VII–X классов, а после принятия 13 апреля 1942 г. совместного постановления СНК и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации населения на сельскохозяйственные работы»¹⁵⁸ – учащиеся VI классов.

Имеющиеся данные не позволяют составить полную картину о количестве школьников Тюмени, мобилизованных на помощь сельским труженикам. Известно, что к середине августа 1941 г. приступили к работе 2057 человек¹⁵⁹. Очевидно, в их число входили не только учащиеся VII–X классов, поскольку к 15 августа 1941 г. в VII классах городских школ числилось 950 учеников, в VIII – 344, в IX – 202, в X – 146 (в VI классах состояло 1138 учеников, а всего в Тюмени насчитывалось 9574 школьника)¹⁶⁰. Со временем всё большее количество подростков мобилизовалось на сельскохозяйственные работы: к июлю 1942 г. на полях в ближайших к Тюмени колхозах и совхозах трудились 2262 учащихся VI–X классов¹⁶¹, хотя горком ВКП(б) своим решением установил цифру в 2200 человек¹⁶². При этом на 1 февраля 1942 г. в школах числилось 10 202 человека, в том числе в V–VII классах – 3638 учеников, а в VIII–X – 779¹⁶³.

Количественные данные за последующие годы фрагментарны. Согласно архивным материалам, к июню 1944 г. в школах Тюмени

---

¹⁵⁷ Постановление СНК СССР «О привлечении учащихся 7–10 классов неполных средних и средних школ к сельскохозяйственным работам» [Электронный ресурс] // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru> (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁵⁸ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации населения на сельскохозяйственные работы» от 13 апреля 1942 г. [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 22.11.2021).

¹⁵⁹ Информационная записка по вопросу работы городской комсомольской организации в военное время. Сентябрь 1941 г. // ГАСПИТО. Ф. П–7. Оп. 1. Д. 577. Л. 11.

¹⁶⁰ Записка Тюменского городского отдела народного образования в Омское облоно. Копия. Не ранее 15 августа 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 455. Л. 231.

¹⁶¹ Справка городской инспектуры нархозучёта для пленума Тюменского городского комитета ВКП(б). 21 июля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 452. Л. 51.

¹⁶² Из постановления пленума Тюменского горкома ВКП(б) о привлечении городского населения к уборке урожая от 13 июля 1942 г. // 400 лет Тюмени: сб. док. и материалов. Свердловск, 1985. С. 214.

¹⁶³ Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 416. Л. 35.

насчитывалось 8239 учеников¹⁶⁴. По решению Тюменского горисполкома, принятому 15 июня 1944 г., мобилизации подлежали 800 человек из числа учащихся, служащих и неработающего населения для прополки и сенокоса в зерносовхозах Омской области¹⁶⁵. В 1945 г. должны были отправиться в сельскую местность 4580 человек, включая учащихся VI–X классов, техникумов и ВУЗов¹⁶⁶. К этому времени в школах оставалось 8055 учеников¹⁶⁷.

Имеющиеся данные позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, из-за возросшей потребности в обеспечении колхозов и совхозов рабочей силой к труду в сельском хозяйстве привлекалось значительное количество учащихся. Этим объясняется повышение с 1941 по 1942 г. показателей числа мобилизованных школьников от их общего числа в условиях сокращения численности контингента в школах: в 1941 г. $\approx 21,5\%$, в 1942 г. $\approx 22\%$. Можно предположить, что в 1943 г. эта тенденция сохранилась. С 1944 г. школьники стали меньше привлекаться к полевым работам, что было связано с изменением ситуации на фронте и курсом на «возвращение» детей в школы. Вместе с тем практика мобилизации учащихся продолжала существовать и в послевоенное время, хотя и в меньших масштабах. Так, в 1945 г. городские школьники обязаны были отработать в поле от 20 до 30 трудодней, после чего могли вернуться домой¹⁶⁸. Во-вторых, из-за немногочисленности старших классов основной контингент мобилизованных составляли учащиеся VI–VII классов. Именно они и выполняли основной

---

¹⁶⁴ Протокол заседания XXXII сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся 7 июня 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 458. Л. 237.

¹⁶⁵ Протокол № 13 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 15 июня 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 478. Л. 132

¹⁶⁶ Постановление Бюро Тюменского горкома ВКП(б) «О мобилизации работающего населения, служащих и учащихся города на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС» // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 523. Л. 14.

¹⁶⁷ Протокол № 2 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 14 февраля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 500. Л. 14.

¹⁶⁸ Постановление Бюро Тюменского горкома ВКП(б) «О мобилизации работающего населения, служащих и учащихся города на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС» // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 523. Л. 15.

объем работ в колхозах и совхозах. Старшеклассников же на лето могли отправлять на различные подсобные работы в черте города или же трудоустраивать на предприятия.

Большинство школьников выезжало на поля и в каникулярное время в рамках проводимых мобилизаций, так называемых «субботников» и «воскресников». По истечении установленного срока мобилизации учащиеся могли остаться и продолжить работать, заключив договор с колхозом, совхозом или предприятием. Так, например, поступила ученица средней школы № 25, которая летом трудилась в подсобном хозяйстве завода пластмасс (№ 636), а после – решила дополнительно отработать 2 недели¹⁶⁹. За свой труд она получила несколько килограммов картошки, капусты, свеклы и других овощей.

Перед вторым военным летом газета «Красное знамя» посвятила предстоящему трудовому десанту школьников передовую статью. Из нее следовало, что все учащиеся были разбиты на бригады, во главе которых стояли назначенные гороно педагоги. Образ жизни детей и подростков был максимально приближен к распорядку в военных лагерях: «Подъем по сигналу, выход на работу в строю, беспрекословное подчинение и строжайшее выполнение приказов учителей-бригадиров должно стать незыблемым правилом будущей работы школьников»¹⁷⁰.

В августе 1942 г. молодежь и школьники одного из колхозов Омской области через газету обратились к своим сверстникам: «Уборка хлеба – тот же фронт. Работать должны от зари до зари... Каждый из нас будет выполнять нормы не менее чем на 150 %. Завтрак, обед и ужин организованы по-походному, на ночь в деревню никто уходить не будет»¹⁷¹. Этот почин был подкреплен соответствующим Постановлением Омского обкома ВКП(б),

---

¹⁶⁹ Письмо секретарю Тюменского городского комитета ВКП(б) Осипову от жены фронтовика Т. Л. Петрушевич. 8 октября 1943 г. // ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 645. Л. 95 об.

¹⁷⁰ Дело чести школьников // Красное знамя. 1942. 10 июня.

¹⁷¹ Молодежь, становись на фронтовую вахту по уборке урожая! // Красное знамя. 1942. 19 августа.

в котором объявлялось начало фронтовой вахты по уборке военного урожая. Таким образом, в далеком от боевых действий тылу сельскохозяйственная деятельность школьников выстраивалась по типу военных отношений.

Ведущим способом организации работы на полях был принцип соцсоревнования. Члены бригад соперничали со сверстниками на уровне школы, города и области. Как отмечали многие из опрошенных нами респондентов, они ответственно подходили к делу, стараясь соответствовать требованиям, которые предъявлялись обычно ко взрослым рабочим. Поэтому среди школьников были те, кто мог «служить образцами даже для колхозников», вырабатывая за 1 день трёхдневную норму¹⁷². Кроме того, предполагалось, что школьники будут трудиться не только на полях, а смогут привести в порядок библиотеки, школы, выступят «большой культурной и агитационной силой»¹⁷³.

Лучшие показатели объявлялись директорам ученикам, портреты победителей соревнований вывешивались на доску почёта, их фамилии оглашались на торжественных мероприятиях. Так, 14 марта 1943 г. в театре проходил общегородской митинг школьников, в ходе которого были награждены лучшие школьные бригады, одной из которых (бригаде школы № 5) вручили Почётную грамоту ЦК ВЛКСМ.

Подобная мобилизационная модель соответствовала психологическим особенностям детей среднего и старшего школьного возраста. В научной литературе неоднократно отмечалось, что «отдаленный героизм менее привлекателен для подростков, чем возведение их малых, но достойных успехов в ранг героизма»¹⁷⁴.

Сознательное отношение к выполнению поставленных задач было вызвано различными причинами, например, желанием помочь своей стране, принять участие в общем деле, стремлением соответствовать высокой

---

¹⁷² Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 416. Л. 47.

¹⁷³ Дело чести школьников // Красное знамя. 10 июня. 1942.

¹⁷⁴ Лизинский В. М. Модели развития школьных коллективов. М., 2018. С. 47.

репутации своих родителей и близких родственников, работавших на производстве или призванных на фронт. Упрёки же со стороны взрослых многими «детьми войны» воспринимались болезненно. Впрочем, не все ученики добросовестно и качественно выполняли порученные им задания. Сказывалось отсутствие опыта, усталость, порой – желание сделать работу как можно скорее. Халатное отношение к делу вызывало негативную реакцию со стороны колхозников, например, А. К. Щекотов отмечал, что на уборке картошки школьников ругали за оставленные в земле клубни¹⁷⁵. Администрация школ также порицала лень и недисциплинированность учеников, поскольку руководство горисполкома расценивало низкие производственные показатели как неэффективное руководство. Не были рады и другие члены бригады, так как снижение работоспособности коллектива влияло на показатели, а, следовательно, уменьшало шансы на победу в соцсоревновании.

В своих воспоминаниях жители Тюмени отмечали, что работа проходила в тяжёлых условиях. Вместо установленных 6–8 часов школьники нередко трудились сверхурочно: «Помню случай в деревне Саврасково (Патрушево). Мы очень устали, хотели спать, тут подошёл к нам старичок из колхоза и попросил, чтобы ещё поработали, до самой ночи, потому что завтра будет дождь»¹⁷⁶, – вспоминала Л. А. Дудина. Однако были и положительные моменты в пребывании на селе, в частности, имелась возможность вдоволь поесть, о чём говорила Л. П. Прокофьева: «Картошка была чистая, белая, розовая, жёлтая. Мы собирали её ... и тут же ели»¹⁷⁷.

На полях учащиеся собирали колоски, сажали, пололи и убирали картошку и другие сельскохозяйственные культуры, занимались силосованием, собирали навоз, косили траву. Ученики старших классов работали на тракторах и комбайнах, ремонтировали технику и сельскохозяйственный инвентарь, уничтожали грызунов и насекомых,

---

¹⁷⁵ Когда бабушка была маленькой. С. 11.

¹⁷⁶ Цит. по: Иванова Л. В. Указ. соч. С. 17–18.

¹⁷⁷ Когда бабушка была маленькой. С. 36.

молотили пшеницу. За свой труд школьники получали продукты питания, в большинстве случаев зерно или картофель, а положенные им деньги выплачивались в конце года (очевидно, по итогам расчета колхоза с государством). Как правило, заработанные деньги на руки школьникам не выдавались, а перечислялись, например, в Фонд обороны.

Городские школьники не обладали необходимыми знаниями и навыками для работы в поле, в отличие от их сверстников из сельской местности. Особенно явно это проявилось в первый военный год, о чём сообщалось в одном из номеров журнала «Советская педагогика»: «В 1941 г., когда школьники вышли на поля, выявились недостатки в их знаниях и навыках, особенно у городских детей»¹⁷⁸.

Но гораздо хуже было то, что их неподготовленность нередко служила причиной физических травм. Так, у А. М. Авериной и её одноклассников после вязания снопов руки были «исколоты жабреем», а Л. А. Дудина вспоминала, что при заточке косы «многие себе пальцы пообрезали», поскольку до этого никогда ничего подобного не делали¹⁷⁹.

Свои пробелы в знаниях и навыках ученики ликвидировали на занятиях по основам техники и сельскохозяйственного производства, введённых в школьную программу. Дополнительный опыт они могли получить и в домашних условиях, выращивая овощи на собственном огороде. Но, несмотря на это, определённые сложности возникали при работе с техникой. Один из таких случаев вспомнила Л. А. Дудина: «А в 10 классе нам преподавали ускоренные курсы управления комбайном и трактором. Я освоила их, но однажды заехала на тракторе в такую лужу, что самостоятельно выехать не смогла»¹⁸⁰.

Другой формой оказания помощи фронту являлась работа школьников на промышленных предприятиях. С началом войны ключевые отрасли

---

¹⁷⁸ Цит. по: Нечаев И. В. Сельскохозяйственная работа школьников // Советская педагогика. 1942. № 7. С. 3.

¹⁷⁹ Цит. по: Иванова Л. В. Указ. соч. С. 18.

¹⁸⁰ Цит. по: Там же. С. 17–18.

советской экономики еще больше стали нуждаться в рабочих массовых профессий¹⁸¹. Как справедливо заметила М. В. Ромашова, труд для подростков военной поры являлся не просто средством социализации, а становился нередко стратегией выживания; для советских же властей – частичным решением проблемы с рабочей силой и материальным обеспечением иждивенцев¹⁸².

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. учащиеся средних учебных заведений не подлежали мобилизации на предприятия¹⁸³. Но очевидно, что в условиях нехватки материальных и людских ресурсов местные власти могли нарушать действующее законодательство, особенно, если было необходимо выполнить оборонное задание в короткий срок. В скором времени стало ясно, что для обеспечения промышленности и сельского хозяйства рабочими кадрами необходимы более радикальные меры. 21 мая 1942 г. СНК СССР принял постановление, разрешавшее в течение военного времени принимать на предприятия подростков, достигших 14 лет, установив для них 6-часовой рабочий день. Обучение в этих случаях могло осуществляться в виде индивидуально-бригадного ученичества, без отрыва от производства, в течение 1–3 месяцев¹⁸⁴.

Многие учащиеся средних и старших классов Тюмени из-за материально-бытовых трудностей в семье или желая принести пользу стране уходили на заводы и фабрики, бросая учебу. Но чаще школьников

---

¹⁸¹ Подробнее об этом см.: Храмова Е. Л. Средние специальные учебные заведения России 1941–1945 годов в современной историографии // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. 19 (5). С. 168.

¹⁸² Ромашова М. В. Трудовое взросление в СССР во второй половине 1940-х гг. // Власть. 2012. № 10. С. 187, 189.

¹⁸³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--plai/> (дата обращения: 20. 09.2021).

¹⁸⁴ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 725–726.

отправляли помогать рабочим городских предприятий в порядке кратковременных мобилизаций. Так, на овчинно-шубном заводе они подносили пошивочный материал, обстригали шерсть с обрезков кожи, изготавливали из проволоки крючки и пришивали их на одежду, катали валенки; на лесопильном заводе – рубили деревья, распиливали их на брёвна и загружали в транспортные средства; на торфоразработках – помогали сушить торф. Привлекали учащихся и к приведению в рабочее состояние эвакуированных предприятий. Так, при размещении в здании пивоваренного завода оборудования для производства мотоциклов А. К. Щекотов вместе со своими одноклассниками проводили водяное отопление, прокладывали трубопровод и сверлили сланцы¹⁸⁵. За успешное выполнение оборонного заказа учеников могли премировать. Например, за работу на овчинно-шубном заводе бригада школы № 24 получила 30 метров мануфактуры и материал для пошивки обуви¹⁸⁶.

Некоторые учащиеся проявляли инициативу и сами приходили на заводы и фабрики, иногда – по одному, но чаще – компанией друзей или одноклассников. Примером этого служит поступок учеников IV класса начальной школы № 13. Трое из них, Б. Ильинский, А. Богданов и Ю. Мотовилов, в октябре 1942 г. обратились к директору фанерного комбината с просьбой принять их на работу. Причину своего поступка они объяснили нежеланием «во время войны стоять в стороне»¹⁸⁷.

Важным мотивационным фактором для некоторых школьников становилось известие о гибели на фронте членов семьи. В своих воспоминаниях респонденты подробно рассказывали о переживаниях в связи с получением «похоронки». Так, М. М. Логиновская потеряла на войне двух старших братьев: «Про смерть Лёни [*брат*. – Д. В.] я раньше мамы узнала, но

---

¹⁸⁵ Когда бабушка была маленькой. С. 14

¹⁸⁶ Отчёт Тюменского областного отдела народного образования о работе школ за 1944/1945 учебный год // ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 5. Л. 43 об.

¹⁸⁷ Текст выступления директора фанерокомбината на заседании Тюменской городской конференции ВКП(б) Омской области от 28–29 ноября 1942 г. // ГАСПИТО. Ф. П–7. Оп. 1. Д. 590. Л. 12.

не говорила ей, всё носила в себе»¹⁸⁸ <...> А про старшего-то брата неизвестно, где-то под Тосно погиб и всё. Мы ездили с мамой в Тосно, в 1957 году где-то. Пришли в военкомат, перед военкоматом полисадничек был расположен, там находилась братская могила. Мама пришла к военкому и спросила у него: “Известны ли фамилии тех, кто погиб и похоронен в братской могиле?”. Он ответил: “Здесь у нас хоронили тех, кто освобождал, а ваш отступал в 1941 году”. Мама заплакала, и всё, закончилось посещение»¹⁸⁹. По словам М. М. Логиновской, третьеклассник Г. Кошкин, возглавивший в октябре-ноябре 1942 г. одну из пионерских бригад фанерного комбината, решил устроиться на работу именно после того, как узнал о гибели отца на фронте¹⁹⁰.

Руководство предприятия одобрило инициативу, после чего была сформирована бригада, во главе которой встал Б. Ильинский. Со временем, когда о создании фронтовой пионерской бригады узнали и другие ученики и захотели принять участие в ее работе, руководство школы поддержало подопечных, но с условием, что работниками смогут стать только те дети, у которых нет проблем с учёбой.

Количество учащихся, которые работали на фанерном комбинате, постоянно увеличивалось. Члены бригад рассказывали своим друзьям и знакомым (в том числе и из других школ) о важности участия в помощи фронту. В результате им удалось привлечь к участию в кампании значительное число своих сверстников: «И потом он (Г. Кошкин. – Д. В.) в нашем классе организовал группу мальчишек и девчонок, и мы пришли на фанерокомбинат помогать...». В бригады принимали только тех, кто учился на «хорошо» и «отлично». Личный пример подавали бригадиры, в частности,

---

¹⁸⁸ О смерти брата в письме сообщил его сослуживец, подробно описав то, как погиб её брат.

¹⁸⁹ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

¹⁹⁰ Там же.

Б. Ильинский, А. Богданов, Ю. Мотовилов. По словам М. М. Логиновской, её одноклассник Г. Кошкин «никогда не пропускал школу и хорошо учился»¹⁹¹.

Расширению масштабов производственно-трудовой деятельности школьников содействовали и партийные органы, в ведении которых находилась пресса¹⁹². После одобрения горкомом ВКП(б) инициативы по созданию фронтовых пионерских бригад, в газете «Красное знамя» за 28 октября 1942 г. было опубликовано обращение учеников начальной школы № 13, в котором они призывали своих сверстников в свободное от занятий время приходить работать на предприятия¹⁹³. Призыв был воспринят, и к концу ноября на фанерном комбинате был организован школьный цех, в котором трудились 180 учащихся из трех школ¹⁹⁴, к январю 1943 г. – 194¹⁹⁵, а к весне 1943 г. – более 200 человек¹⁹⁶.

Однако численный состав бригад не был постоянным, поскольку некоторые школьники прекращали работать, например, из-за снижения показателей успеваемости и посещаемости, загруженности работой по дому, болезни. Кому-то запрещали родители, поскольку работать приходилось в тяжёлых условиях, что негативно сказывалось на здоровье ребёнка: «Ну, у меня через неделю уже руки опухли, такими суставы и остались на всю жизнь. Мама увидела, дома-то холодно, в школе холодно, да и работали мы на улице. И мне она сказала: “Больше не пойдёшь!”», – так ушла из бригады

---

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² К этому времени, по всей видимости, во фронтовых пионерских бригадах работали учащиеся из нескольких школ город. У кого-то из детей родители также работали на фанерокомбинате.

¹⁹³ «Обращение фронтовой пионерской бригады школы №13 ко всем пионерам и школьникам г. Тюмени и Тюменского района о создании фронтовых пионерских бригад» // 400 лет Тюмени: сб. док. и материалов. Свердловск, 1985. С. 215.

¹⁹⁴ Выступление директора фанерокомбината на заседании Тюменской городской конференции ВКП(б) Омской области от 28–29 ноября 1942 г. // ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 590. Л. 12.

¹⁹⁵ Открытка из фанеры // Пионерская правда. 1943. 20 января.

¹⁹⁶ Лазарев Л. И., Тараданкин А. К. Указ. соч. С. 57.

М. М. Логиновская¹⁹⁷. Но многие оставались и продолжали усердно трудиться.

Школьники работали по 2 часа в свободное от занятий время. Учившиеся во вторую смену приходили на фанерный комбинат к 8 утра, а те, кто учился в первую – после окончания занятий. Мастерами в бригадах обычно становились подростки в возрасте 14–15 лет, проходившие курс обучения в школах ФЗО и ремесленных училищах. Большинство рядовых членов бригад учились в начальной школе, что было уникально. Нам не удалось найти информацию о существовании подобных бригад в других тыловых регионах Советского Союза. Как правило, на заводы и фабрики шли работать подростки в возрасте 14–16 лет, прекращавшие посещать школу. Так, в своей диссертации А. И. Назаров указал, что «одним из самых значительных контингентов рабочей силы на заводах области являлись юноши, которым едва исполнялось 14–15 лет, и девушки 15–16 лет.¹⁹⁸ Нередко именно они выступали инициаторами оказания помощи предприятиям в выполнении оборонных заказов¹⁹⁹.

Организация работы на фанерном комбинате также напоминала деятельность военизированного подразделения: «Каждый день без 15 минут в 8 собираются в красном уголке завкома школьники. Без 5 минут в 8 все в строю идут на свое рабочее место, ровно в 8 застучат молотки – работа начата»²⁰⁰.

---

¹⁹⁷ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора

¹⁹⁸ Назаров А. И. Указ. соч. С. 34.

¹⁹⁹ Подробнее о работе школьников на предприятиях в других тыловых районах СССР см.: Докучаева И. Г. Учебные заведения трудовых резервов Западной Сибири в начале Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 585–59; Кабирова А. Ш. Создание кадрового потенциала татарской АССР в системе Государственных трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2. С. 171–178; Сулейманова Р. Н. «Заменим наших отцов и братьев!»: использование детского труда в народном хозяйстве СССР в годы Великой Отечественной войны: региональный аспект // Magistra Vitae. 2016. С. 95–103 и др.

²⁰⁰ Гетцович. Бригада пионеров-школьников // Красное знамя. 1942. 6 ноября.

Изначально в обязанности фронтовых пионерских бригад входило сколачивание деревянных ящиков, которые служили корпусами для противотанковых мин, и доставка их на водную или железнодорожную станции. В дальнейшем спектр выполняемых работ был расширен, в частности учащиеся стали заниматься производством спичек, лыж для миномётов и резервуаров для хранения воды.

Для повышения мотивации школьников было введено соревнование между членами одной бригады и между бригадами. Промежуточные и итоговые результаты вывешивались на доску показателей. Учащиеся стремились занять первое место по итогам соревнования, поэтому пытались рационализировать процесс производства. Как правило, инициатором внедрения новшества являлся один из работников цеха, после чего другие перенимали опыт. Вместе с тем отсутствие знаний и навыков у многих школьников приводило к браку и производственным травмам, в частности, к ушибам и порезам. Например, в числе пострадавших были те члены бригады, кто стремился научиться забивать гвозди с двух ударов. Из-за большого количества гнутых гвоздей появилась и новая специальность «выпрямляльщик», на которую из каждой бригады выделяли по одному человеку²⁰¹.

В конце ноября 1942 г. были подведены итоги первого месяца работы школьников: при задании 8920 корпусов для ЯМ–5²⁰² учащиеся сделали 11 843 штуки. Самых высоких показателей добилась бригада Б. Ильинского, которая сдала 2906 корпусов вместо намеченных 1900. Бригады А. Богданова, Ю. Мотовилова, С. Иванова и Г. Кошкина выполнили задание на 150 %²⁰³. По усредненным подсчетам, каждые пять пионеров выполняли дневную норму опытного рабочего, то есть заменяли целую смену²⁰⁴. За хорошую успеваемость, помощь фронту и семьям фронтовиков, а также за

---

²⁰¹ Там же. С. 37.

²⁰² «Ящичная мина № 5»

²⁰³ Тюменская школа в XX веке. С. 106.

²⁰⁴ Иванова Л.В. История тюменской школы № 25... С. 17.

активное участие в общественной жизни в 1943 г. школе № 13 было вручено переходящее Красное знамя горкома ВЛКСМ²⁰⁵.

Но достигнутые школьниками результаты фактически не повлияли на выполнение фанерокомбинатом плановых показателей. 14 марта 1943 г. в помощь ему даже проводился общегородской воскресник, в котором участвовали 19 организаций, в том числе учащиеся школы № 25, подвозившие сырьё на комбинат. Несмотря на эти усилия, 1943 г. комбинат закончил с убытком в 8 млн 600 тыс. руб., себестоимость его продукции возросла на 20 % против плана, недостач сырья было выявлено на сумму 1 млн 405 тыс. руб., а готовых изделий – на 482 тыс. руб.²⁰⁶ Работа школьного цеха носила, скорее, символический характер: своей самоотверженной работой ребята демонстрировали значимость участия в помощи фронту своим сверстникам, тем самым мотивируя их активно включаться в общее дело всей страны – достижение победы в войне.

Деятельность школьников на фанерном комбинате освещалась не только на страницах региональных газет. В одном из номеров «Пионерской правды» была опубликована заметка под названием «Открытка из фанеры»: «На днях в редакцию нашей газеты пришло необыкновенное письмо. Оно написано на открытке. Но открытка эта не из картона, а из гладкой золотистой фанеры. Она сделана руками ребят. Уже 3 месяца 194 ученика 13-й начальной школы города Тюмени работают на фанерном комбинате. <...> Рабочие комбината с уважением и любовью относятся к юным мастерам, особенно к одиннадцатилетнему пионеру Боре Ильинскому. Это ему первому пришла мысль организовать школьный цех при комбинате»²⁰⁷.

Публикации в центральной прессе имели широкий резонанс и конкретные материальные последствия. Так, школьные бригады первые несколько месяцев трудились на добровольной основе, не получая

---

²⁰⁵ Климов И. П. Великая победа ковалась в тылу // Моё достояние: историко-краеведческий альманах. Тюмень, 2011. С. 229.

²⁰⁶ Два комбината // Красное знамя. 1944. 14 июня.

²⁰⁷ Пионерская правда. 1943. 20 января.

заработную плату. Но ситуация изменилась после издания приказа начальника Главфанерпрома Наркомлеса, согласно которому школьников стали обеспечивать рабочим пайком. В него входили полбуханки хлеба, квадратики концентратов, кусок сала, кулёк с сахаром²⁰⁸. Дополнительно выделялись костюмы, обувь, пионерские галстуки, пионерские горны и барабаны, ткани для знамён. Создатели бригад, Б. Ильинский, Ю. Мотовилов и Ш. Богданов были награждены значками Наркомлеса СССР²⁰⁹.

Особую радость испытали ученики начальной школы № 13 во время просмотра одной из кинохроник. На экране были показаны кадры подрыва немецких танков советскими сапёрами с помощью ящичных мин (их производили тюменские школьники, работавшие на фанерном комбинате): «Это наши, наши “штучки”²¹⁰... “Ура! Ура! Наша взяла...”»²¹¹. Такая бурная реакция учащихся объяснялась их особенностями восприятия окружающего мира. В данном случае демонстрация результата их труда означала признание взрослыми его полезности и важности для достижения победы.

Однако большинство из опрошенных нами не знало о существовании этих бригад, а те, кто состоял в них, говорили об отсутствии у них какой-либо особенной гордости за свою деятельность. Причина заключалась в том, что в условиях военного времени народное движение по оказанию помощи фронту воспринималось детьми и подростками как обыденное явление. И, наоборот, общественному порицанию подвергались дети и подростки, которые отказывались участвовать в общем деле. Петербургские историки С. Б. Ульянова и А. А. Фишева высказали мнение, что в годы войны свободного выбора между работой и образованием практически не существовало: мобилизация молодежи на производство и в учреждения государственных трудовых резервов заставляла людей откладывать реализацию своих индивидуальных образовательных и профессиональных

---

²⁰⁸ Иванова Л. В. Указ. соч. С. 17.

²⁰⁹ Цит. по: Лазарев Л. И., Тараданкин А. К. Указ. соч. С. 39.

²¹⁰ Так называли ящичные мины сами участники фронтовых пионерских бригад.

²¹¹ Лазарев Л. И., Тараданкин А. К. Указ. соч. С. 5–6.

устремлений на послевоенное время. Но и они признали, что использование принуждения в государственной трудовой политике соответствовало общему пониманию того, что каждый обязан внести свой вклад в Победу²¹².

Школьный цех Тюменского фанерного комбината был ликвидирован в мае 1945 г. после окончания Великой Отечественной войны. До этого времени ученики продолжали выполнять военные заказы. За свою работу более 150 членов фронтовой пионерской бригады были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», и несколько из них – «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»²¹³. После войны жизнь учеников сложилась по-разному: Б. Ильинский работал токарем на фабрике им. Витенберга²¹⁴, Ш. Мотовилов, окончив железнодорожное училище и отслужив в армии, уехал на Ямал, где трудился авиамехаником²¹⁵. Но были и те, кто вернулся на фанерный комбинат, например, Г. Кошкин, который устроился на должность электромонтажника²¹⁶.

Специфической формой общественно-полезной деятельности школьников военной поры был сбор денежных средств на различные нужды, например, для оказания помощи детям фронтовиков, сиротам, эвакуированным.

Участие в этих кампаниях принимали школьники всех возрастных категорий. «Сегодня звонок застал малышей в классах, серьезных и взволнованных, в чистых свежевывглаженных костюмчиках, в нарядных платьицах, с бантиками в косичках. Однако они теперь совсем не те, что были до войны. Все мысли, все думы ребят – о войне, о близких, сражающихся на фронте. Все знают, слышали по радио, в садике, из чтения и

---

²¹² Ульянова С.Б., Фишева А.А. Работа или учеба? (Жизненный выбор молодежи в годы Великой Отечественной войны) // Духовная жизнь российских региональных сообществ: история, традиции, современность: сб. ст. 4 международной науч. конф. Казань, 2015. С. 83.

²¹³ Лазарев Л. И., Тараданкин А. К. Указ. соч. С. 81.

²¹⁴ Там же. С. 81.

²¹⁵ Там же. С. 92

²¹⁶ Там же. С. 86.

рассказов о зверствах фашистов, что во многих странах дети лишены возможности учиться, в занятых оккупантами районах школы разрушены», - писала в газетной заметке учительница начальных классов²¹⁷. Ее подопечный так описывал будни своей семьи: «У меня на фронте дядя Коля, а папа на уборочной, колхозу помогает. Мы с мамой дома. Пока она обед готовит, я в магазин за хлебом хожу, работаю». На вопрос учительницы, чем первоклассники помогли фронту, звучали ответы: «Мы из садика посылали подарки на фронт, я на 20 рублей лотерейных билетов купил, я три карандаша принес, чтобы красноармейцы письма домой писали»²¹⁸. На первом же уроке было решено собирать деньги, чтобы дать фронту больше оружия, а также теплые вещи; пойти на поля пригородного колхоза, чтобы собирать колосья. Учительница первоклассников школы № 2 М. Борщевская сообщала, что дети жили «интересами всей страны»: «Домашние задания выполняются всеми, несмотря на то что у некоторых ребят нет учебников. Дети хорошо понимают, чем вызван недостаток книг. Наш класс собрал и сдал в Фонд обороны облигаций госзаймов на 3 тыс. руб., на денежно-вещевую лотерею учащиеся подписались на 200 руб., на постройку авиаэскадрильи имени ВЛКСМ они внесли 80 руб. Собрали подарки бойцам, приносили для отсылки на фронт теплые вещи, собирали книги и учебные принадлежности для детей школ, освобожденных от оккупации»²¹⁹.

Деньги на строительство военной техники сдавали большинство тюменских школьников. Так, за время войны они внесли средства на постройку авиаэскадрильи «Омский комсомолец», «Тюменский комсомолец», самолёта «Юный патриот города Тюмени», танков «Павлик Морозов», «Тюменский школьник», «Малютка», боевого катера «Тюменский пионер» и других. В большинстве случаев инициаторами выступали не дети, а взрослые. Так, согласно постановлению бюро Тюменского горкома ВЛКСМ от 12 октября 1941 г., в котором поддерживалась инициатива

---

²¹⁷ Карабанова Л. Первый день в школе // Красное знамя. 1942. 2 сентября.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Борщевская М. Школа в дни Отечественной войны // Красное Знамя. 1942. 24 марта.

комсомольцев и несоюзной молодёжи Омского завода им. Коминтерна, школьники должны были принимать участие в «субботниках», а заработанные деньги перечислять на постройку авиаэскадрильи²²⁰. В марте 1943 г. в газете «Красное знамя» был опубликован призыв от имени ученика I класса школы № 52 Вовы Сандберга, решившего последовать примеру омской школьницы Ады Занегиной о сборе денег на танк «Малютка»: «Я... вношу собранные мною деньги в сумме 250 рублей на строительство танка “Тюменский школьник” и призываю всех школьников и детей дошкольного возраста последовать моему примеру. Пусть танк “Тюменский школьник” громит фашистскую гадину! Пусть борется за нас, советских ребят!»²²¹. Можно предположить, что об инициативе А. Занегиной ребёнок узнал от своих родителей, поскольку газета «Омская правда» была ориентирована на взрослую аудиторию. Сумма взноса была внушительна для первоклассника. По всей видимости, большую часть средств он получил от родителей, желавших поддержать патриотический порыв своего сына.

Вместе с тем архивные материалы свидетельствуют о том, что инициативу порой проявляли и учащиеся. Так, ученики школы № 25 в ноябре 1944 г. обратились ко всем трудящимся с просьбой сдавать средства на постройку боевого катера «Тюменский пионер». В скором времени их начин был поддержан бюро горкома и горисполкомом²²², и к февралю 1945 г. пионеры города внесли на соответствующий счёт 7 000 рублей²²³.

Другие школьники самостоятельно сдавали средства, например, ученик II класса Г. Дресвянников в сентябре 1941 г. внёс в Фонд обороны облигации госзаймов на 360 руб., приобретённых его родителями²²⁴, а Б. Ильинский – 141 руб. на постройку самолёта «Юный патриот города Тюмени», объяснив

---

²²⁰ «О строительстве авиаэскадрильи “Омский комсомолец”» // 400 лет Тюмени: сб. док. и материалов. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1985. С. 204.

²²¹ Построим танк «Тюменский школьник» // Красное знамя. 1943. 19 марта.

²²² См.: Протокол IX Тюменской городской комсомольской конференции. 30–31 января 1945 г. // ГАСПИТО. Ф. П–7. Оп. 1. Д. 648. Л. 41.

²²³ Там же. Л. 30.

²²⁴ Жорж Дресвянников. Ученик 2-го класса школы № 9 внёс в Фонд обороны облигации госзаймов на 360 руб. / Фото Г. Носова // Красное знамя. 1941. 28 сентября.

свой поступок так: «Пусть эта сумма невелика, но она заработана моими собственными руками впервые в жизни, так как мне одиннадцать лет»²²⁵. Аналогичными мотивами руководствовались и другие работники школьного цеха фанерного комбината, которые внесли 50 % своей заработной платы на постройку самолёта «Юный патриот города Тюмени»²²⁶. В общей сумме это составило около 5000 рублей²²⁷.

Их сверстники, проживавшие в других тыловых регионах Советского Союза, также принимали активное участие в сборе средств. Так, в Чувашии школьники собирали деньги на танк «Пионер Чувашии», танковой колонны «Школьник Советского Союза». На протяжении 1942–1943 гг. ими было сдано на эти цели почти 360 тыс. руб. В ряде случаев они выступали в роли инициаторов этих кампаний, как, например, ученики V класса Чебоксарской средней школы № 3 имени Н. К. Крупской, организовавшие сбор средств на строительство танка «За счастливое детство»²²⁸.

Часть средств учащиеся зарабатывали, участвуя в концертах или выступая на творческих вечерах. Так, комсомольцы тюменской школы № 21 в декабре 1942 г. заработали 1200 руб. и внесли эту сумму на строительство танковой колонны²²⁹. В целом к февралю 1942 г. в Фонд обороны учащиеся и учителя города сдали 47 717 рублей²³⁰, за 1944 г. – 62 046 рублей²³¹, а за всю войну – более 350 000 рублей²³².

---

²²⁵ Лазарев Л. И., Тараданкин А. К. Указ. соч. С. 52.

²²⁶ Пионерская правда. 1943. 20 января.

²²⁷ Лазарев Л. И., Тараданкин А. К. Указ. соч. С. 53.

²²⁸ Григорьев А. Д., Харитонова С. Б. Фонд обороны и Фонд Красной Армии как проявление патриотизма и гражданственности населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. Серия: Исторические науки и археология. 2017. № 2. С. 61.

²²⁹ Протокол № 67 заседания бюро Тюменского городского комитета ВЛКСМ от 25 февраля 1942 г. // ГАСПИТО. Ф. П–21. Оп. 1. Д. 174. Л. 21 об.

²³⁰ Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 416. Л. 40.

²³¹ Докладная записка об итогах учебного года по школам г. Тюмени. 7 июля 1945. // ГАСПИТО. Ф. П–124. Оп. 1. Д. 61. Л. 39.

²³² Цит. по: Михайлова. Указ. соч. С. 68.

Надо полагать всё же, что основные затраты в ходе реализации подобных кампаний ложились на плечи родителей. Многие из интервьюируемых упоминали о своём вкладе, внесённом в Фонд обороны, однако отмечали, что в большинстве случаев именно взрослые давали им на это деньги. Порой родители подключали и административный ресурс, чтобы их ребенок смог лидером, инициатором какого-либо начинания. Так, в отчете о деятельности комсомольского актива школы № 25 говорилось об организации воскресника по заготовке топлива для семей фронтовиков – учителей школы: «Комсомолец из 8 класса Таран в день воскресника с помощью своих родителей достал машину и перевез для школы 7 кубометров дров»²³³.

Школьники активно участвовали в сборе металлолома и других материалов, необходимых для заводов и фабрик. Значение для военной промышленности дополнительных ресурсов железа, меди, бронзы неоднократно отмечалось на страницах детской прессы. Так, в августе 1941 г. в одном из номеров журнала «Дружные ребята» содержался призыв к школьникам проверять каждый двор, «чтобы не оставалось ни одного куса чёрного или цветного металла, не сданного государству»²³⁴. Редакция газеты «Пионерская правда» агитировала детей и подростков собирать запасные части и инструмент для тракторов и сельхозмашин.

Некоторые учащиеся проявляли личную инициативу и самостоятельно собирали металлолом, но в большинстве случаев организатором на местах выступала школа. Под руководством администрации дети и подростки разбивались на бригады и звенья и отправлялись на поиски по городским дворам. Собранный металлолом они складывали во дворе школы, после чего его вывозили на специализированные базы, склады утильсырья или железнодорожные станции. Участвуя в негласных и официальных соревнованиях по количеству собранного металлолома между классами,

---

²³³ Букина Н. Комсомольцы помогают семьям фронтовиков // Красное знамя. 1943. 3 декабря.

²³⁴ Цит по.: Черник С. А. Общеобразовательная школа. С. 224–225.

учебными заведениями одного города и разных населённых пунктов, школьники стремились достичь лучших результатов среди своих сверстников. Только за 1942 г. школьники Тюмени сдали на приемные пункты 3,5 т металлолома и 32 кг цветных металлов²³⁵.

Вместе с металлоломом учащиеся собирали другие материалы, например, макулатуру, отходы из овчины, шерсти, кожи. Их не только отправляли на предприятия, но и использовали для ремонта одежды и обуви в мастерских при учебных заведениях, которые создавались во исполнение приказа наркома просвещения РСФСР от 30 апреля 1944 г.²³⁶ Предполагалось, что в слесарных, швейных, столярных, переплетных мастерских учащиеся будут шить одежду для нуждающихся и для солдат Красной Армии, чинить школьное имущество (стулья, парты, окна), тем самым совершенствуя свои трудовые навыки и частично компенсируя нехватку рабочей силы в промысловых артелях.

В Тюмени такие мастерские создавались и ранее. Например, в 1942 г. в школе № 21 функционировала обувная мастерская²³⁷. Однако нехватка средств в бюджете города не позволяла обеспечить необходимым инвентарём и сырьём все учебные учреждения, поэтому самыми распространёнными стали мастерские по ремонту одежды, для оснащения которых не требовалось особых затрат. В их создании активное участие принимали члены школьных комитетов и учащиеся старших классов, которые впоследствии в них работали. Так, в школах Железнодорожного района г. Тюмени не позднее 10 февраля 1945 г. силами учащихся следовало создать кружки по починке одежды, которая предназначалась красноармейцам (в

---

²³⁵ Выступление на городской партийной конференции. 29 ноября 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 462. Л. 183.

²³⁶ Народное образование. Основные постановления и приказы. С. 145.

²³⁷ Протокол № 24 заседания бюро Тюменского городского комитета ВЛКСМ от 9 декабря 1942 г. // ГАСПИТО. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 174. Л. 142 об.

качестве подарков), семьям фронтовиков, сиротам и другим нуждающимся²³⁸.

Помимо утильсырья и денежных средств школьники сдавали одежду, обувь, посуду и другие вещи в ходе проводимых государством кампаний по оказанию помощи фронту. На протяжении всей войны они принимали участие в выполнении решений ЦК ВЛКСМ «Об изготовлении кисетов и носовых платков для бойцов и командиров Красной Армии», «О сборе подарков для Красной Армии», «О сборе подарков для партизанских отрядов и Красной Армии» и других²³⁹. Как правило, сбор и отправка подарков приурочивались к важным праздникам, таким как 7 ноября, Новый год, 23 февраля, 1 мая.

В большинстве случаев учащиеся отдавали вещи своих родственников, ушедших на фронт, покупали, а также изготавливали их в школьных мастерских или в свободное время. Наиболее распространёнными были наборы, в которые входили зубные щётки, одеколон, письменные принадлежности, галантерейные и трикотажные изделия, а также полотенца, кисеты, носовые платки²⁴⁰. Сдавая зимнюю одежду и обувь для бойцов Красной Армии, учащиеся надеялись, что отправленные вещи спасут чьи-то жизни, помогут советским солдатам победить в бою. К концу 1942 г. все школьники города принимали участие в отправке подарков и тёплых вещей на фронт²⁴¹.

Особенной для Тюмени была кампания по сбору банных пакетов для оборудования поезда-бани, инициатором которой выступил коллектив школы № 52. В каждом из пакетов, принесенных учениками I–II классов, находился кусок мыла, «вехотка» (мочалка для тела) и полотенце. Другие

---

²³⁸ Протокол № 5 заседания Исполнительного комитета районного Совета депутатов трудящихся Железнодорожного района от 5 февраля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 507. Л. 10 об.

²³⁹ Черник С. А. Общеобразовательная школа. С. 168.

²⁴⁰ Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. С. 192.

²⁴¹ Текст выступления на VII Тюменской городской комсомольской конференции и III пленуме Тюменского городского комитета ВЛКСМ // ГАСПИТО. Ф. П–21. Оп. 1. Д. 167.

школьники собрали 50 книг и 75 руб. для покупки литературы. Учителя, наряду с отчислением однодневного заработка, также включились в сбор вещей²⁴². Совместное участие учителей и учеников в этой кампании, свидетельствует о сплочённости школьного коллектива: его члены выполняли одни и те же обязанности.

В порядке шефской помощи госпиталям школьники собирали вещи, в которых нуждались раненые бойцы: конверты, книги, папиросы, а также культинвентарь (музыкальные инструменты, пластинки, настольные игры).

Архивные документы не предоставляют исчерпывающей картины вклада школьников в сбор посылок красноармейцам, но позволяют говорить о массовом участии их в этой деятельности. Согласно имеющимся количественным данным, к февралю 1942 г. учащиеся и учителя Тюмени сдали 1429 тёплых вещей, собрали и отправили 839 подарков бойцам к Новому году²⁴³. К концу ноября 1942 г. подготовили 1746 посылок на фронт и сдали 1702 тёплые вещи²⁴⁴. К концу января 1943 г. сотрудники и ученики школы № 25 собрали 750 крупных и мелких подарков для бойцов и командиров к 25-й годовщине РККА²⁴⁵. Для детей, проживавших на территориях, освобождённых от оккупации, за 10 февральских дней 1942 г. сотрудники школ и учащиеся собрали 1255 вещей, среди которых были верхняя одежда, шапки, чулки, игрушки, посуда, книги и другое²⁴⁶. К концу ноября 1942 г. для нужд подшефных госпиталей собрали 2299 руб., аптечной посуды – 2233 штуки, 110 кг материала для подушек, а также перечислили 60 000 руб. семьям эвакуированных²⁴⁷.

---

²⁴² Иванова Н. Инициатива школы № 52 // Красное знамя. 1942. 23 января.

²⁴³ Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 416. Л. 40.

²⁴⁴ Выступление на городской партийной конференции. 29 ноября 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 462. Л. 183.

²⁴⁵ Протокол № 21 общего собрания школы № 25 от 22 января 1943 г. // ГАСПИТО. Ф. П–3517. Оп. 1. Д. 7. Л. 157 об.

²⁴⁶ Тюменцы – фронту! С. 132.

²⁴⁷ Выступление на городской партийной конференции. 29 ноября 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 462. Л. 183.

Публикация материалов в детской периодической печати, в которых бойцы благодарили учащихся за подарки, усиливала мотивацию школьников, поскольку демонстрировала результативность их работы. Учащиеся воспринимали это как признание общественной значимости своих поступков, как критерий «взрослости».

Тюменцы помогали материально и жителям освобожденных от оккупации районов страны. Только за 10 дней февраля 1942 г. школьники города и их педагоги собрали 1255 вещей, включая предметы верхней одежды, платья, костюмы, шапки, чулки, посуду, игрушки, книги²⁴⁸. Позднее, в сентябре 1943 г., по решению бюро Омского обкома ВКП(б) Омская область взяла шефство над Запорожской областью, и кампании по сбору вещей стали проводиться регулярно.

Такую помощь можно назвать лишь условно «детской», поскольку она также осуществлялась за счет родителей школьников. Как вспоминала В. Н. Кубочкина, её мама оставила только одну пару белья в надежде на возвращение отца с войны, а остальное все было отдано²⁴⁹.

Возможности заработать самим у школьников были невелики, но они всё же имелись. Весной 1942 г. они решили провести платный концерт, сбор от которого (составивший, по неполным данным, свыше 10 тыс. руб.) предназначался в помощь эвакуированным. Представление открылось массовой торжественной интермедией, посвященной «Родине, Красной Армии и великому другу детей – Сталину»: «На фоне театрального занавеса появляется маленький горнист. Звучит пионерский сигнал – это начало. Идут школьники. Они дают клятву учиться хорошо. Идут физкультурники. Они – символ крепкой смены нашим бойцам. Идут четким шагом, с винтовками, поблескивая сталью штыков, учащиеся, проходящие всеобуч. Эти уже завтра, если родина их призовет, готовы встать в ряды армии, на помощь

---

²⁴⁸ Наш город и район фронту // Красное знамя. 1942. 23 февраля.

²⁴⁹ Когда бабушка была маленькая... С. 20.

отцам и братьям»²⁵⁰. Перед портретом Сталина пионеры давали клятву «идти по сталинскому зову вперед». Подобные военизированные ритуалы имели особую психологическую значимость. В литературе отмечается, что клятва, как знаково оформленное социальное действие, включает в себя идею возмездия за нарушение принимаемых обязательств²⁵¹. Выраженная неявно (имплицитно), она служила объединяющим, связующим началом для молодежи.

В связи с активными боевыми действиями и потерей основных промышленных районов Советского Союза перед руководством страны остро встал вопрос о создании новых центров по производству лекарств и обеспечении армии необходимыми медикаментами. В сибирских лесах произрастало множество лечебных растений, но для налаживания систематического их сбора и бесперебойных поставок не хватало рабочих рук. В связи с этим уже с первого военного лета учащиеся под руководством учителей, комсомольцев отправлялись в лес или подсобные хозяйства, чтобы собирать лекарственные травы, ягоды и грибы, уделяя этому 3–4 часа в день²⁵². С этой же целью создавались специализированные пионерские лагеря, срок пребывания в которых составлял 40 дней²⁵³. Учащиеся школ собирали шиповник, кору ивы, корень валерианы, ромашку, щавель, крапиву, а также хвою для изготовления препаратов, позволявших восполнять дефицит витамина С²⁵⁴. Такие «особые» пионерские лагеря, по всей видимости, были открыты не только в окрестностях Тюмени. В связи с острой нехваткой сырья для изготовления лекарств они создавались и во

---

²⁵⁰ Гриф Г. Концерт художественной самодеятельности // Красное знамя. 1942. 1 апреля.

²⁵¹ Чесноков И.И. Речевой акт «клятва»: истоки и первичные формы объективации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 9. С. 5.

²⁵² Цит. по: J. deGriffenried. Sacrificing childhood. P. 56.

²⁵³ Цит. по.: Бей О. Н. Тюменские школы в годы Великой Отечественной войны // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2001. С. 224.

²⁵⁴ Пер. по: J. deGriffenried. Sacrificing childhood. P. 57.

многих других тыловых регионах, например, в Восточной Сибири, на Урале, Алтае и Дальнем Востоке²⁵⁵.

Нарком здравоохранения Г. А. Митерев в своем письме, опубликованном в «Комсомольской правде», обратился к пионерам и школьникам с призывом принять активное участие в сборе лекарственных растений²⁵⁶. При ЦК ВЛКСМ была образована комиссия по руководству сбором дикорастущих полезных растений — грибов, ягод, витаминосодержащей зелени, дубильного корья и лекарственного сырья. При областных, краевых, районных комитетах ВЛКСМ создавались местные комиссии для обеспечения активного участия комсомольских и пионерских организаций в сборе. В «Пионерской правде» выходил «Календарь сбора дикорастущих», а в июньском номере за 1942 г. была напечатана «Песенка разведчика природы» известного поэта Льва Ошанина: Обойдите все свои владенья / Оглядите шумные дубравы – / Там растут целебные растенья, / Там растут лекарственные травы. / Для отважных раненых героев, / Для палат больниц и лазаретов / Собирайте опытной рукою / Все, что нам несет в подарок лето²⁵⁷. Сбору лекарственных трав и дикорастущих растений в «Пионерской правде» была посвящена целая страница с характерным заголовком «Боевое задание Родины». Давался алгоритм действий: начинать следовало с райкома комсомола, с помощью учителей научиться распознавать растения, отыскать «пригодный для сушки» чердак, разработать маршрут и пр. Сбор растительного сырья учащимися, согласно приказу Наркомпроса РСФСР от 7 мая 1943 г., должен был проводиться

---

²⁵⁵ Подробнее см.: Дунбинская Т. И. Организация летних оздоровительных кампаний для детей Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник ТГПУ. 2017. № 5 (187). С. 65–69.

²⁵⁶ Хисамутдинова Р. Р., Шаповаленко Е. М. Заготовка лекарственных растений Главным аптечным управлением Наркомздрава РСФСР в период Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 187.

²⁵⁷ Ошанин Л. Песенка разведчика природы // Пионерская правда. 1942. 3 июня.

«систематически в течение всего года в свободное от занятия в школе время»²⁵⁸.

29 мая 1942 г. соответствующие руководящие указания были озвучены в письме ЦК ВЛКСМ, в котором подчёркивалась значимость этой работы²⁵⁹, и обращения учеников Седельниковской средней школы ко всем пионерам и учащимся Омской области²⁶⁰. С 1942 г. учащиеся школ Тюмени стали участвовать во Всесоюзном социалистическом соревновании комсомольских и пионерских организаций, интернатов, детских лагерей, детдомов и школ «на лучшую организацию и участие в сборе», проводимого Комиссией по сбору дикорастущих полезных растений при ЦК ВЛКСМ. В течение следующих трёх лет учащиеся страны сдали государству 240 784 т дикорастущих растений и плодов или 77,6 % от общего количества заготовленного сырья²⁶¹. Школьники не обладали необходимыми знаниями, поэтому учителя биологии и работники сельского хозяйства проводили с ними беседы и лекции о лекарственных травах, съедобных ягодах и грибах. Несмотря на отсутствие сведений об ошибках учеников при сборе растений, нельзя исключить, что иногда происходили несчастные случаи, например, пищевые отравления.

Помимо работы в полях и на производстве школьники активно привлекались в качестве чернорабочих к подсобным работам в городском хозяйстве в свободное и даже в учебное время. К таковым относились рытьё канав, расчистка улиц и железнодорожных путей от снега, разгрузка и загрузка барж и вагонов, уборка мусора, заготовка дров, посадка деревьев в

---

²⁵⁸ Об участии учителей, политпросветработы учреждений, пионеров и школьников в сборе дикорастущих, пищевых, лекарственных и технических растений для нужд фронта и народного хозяйства (Приказ № 1538 НКП РСФСР от 7 мая 1943 г.) // Ивенский Я. Г. Лекарственно-растительное сырьё. Справочник для заготовителя / под ред. акад. П. М. Жуковского и Н. А. Комарицкого. М., 1944. С. 41–43.

²⁵⁹ Подробнее см.: Быска Е. В., Смолякова Е. И., Мошкина Н. А. Детство на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны на примере Саткинского района // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2015. № 2 (9). С. 14.

²⁶⁰ Омичи – фронту: Омская область в Великой Отечественной войне: в помощь пропагандисту, агитатору, лектору. Омск, 1985. С. 42.

²⁶¹ Черник С. А. Общеобразовательная школа. С. 214.

городе и другое. Хотя труд этот обычно был довольно тяжелым, подростки относились к поставленным перед ними задачам добросовестно, поскольку в конце рабочего дня их кормили горячим обедом.

Участники тех событий подчёркивали, что в ходе «трудовых мобилизаций» к ним относились как к взрослым рабочим. Наиболее тяжёлую работу выполняли учащиеся старших классов средней школы (VIII – X). Так, А. К. Щекотов упоминал об участии вместе с другими старшеклассниками (всего 200 человек) в расчистке железнодорожных путей от снега²⁶². Он же рассказал о том, что многим подросткам приходилось работать на лесоповале, где каждый должен был за сутки заготовить не менее 2 м³ дров, что равнялось норме взрослого рабочего, сложить их в поленницу, а потом сдать нормировщику. Жили они в бревенчатых бараках: «Внутри – нары в два этажа. Там мы ночевали. Как там [нас. – Д. В.] ели блохи! Всю ночь ели блохи. [Мы. – Д. В.] старались на второй этаж забраться спать, где было потеплее. Утром нас кормили затёртой ржаной мукой из глиняных плошек объёмом примерно 1 литр. Поели – и на работу»²⁶³. Не менее трудно приходилось и девочкам, которые во время заготовки топлива для школ «пилили стволы на дрова»²⁶⁴.

Некоторые дети и подростки не справлялись с возложенными на них обязанностями. Так, учащиеся школы № 25 были направлены на заготовку дров, но на следующий день вернулись домой, поскольку «испугались комаров». За этот проступок им был объявлен строгий выговор с занесением в личное дело²⁶⁵. Нельзя исключать, что данный случай был не единичный.

Школьники в глубоком тылу, в отличие от своих сверстников в прифронтовой полосе, не испытывали эмоционального стресса от бомбежек, артобстрелов, не сталкивались близко с массовой смертностью. Поэтому им

---

²⁶² Когда бабушка была маленькой. С. 11

²⁶³ Там же. С. 15

²⁶⁴ Иванова Л. В. Указ. соч. С. 16.

²⁶⁵ Протоколы №№ 79 и 80 заседания бюро Тюменского городского комитета ВЛКСМ // ГАСПИТО. Ф. П–21. Оп. 1. Д. 174. Л. 65 об.

психологически тяжело давалась работа, при выполнении которой они могли воочию увидеть последствия войны. Например, В. П. Максимов вспоминал, что в 1941 г. ученики X классов разгружали эшелоны, прибывшие из Ленинграда, где «трупы были, и запах такой стоял...»: «Выносили, грузили в машины, и вот тут я впервые почувствовал дыхание войны»²⁶⁶.

В городе работали 26 госпиталей Уральского и Сибирского военных округов. Главным из них был госпиталь-распределитель № 1500²⁶⁷, из которого пациентов развозили по другим медицинским учреждениям в зависимости от профиля²⁶⁸. Шефство над ними закреплялось за школами. Учащиеся регулярно посещали их во внеучебное время: в одиночку, с друзьями или одноклассниками. Школьные ячейки ВЛКСМ не уделяли этой деятельности должного внимания в первый военный год, несмотря на желание детей и подростков помочь раненым военнослужащим²⁶⁹. Впоследствии ученики в организованном порядке под руководством учителя, а также комсомольца и пионервожатого, которыми в большинстве случаев были учащиеся старших классов, отправлялись в госпитали: «Мы ходили с нашим вожатым [*в госпиталь*. – Д. В.], мы в V классе учились, а он в VIII. Он показался нам таким серьёзным. Мы спросили у него: «“Какое у тебя отчество?”. Он засмеялся и сказал: “Никакое”. И мы звали его “Шурик Александрович”».

В госпиталях школьники резали бинты, готовили повязки, мыли окна и пол, ухаживали за больными и писали письма от лица тяжелораненых их родственникам. Наличие огромного желания помочь медицинскому персоналу в работе и поддержать раненых красноармейцев подтверждается

---

²⁶⁶ Воспоминания В. П. Максимова, 1924 г. р. // Материалы из фондов Музея истории вуза ТюмГУ.

²⁶⁷ Палаты госпиталя размещались в зданиях пединститута, глазной больницы, школы № 2 и общежитий Тюменского педагогического института // Госпиталь 1500 [Электронный ресурс] // Город Т. URL: gorod-t.info (дата обращения – 25.05.2021)

²⁶⁸ Труфакин В. А. Сибирские медики в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Бюллетень СОРАМН. 2005. №2 (116). С. 13.

²⁶⁹ Протокол № 16 закрытого партийного собрания первичной партийной организации Тюменского городского отдела народного образования от 2 декабря 1941 г. // ГАСПИТО. Ф. П–3517. Оп. 1. Д. 6. Л. 91.

материалами интервью и опубликованными воспоминаниями. Л. П. Прокофьева рассказывала, что они почти каждый день со своими одноклассниками собирались вместе и шли навестить раненых бойцов²⁷⁰. Учащиеся разговаривали с ранеными, рассказывали им о своих успехах в учёбе или жизни. В свою очередь школьники, особенно мальчики, с интересом слушали рассказы о положении на фронте, героических поступках советских воинов и солдатской жизни. Эта информация впоследствии могла использоваться учителями на занятиях и школьниками в своих играх²⁷¹.

По словам интервьюируемых, они осознавали важность получения положительных эмоций для находившихся на излечении солдат и офицеров и потому с особой ответственностью подходили к организации концертов в больничных палатах. Для своих выступлений школьники на переменах и после уроков разучивали песни, стихи, составляли сценарии постановок. Популярностью пользовались произведения на военную тематику, например, «Огонёк», «В землянке», «Лизавета»²⁷², «Священная война», «Катюша», «Её письмо на фронт» и другие. В качестве главных положительных героев театрализованных сценок обычно выступали советские солдаты, а антагонистов – немецкие военнослужащие и политические деятели. Только за два месяца 1942 г. дети и подростки, занимавшиеся в творческих кружках в Доме пионеров, провели 9 концертных вечеров для подшефного госпиталя²⁷³.

При этом на многих детей и подростков состояние раненых бойцов производило неизгладимые впечатления. Как правило, они были негативными: «Было очень тяжело смотреть на эти переломанные ноги, руки,

---

²⁷⁰ Воспоминания Л. П. Прокофьевой, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

²⁷¹ Парменов К. Я. Школа в помощь фронту. Молотовск, 1942. С. 21–23.

²⁷² Тюменская старина. Т. 1. С. 189.

²⁷³ Протокол № 11 общего партийного собрания первичной партийной организации Тюменского городского отдела народного образования от 23 сентября 1941 г. // ГАСПИТО. Ф. П–21. Оп. 1. Д. 174. Л. 77.

на страдающие лица»²⁷⁴. В силу удаленности от мест боевых действий смерть человека в Тюмени военных лет не воспринималась школьниками как обыденное событие. Особенно остро переживались ими случаи, когда из госпиталей вывозили солдат, умерших от полученных ран.

С 1944 г. наметилась тенденция уменьшения использования детского и подросткового труда в народном хозяйстве, что было связано с военными успехами Красной Армии. Согласно постановлению ЦК ВЛКСМ от 12 апреля 1944 г., комсомольским организациям запрещалось привлекать учащихся к общественным работам во время учебных занятий²⁷⁵. Руководствуясь полученными инструкциями, местные органы власти начали проводить мероприятия по возвращению учащихся в школы. Так, на заседании бюро Тюменского горкома ВКП(б), состоявшемся в сентябре 1944 г., было решено в кратчайшие сроки вернуть за парты 12-летних детей, которые трудились на предприятиях и артелях, а также провести среди матерей и нанимателей разъяснительную работу «с целью освобождения малолетних девочек от обязанностей нянь»²⁷⁶. С окончанием войны исчезла необходимость в оказании помощи фронту. Однако нехватка рабочих рук ощущалась и в послевоенное время, в связи с чем учащиеся продолжали участвовать в сельскохозяйственных, подсобных работах и трудиться в школьных мастерских.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны повседневная жизнь тюменских школьников, как и их сверстников в других тыловых городах была тесно связана с общественно-полезной (читай – трудовой) деятельностью. Они выполняли широкий спектр работ: шефствовали над госпиталями, собирали металлолом, макулатуру и полезные растения,

---

²⁷⁴ Воспоминания Н. В. Черномырдиной, 1927 г. р. Записаны О. А. Ковалёвой в 2016 г. // Архив автора.

²⁷⁵ «О мерах по улучшению работы комсомола в школе» // Народное образование. Основные постановления и приказы. М., 1948. С. 141.

²⁷⁶ Протокол № 94 заседания бюро Тюменского городского комитета ВКП(б) Тюменской области от 19 сентября 1944 г. // ГАСПИТО. Ф. П–7. Оп. 1. Д. 648. Л. 129.

участвовали в посевной и уборочной кампаниях, выполняли подсобные работы, сдавали вещи и деньги на постройку военной техники и другие нужды. Основная тяжесть легла на плечи учащихся V–VII классов, поскольку в старших классах тюменских школ училось мало людей.

Приобщение школьников к общественно-полезной деятельности отчасти было обусловлено государственной политикой адаптации народного хозяйства к реалиям военного времени. С одной стороны, для успешного перехода экономики на военные рельсы в условиях нехватки рабочих рук, возникшей из-за мобилизации трудоспособного населения в армию, требовалось использование всех материальных и людских ресурсов. С другой, советская власть стремилась максимально регламентировать досуг школьников из-за увеличения количества беспризорных и безнадзорных детей и подростков путём их привлечения к труду.

В большинстве случаев именно советские или партийные органы выступали в роли инициатора привлечения детей и подростков к различным кампаниям по сбору сельскохозяйственной продукции, утильсырья, лекарственных растений, денежных средств, подарков для военнослужащих путём принятия соответствующих нормативно-правовых актов. Параллельно через СМИ и работников школ транслировалась идея о том, что оказание помощи фронту является долгом каждого гражданина страны. Вклад, внесённый тюменскими школьниками в достижение победы, свидетельствует об эффективности внедрения этой установки.

Детские мечты о военных подвигах умело направлялись на путь повседневного труда в тылу. И в сельском хозяйстве, и на заводском производстве школьные бригады боролись за звание фронтовых, а добившиеся наивысших результатов – гвардейских. Подростки понимали, что они мобилизованы на настоящий фронт здесь, в тыловой Тюмени, и своими «малыми героическими» поступками приближают Победу.

Не менее успешной оказывалась агитация, проводимая самими школьниками среди своих одноклассников, друзей и знакомых. Она, как

правило, основывалась на личном примере участников сбора средств, помощи госпиталям и промышленным предприятиям, членов фронтовых пионерских бригад. При этом активность проявляли не только подростки, но и младшеклассники. Уникальным в этом плане является деятельность фронтовых пионерских бригад, созданных 11-летними школьниками. Как правило, в тыловых городах детей в возрасте до 12 лет не привлекали к подобным работам.

Посильную помощь детям оказывали их родители. Прежде всего, они помогали материально, выдавая ребёнку деньги и вещи. У кого была возможность – задействовали неформальные связи и знакомства, использовали своё служебное положение. Прилагаемые родителями усилия были направлены на то, чтобы их ребёнок выполнил социальные обязательства. Наравне со школьниками всех возрастов участие в кампаниях, имевших целью помощь фронту, участвовали и их педагоги, школьный коллектив в таких случаях выступал как единое целое.

Резюмируя всё вышесказанное, можно утверждать, что дети и подростки своей общественно-полезной деятельностью вносили серьёзный вклад в победу. Это стало возможным благодаря не только позиции власти, но и желанию самих школьников (проживавших в разных регионах Советского Союза), стремившихся показать себя, стать частью мира взрослых.

Общая трудовая деятельность способствовала тому, что поколению детей войны становились присущи такие ценности как патриотизм, коллективизм, социальная полезность, сознание ответственности и долга перед Родиной, оптимизм. Можно согласиться с высказанной в литературе точкой зрения, согласно которой «чувство долга как определяющая установка личности была настолько действенной, что даже приобретенный

послевоенный и постсоветский опыт не внесли существенных изменений в ценностную ориентацию» изучаемого поколения²⁷⁷.

---

²⁷⁷ Сомов В. А., Сомова Д. В. Детство 1930-х: советская политика в области воспитания подрастающего поколения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4. С. 125.

Глава 2. Школьная повседневность учащихся тылового города в годы Великой Отечественной войны

2.1. Изменения в учебном процессе в годы Великой Отечественной войны

В 1930-е гг. большинство советских детей и подростков учились в школах, что было связано с политикой всеобуча. Её реализация началась в 1930 г. после принятия ЦК ВКП(б) постановления «О всеобщем обязательном начальном обучении»²⁷⁸. К концу десятилетия для проживавших в городах несовершеннолетних в возрасте от 8 до 15 лет обязательным стало окончание семилетней школы²⁷⁹, а к 1942 г. – получение среднего образования.

В 1930-е гг. были приняты нормативно-правовые акты, направленные на унификацию образовательного процесса²⁸⁰. Как правило, ребёнок поступал в начальную школу по месту жительства в возрасте 8 лет (согласно постановлению СНК СССР от 8 сентября 1943 г. с 1944/1945 учебного года возрастной порог снизился до 7 лет²⁸¹). Окончив IV класс, он переходил в неполную среднюю школу, выпускники которой имели возможность продолжить обучение в VIII–X классах средней школы, но по этому пути следовали немногие из них. Причиной являлась взимаемая за обучение в

---

²⁷⁸ Постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 25 июля 1930 г. // Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. док. за 1917–1947 гг. Приложение к журналу «Советская педагогика». Вып. 1. М.; Л., 1947. С. 98.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ См., например: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 15 мая 1934 г.; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преобразовании так называемых образцовых и опытно-показательных школ в нормальные школы»; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР» от 15 мая 1934 г.; Постановление ЦК ВКП(б) «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР» от 9 июня 1934 г.; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О строительстве школ в городах и о приёме в высшие педагогические учебные заведения» от 22 февраля 1935 г.; Распоряжение СНК СССР «Об изучении Конституции Союза ССР в школах» от 1 февраля 1937 г.; Распоряжение Наркомпроса РСФСР «Об улучшении обучения переростков и подростков» от 26 сентября 1940 г. и др.

²⁸¹ «О приёме детей семилетнего возраста» // Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. С. 120.

VIII–X классах плата в размере 150 руб. в год²⁸², из-за чего некоторые подростки после VII класса трудоустраивались на предприятия, в совхозы или колхозы.

Многие выпускники поступали в специальные учебные учреждения. Еще до войны, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» от 20 октября 1940 г., в стране была создана единая система профессионально-технического образования, включавшая в себя три типа учебных заведений: ремесленные и железнодорожные училища, а также школы фабрично-заводского обучения²⁸³. Из-за нехватки рабочих рук с 1942 г. Главное управление трудовых резервов при СНК СССР стало регулярно проводить набор детей, оставшихся без родителей, в том числе и из детских домов, для обучения в школах ФЗО, в ремесленных и железнодорожных училищах²⁸⁴. Такие кампании приобрели формат мобилизаций. В газетах регулярно размещались объявления о призыве молодежи в эти учебные заведения, сообщавшие, что обучение в них бесплатное, питание производится за счет государства, нуждающиеся обеспечиваются общежитием. В условиях нехватки рабочих рук подрастающее поколение стало одним из основных резервов, который позволил частично компенсировать уход трудоспособного населения на фронт.

После унификации продолжительности учебного года и школьной программы²⁸⁵ учащиеся всей страны приступали к занятиям одновременно, 1

---

²⁸² Сборник руководящих и инструктивных материалов по всеобщему обучению детей. С. 74.

²⁸³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сб. док. за 50 лет. М., 1967. Т. 2. 1929–1940 гг. С. 774–775.

²⁸⁴ Славко А. А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской безпризорности... С. 35.

²⁸⁵ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР» от 15 мая 1934 г.; Постановление ЦК ВКП(б) «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР» от 9 июня 1934 г.; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О строительстве школ в городах и о приёме в высшие педагогические учебные заведения» от 22 февраля 1935 г.; Распоряжение СНК

сентября. Учебный год состоял из четырех четвертей, между которыми для отдыха отводилось каникулярное время. На летние каникулы ученики I–III классов выходили 1 июня, IV–VII классов – 10 июня, VIII–X классов – 20 июня. Учебная неделя длилась 6 дней. В начальной школе учащиеся занимались по 4 урока в день при двух днях по 5 уроков в IV классах, а в неполной средней и средней школе – по 5 уроков при двух днях в неделю по 6 уроков. Продолжительность учебных занятий равнялась 45 мин., перерыв между вторым и третьим уроками составлял 30 мин., а между остальными – 10 мин.²⁸⁶

Преподавание школьных дисциплин, как и весь учебно-воспитательный процесс, базировалось на принципах педагогики, утвердившейся в качестве основной науки после запрета педологии в 1936 г.²⁸⁷ Педологи акцентировали своё внимание на изучении особенностей психофизиологического развития детей и подростков. В рамках педагогики провозглашалось «всесилие воспитательных воздействий на личность советского человека»²⁸⁸, в особенности через социальную среду.

В классе главным был учитель, под руководством которого школьники изучали русский язык, математику, физику, химию, географию, историю, Конституцию СССР, иностранные языки и другие предметы, занимались пением и физкультурой. Обычно учитель начинал занятие с проверки домашнего задания, после чего переходил к объяснению нового материала. Проверка знаний осуществлялась и с помощью контрольных работ.

Начало Великой Отечественной войны потребовало кардинального пересмотра государственной политики в области народного образования.

СССР «Об изучении Конституции Союза ССР в школах» от 1 февраля 1937 г.; Распоряжение Наркомпроса РСФСР «Об улучшении обучения переростков и подростков» от 26 сентября 1940 г. и др.

²⁸⁶ Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. С. 170.

²⁸⁷ Подробнее см.: Постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 4 июля 1936 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.historyrussia.org/> (дата обращения: 24.09.2022)

²⁸⁸ Ильяшенко Е. Г. Роль педагогической антропологии в развитии педологических исследований России первой трети XX века // Историко-педагогический журнал. 2015. № 3. С. 105.

Несмотря на заявление главы Наркомпроса РСФСР В. П. Потёмкина о том, что учебный год начнётся 1 сентября (как и в довоенное время)²⁸⁹, во многих районах Советского Союза школьники приступили к занятиям только 1 октября 1941 г.,²⁹⁰ а в ряде регионов ещё позже. Были перенесены и сроки окончания учебного года: занятия прекращались в мае. Эти изменения были связаны в первую очередь с мобилизацией детей и подростков на сельскохозяйственные работы, что предусматривалось постановлением СНК СССР²⁹¹, принятым 2 июля 1941 г., и последовавшим за этим приказом Наркомпроса РСФСР²⁹². Такая практика переноса сроков начала и окончания учебного года в военное время стала весьма распространённой.

В первую военную зиму (1941/42 учебного года) на зимние каникулы ушли только ученики начальной школы, причем были сдвинуты их сроки: уроки прекращались с 11 января 1942 г. В газете «Красное знамя» сообщалось: «В нынешнем году каникулы проходят в своеобразных условиях – они предоставлены только малышам. Эту особенность военного времени надо разъяснить всем школьникам, и сделать это необходимо на классных собраниях, посвященных итогам второй четверти учебного года»²⁹³. Но и ученики младших классов не могли распоряжаться каникулярным временем по своему усмотрению: в газетной заметке содержался призыв активизировать работу тимуровских команд.

Многие школьники стали учиться в три смены, что было связано с прибытием в Тюмень эвакуированных. Уже к сентябрю 1941 г. это касалось учащихся 11 общеобразовательных учреждений²⁹⁴, а к февралю 1942 г. на

---

²⁸⁹ См.: Потёмкин В. Ф. Статьи и речи по вопросам народного образования / под ред. И. А. Каирова, А. Г. Калашникова, Н. А. Константинова. М.; Л., 1947. С. 106.

²⁹⁰ Бей О. Н. Указ. соч. С. 216.

²⁹¹ «О привлечении в военное время учащихся VII–X классов к участию в сельскохозяйственных работах»

²⁹² «О привлечении учащихся 7–10-х классов к работам в сельском хозяйстве и на производстве» от 3 июля 1941 г.

²⁹³ Отлично проведем школьные каникулы // Красное Знамя. 1942. 9 января.

²⁹⁴ Подсчитано автором – см.: Протокол № 17 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся 31 июля 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419. Л. 322.

этот режим работы перешли все школы города. Первая смена начиналась с 8 утра, учащиеся же третьей смены занимались до 8 вечера. Судя по воспоминаниям, дети нередко оставались в школах и дольше: «Учебные занятия велись в три смены – с 8 утра до 11 вечера. И еще задерживались, чтобы помочь отстающим, выпускали газеты»²⁹⁵. Урок длился 40 мин., перемены – 5 мин., большая перемена, во время которой школьники обедали, – 10 мин., а перерыв между сменами – 30–40 мин.²⁹⁶

Как правило, на многосменный режим работы переходили школы, располагавшиеся в регионах, куда прибывало много эвакуированных. Так, три смены стали работать школы Кургана, Уфы²⁹⁷. В Тамбовской области, как указано в диссертации А. И. Назарова, были даже зафиксированы случаи, когда учебные заведения переводились на четырехсменный режим работы²⁹⁸. В масштабах РСФСР в 1941/1942 учебном году 40,2 % школьников занимались в первую смену, 38,2 % – во вторую, 11,6 % – в третью. В некоторых городах доля учившихся в третью смену достигала 20–23 %²⁹⁹. Учащиеся занимались в три смены и после принятия Совнаркомом РСФСР постановления от 25 июня 1942 г. об освобождении зданий школ, использовавшихся не по назначению³⁰⁰. Всего к 15 октября 1943 г. в РСФСР было освобождено только 1694 школьных зданий³⁰¹.

На двухсменный режим работы образовательные учреждения Тюмени перешли в 1944/1945 учебном году, но риск введения третьей смены

---

²⁹⁵ Иванова Л. В. История тюменской школы № 25... С. 16.

²⁹⁶ Культурное строительство в РСФСР. Т. 2, ч. 2. С. 18.

²⁹⁷ Черник С. А. Организация учебно-воспитательной работы школы в период Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1975. № 1. С. 57.

²⁹⁸ Цит. по: Назаров А. И. Указ. соч. С. 159.

²⁹⁹ Арбузов М. Ф. Задачи школы в предстоящем учебном году // Советская педагогика. 1942. № 8–9. С. 1.

³⁰⁰ «Об итогах 1941/1942 учебного года и подготовке школ к новому 1942/1943 учебному году». Согласно постановлению, до 20 июля 1942 г. следовало освободить здания школ, использовавшиеся не по назначению. Исключение составляли помещения, занятые госпиталями или не подлежавшие передаче в ведение образовательных учреждений по решению правительства // Сборник руководящих и инструктивных материалов по всеобщему обучению детей. С. 12.

³⁰¹ Черник С. А. Организация учебно-воспитательной работы школы. С. 57.

сохранялся и в послевоенное время³⁰². Несмотря на то что Тюмень стала областным центром, в городе по-прежнему не хватало учебных помещений, парт, стульев, досок, учебников, письменных принадлежностей.

Сокращение продолжительности учебного года предусматривало увеличение нагрузки на детей, чтобы уместить все занятия в три смены. По новому расписанию учащиеся первых трёх классов занимались 4 дня по 4 урока и 2 дня по 3 урока. Остальные классы учились ежедневно (включая воскресенье), но, как правило, учебный день IV классов состоял из 4 уроков, а V–X классов – из 5 уроков при двух днях в неделю по 6 уроков. В итоге учащиеся I–III классов, как правило, занимались 22 часа в неделю, IV классов – 24 часа, V–X классов – 30 часов³⁰³.

Учебные программы сокращались за счёт исключения из них таких предметов как пение, рисование, черчение. Отдельные темы включались в курс других дисциплин, например, на уроках биологии и химии учителя уделяли время сюжетам по геологии и минералогии за IX класс, а на физике – отдельным темам по астрономии. По некоторым дисциплинам, не изъятым из школьной программы полностью, уменьшилось количество часов преподавания. Так, в VII классах на один час в неделю было сокращено преподавание Конституции СССР, физики и истории, в классах средней школы – географии и естествознания³⁰⁴. С другой стороны, в курсы естественных и технических дисциплин включались задания по военной тематике. На уроках химии школьники получали теоретические знания о противохимической защите, на физике изучали военную технику, а на географии учились работать с топографической картой и ориентироваться на местности³⁰⁵. На уроках истории и литературы они знакомились с

---

³⁰² Отчёт об итогах работы школ Тюменской области в 1944/1945 году. 25 июля 1945 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 59. Л. 58.

³⁰³ Бей О. Н. Указ. соч. С. 216.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Агеева В. А. Указ. соч. С. 58.

героическими страницами прошлого, например, с победами войск в Невской битве, в Ледовом побоище, в Бородинском сражении.

В сентябре 1941 г. было издано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обучении сельскохозяйственным работам учащихся старших классов средних школ, техникумов и вузов», в соответствии с которым в учебных учреждениях осенью-зимой 1941 г. должны были начаться занятия по основам техники и сельскохозяйственного производства. Разработанные Наркомпросом учебные программы для V–X классов предполагали, что в V классах учащиеся будут осваивать «приёмы выращивания овощных культур», в VI изучать агротехнику зерновых и технических культур и учиться управлять простой сельхозтехникой. В VII–VIII классах преподавали основы растениеводства и животноводства, а также знакомили со сложной сельхозтехникой. В старших классах ученики более углублённо изучали агротехнику, знакомились с уставом сельскохозяйственной артели, а также продолжали улучшать свои навыки работы на сельхозмашинах и с орудиями «по обработке почвы к посеву, уборке урожая, молотбе и сортированию семян»³⁰⁶.

По всей видимости, в каждом регионе Советского Союза дисциплину преподавали по-разному. Так, в Оренбургской и Челябинской областях соответствующий учебный предмет был введен в программу V–X классов³⁰⁷. В Тюмени основы техники и сельскохозяйственного производства преподавались только с VII класса, что было обусловлено нехваткой специалистов, под руководством которых школьники должны были заниматься. Можно предположить, что сокращению программы отчасти способствовали и климатические особенности региона: из-за короткого лета и суровых зим Тюменская область не была важным сельскохозяйственным регионом. К тому же, из-за частых административно-территориальных

---

³⁰⁶ Цит. по: Дорошева О. А. Сельскохозяйственное обучение школьников в годы Великой Отечественной войны // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2004. № 1. С. 119.

³⁰⁷ Подробнее см.: Дорошева О. А. Указ соч. С. 119.

перестроек 1930-х гг., когда районы переходили из одной области в другую, в регионе не имелось «единого и перспективного плана мероприятий по развитию земледелия и животноводства»³⁰⁸.

Предполагалось охватить обучением свыше 12 тыс. человек, из них 2 757 учащихся средних и высших учебных заведений и около 10 тыс. служащих. Важно, что и школьники, и учителя выступали в этой кампании единым коллективом. Так, в школе № 5, где занятия начались с 18 декабря 1941 г., учебой было охвачено 175 учеников VII–X классов и 30 педагогов³⁰⁹.

В тюменских школах занятия начались в ноябре 1941 г., на них отводилось 2 часа в неделю. На уроках ученики не только получали теоретические знания, но и приобретали практические навыки, необходимые для трудовой деятельности на сельскохозяйственных работах, пришкольных участках и индивидуальных огородах. В роли преподавателей выступали учителя химии, физики, биологии или работники сельского хозяйства, которые проводили занятия в формате лекции. По окончании теоретического курса учащиеся сдавали экзамены, после чего проходили двухнедельную практику на специально созданных площадках. Предполагалось, что после выпуска ученики VII–VIII классов смогут управлять простой сельскохозяйственной техникой, а IX–X классов – сложной³¹⁰. В частности, по итогам 1941/1942 учебного года 54 ученика IX–X классов Тюмени должны были овладеть профессией шофёра, 70 – комбайнёра, 340 – тракториста, а все учащиеся VII–VIII классов – научиться боронить, сеять, окучивать и пропалывать³¹¹.

При школе № 25 создавалась база для проведения практических занятий по сельскохозяйственным дисциплинам, призванная обслуживать все школы города. Одновременно в помещении гаража могли заниматься 35-40

---

³⁰⁸ Цит. по: Пуртова А. В. Сельское хозяйство Тюменской области (1946–1953 гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 16.

³⁰⁹ Готовить опытных помощников колхозам // Красное знамя. 1942. 27 января.

³¹⁰ Бей О. Н. Указ. соч. С. 217.

³¹¹ Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 416. Л. 41.

человек. Предполагалось, что ввиду ориентированности колхозов Тюменского района на зерновое хозяйство, школьники должны осваивать в первую очередь работу на зерноочистительных машинах, веялках, сортировках, триерах, включая ознакомление с их устройством, чтобы самим устранять возможные неполадки³¹².

Ученица IX класса школы № 21 В. Юрина сообщала в газетной заметке: «Я давно мечтала сесть за штурвал машины. Сейчас моя мечта сбылась. Весь наш класс изучает автомобильное дело. Теорию мы уже прошли, занимаемся практикой. Это очень интересно. Я с нетерпением жду того момента, когда впервые возьму как следует в руки штурвал машины. Весной нам, водителям машин, предстоит большая работа в колхозе, и мы с честью выполним свой долг перед родиной, поможем колхозникам в посевной»³¹³.

Но желаемых результатов достигнуть не удалось из-за недостаточной материально-технической базы образовательных учреждений. 23 января 1942 г. бюро горкома партии заслушало доклады о ходе обучения и выяснило, что во многих школах Тюмени уроки проводились от случая к случаю, а из 11 неполных средних школ района занятия проводились только в 4³¹⁴. По данной дисциплине не были изданы учебники, а также иллюстративный материал по различным темам. В качестве наглядных пособий школьникам приходилось использовать материалы рубрики «Краткосрочные курсы огородника», печатавшейся на страницах газеты «Пионерская правда»³¹⁵. Не хватало и сельскохозяйственной техники. Так, для прохождения практики на одной из площадок ученикам были выделены триер, культиватор, борона и 2 плуга³¹⁶. Для обучения предоставлялись

---

³¹² Михайлов А. В школах района // Красное знамя. 1942. 27 января.

³¹³ Юрина В. Буду водителем машины // Красное знамя. 1942. 23 апреля.

³¹⁴ По-большевистски организовать сельскохозяйственное образование // Красное знамя. 1942. 27 января.

³¹⁵ См., например: Краткосрочные курсы юных огородников // Пионерская правда. 1942. 18 марта; Краткосрочные курсы юных огородников // Пионерская правда. 1942. 1 апреля.

³¹⁶ Лагунов В. Я. Указ. соч. С. 103.

трактора устаревших моделей, представлявшие собой «археологическую ценность», снятые с производства и не обеспеченные запчастями³¹⁷. Со схожими трудностями столкнулись учащиеся и других тыловых регионов. Так, не всем челябинским и оренбургским школьникам хватало наглядных пособий по изучению сельскохозяйственных машин, а из-за того, что практические занятия проходили под открытым небом, заниматься зимой было невозможно³¹⁸.

Актуальной для тюменских школ оставалась проблема обеспечения квалифицированными кадрами. Так, в марте 1942 г. Тюменский горисполком назначил всего лишь четырёх специалистов (механика фанеркомбината, механиков Тобольского рыбтреста и старшего агронома совхоза), которые должны были учить старшеклассников управлять сельскохозяйственной техникой³¹⁹. Нередко занятия проводили учителя-предметники, которые не обладали необходимыми знаниями и навыками, а руководство колхозов и совхозов в условиях дефицита рабочей силы соответствующих специалистов не выделяло. В результате к весне 1942 г. не во всех школах города учащиеся приступили к изучению устройства комбайна, прекратились и занятия по автомобильному делу³²⁰. Практических часов было крайне мало. Так, по утверждённому графику двое механиков гаража Тобольского рыбтреста работали ежедневно с 14-00 до 16-00 часов дня, а старший агроном совхоза № 6³²¹ – с 7 до 11 часов утра³²². На деле же занятия проводились ещё реже, поскольку эти специалисты были сильно загружены на своей основной работе. К тому же, они не имели педагогического образования, а также опыта

---

³¹⁷ Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 416. Л. 41.

³¹⁸ Дорошева О. А. Указ. соч. С. 120.

³¹⁹ Протокол № 4 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся 19 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 446. Л. 65.

³²⁰ Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 416. Л. 41.

³²¹ График работы агронома совхоза № 6 и механика фанеркомбината не указаны в документе.

³²² Протокол № 4 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся 19 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 446. Л. 65.

работы с детьми и подростками. Всё это, несомненно, снижало эффективность практических занятий и качество полученных школьниками навыков.

Итоги преподавания дисциплины были подведены весной 1942 г. на XIX сессии Тюменского горсовета и на закрытом собрании первичной парторганизации Тюменского городского отдела образования. Выступающие отметили, что, невзирая на трудности, была достигнута главная цель, которая заключалась в овладении учащимися простой техникой. Так, во многих классах школы № 5 была зафиксирована 100 % успеваемость по таким предметам, как агротехника и тракторное дело³²³.

В последующие годы данная дисциплина была изъята из учебных планов, о чём свидетельствует отсутствие упоминаний о ней в документах горсовета и Тюменского горисполкома. Можно предположить, что отдельные сюжеты этой дисциплины учителя освещали на уроках биологии и географии. В отличие от Тюмени, во всех школах г. Омска (областной центр до августа 1944 г.) проводились занятия по данному предмету в течение всех военных лет, хоть и с определёнными трудностями³²⁴.

Фактически местная политика шла вразрез с принятыми на общесоюзном уровне нормативно-правовыми актами, однако санкций со стороны руководящих органов не последовало. По всей видимости, руководство Наркомпроса РСФСР было в курсе того, что из-за нехватки инвентаря и квалифицированных специалистов серьезно страдало качество полученного образования. Возможностей же за счёт местных материальных и людских ресурсов изменить текущее положение дел не было. Вполне вероятно, что свою роль в принятии подобных решений сыграл и климатический фактор, в частности, то, что Западная Сибирь не являлась важным сельскохозяйственным районом.

---

³²³ Протокол № 22 закрытого собрания первичной партийной организации Тюменского городского отдела народного образования от 9 марта 1942 г. // ГАСПИТО. Ф. П–3517. Оп. 1. Д. 6. Л. 101.

³²⁴ Подробнее см.: Носова М. С. Особенности детства... С. 59.

Большой интерес у школьников вызывали занятия по военному делу, которые были введены в программу старших классов средней школы после принятия 1 сентября 1939 г. Верховным Советом СССР закона «О всеобщей воинской обязанности». В ходе войны программа преподавания была лучше структурирована и расширена³²⁵. Учащиеся начальной школы проходили военно-физическую подготовку: выполняли строевые упражнения, задания на развитие силы и ловкости, играли в военные игры. На это в I–II классах отводилось по 1 часу в неделю, в III–IV классах – по 2 часа³²⁶.

Ученики V–VII классов по 3 часа в неделю занимались начальной военной подготовкой. На этих уроках они приобретали знания и навыки, необходимые бойцу-одиночке (строевая, огневая, тактическая, химическая подготовка). Учившаяся в пятом классе В.Н. Кубочкина вспоминала: «Маршировали мы тогда по улице с выстроганными из дерева “ружьями” и были уверены, что непременно скоро попадем на фронт»³²⁷.

В рамках допризывной военной подготовки ученики старших классов средней школы улучшали свои навыки одиночного бойца, а также осваивали приёмы, необходимые для успешных действий в составе группы. На это отводилось больше всего времени: в VIII–IX классах – 4 часа в неделю, а в X классах – 5 часов³²⁸. Учебный год заканчивался сдачей экзамена (переводного или выпускного), после чего ученики VIII–X классов выезжали на двухнедельные лагерные сборы. В итоге на военно-физкультурную подготовку учащихся I–X классов вместо 398 часов отводилось 850³²⁹.

---

³²⁵ См., например: Приказ наркома просвещения РСФСР «Об организации военно-допризывной подготовки учащихся 8–10-х классов средних школ» от 15 августа 1941 г.; Постановления СНК СССР «О военно-физической подготовке учащихся начальных и 1-х – 4-х классов неполных средних и средних школ» и «О начальной и допризывной военной подготовке учащихся 5-х – 10-х классов неполных средних и средних школ и техникумов» от 24 октября 1942 г.

³²⁶ Сборник руководящих материалов о школе. С. 57.

³²⁷ Когда бабушка была маленькой ... С. 20.

³²⁸ Там же. С. 62.

³²⁹ Черник С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны... С. 143.

Занятия проводили военные руководители или военные преподаватели. Первые выполняли не только преподавательские, но и административные функции. На эту должность назначались средние и старшие офицеры, уволенные в запас или вышедшие в отставку, преимущественно из участников Великой Отечественной войны. К работе военными преподавателями привлекались также старшины и старшие сержанты запаса, имевшие опыт командования и стаж действительной военной службы не менее трех лет³³⁰. Их функции нередко выполняли школьные учителя, окончившие курсы повышения квалификации или военруки. Однако квалифицированных кадров не хватало. Так, в 1942/1943 учебном году в Омской и некоторых других районах страны школы были обеспечены военными руководителями всего на 53–75 %³³¹.

Демобилизованные по состоянию здоровья фронтовики в подавляющем большинстве не имели педагогического образования, не умели найти подход к детям, не могли заинтересовать их, поэтому проводили занятия формально. Имела место и другая практика: военруки, участвовавшие в боевых действиях и осознававшие важность подготовки потенциальных красноармейцев, абсолютизировали свой предмет и превращали школу в «военный лагерь».

Подобная практика была осуждена в приказе наркома просвещения РСФСР В. П. Потемкина от 18 марта 1943 г. Различные «военные декадни», «фронтовые недели», сопровождавшиеся установлением караулов, выпуском информационных сводок, листовок, таблиц с указанием фамилий учеников и надписями, оскорблявшими их достоинство, были названы антипедагогическими. Равным образом критике подверглась применявшаяся в некоторых регионах система рапортов учащихся учителям перед началом уроков. Руководство наркомата полагало, что, рассчитанные на показной эффект, такие методы учебно-воспитательной работы подменяли

---

³³⁰ Сборник руководящих материалов о школе. С. 62–63.

³³¹ Черник С. А. Советская общеобразовательная школа... С. 143.

действительную дисциплину внешним подражанием военным порядкам, мешали планомерному ходу занятий. Отныне проведение школьных линеек, «военных декадников» и «фронтовых недель» запрещалось, а отдача рапортов дежурными допускалась только на занятиях по военному делу³³².

Для предупреждения «перегибов» проводились совещания военруков, организовывались краткосрочные курсы повышения их квалификации. Так, ещё в начале 1941 г. на базе Тюменского педагогического института по распоряжению Облвоенкома начались занятия для преподавателей военного дела по специальной 136-часовой программе. А. С. Могилёв, работавший военруком в Тюменском пединституте, был назначен начальником курсов³³³. Но, несмотря на принимаемые меры, уровень подготовки по-прежнему оставался невысоким. Так, 45 % из работавших в начальных школах военруков и преподавателей военного дела в конце 1943/1944 учебного года в РСФСР не имели вообще образования, в неполных средних – 19 % и в средних – 1 %³³⁴.

Военную подготовку школьники проходили в формате отдельного обучения, из-за чего они получали разный набор знаний и навыков. Мальчики осваивали учебную программу бойца, а девочки – медсестёр, телеграфисток и радисток. На совместных занятиях они собирали и разбирали винтовку, учились стрелять из неё, проходили противовоздушную и противохимическую подготовки. Поэтому, как вспоминала Л. Г. Дрозд, ученицы «с 5 класса разбирали автомат, знали, как перевязывать... какие химические вещества могут быть...»³³⁵.

В своей повседневной практике педагоги военного дела сталкивались с объективными трудностями (нехваткой инвентаря, отсутствием

---

³³² Приказ наркома просвещения РСФСР от 18 марта 1943 г. № 879 // ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 588. Л. 13.

³³³ Животова А. Н., Хажеева И. В. Социально-бытовая повседневность преподавателей и студентов Тюменского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2020. № 3. С. 67.

³³⁴ Потёмкин В. Ф. Статьи и речи по вопросам народного образования. С. 192.

³³⁵ Воспоминания Л. Г. Дрозд, 1937 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

оборудованных площадок), из-за чего были вынуждены ограничиваться «сухими» теоретическими лекциями. В качестве учебников и наглядных пособий учителя использовали материалы «Пионерской правды», содержащиеся, например, в рубриках «Военный словарик» или «Знаешь ли ты, что...». Читая их, школьники знакомились с военной тематикой и узнавали интересные факты, например: «Шёлковые и шерстяные нити после того, как они были растянуты, сжимаются до прежних размеров в течение 48 дней. Поэтому шёлковую тесьму для парашютов некоторое время держат растянутой на специальных станках, чтобы нарезать отрезки одинаковой длины»³³⁶.

Учащиеся проявляли значительный интерес к этой дисциплине, что подтверждается высокими показателями успеваемости. Например, по итогам 1941/1942 учебного года 22 из 37 учеников X класса средней школы № 25 получили оценку «хорошо», а 10 – «отлично»³³⁷. К сожалению, за последующие годы не сохранились классные журналы и ведомости. Однако можно предположить, что показатели успеваемости оставались на высоком уровне. Об этом косвенно свидетельствуют документы горно. Так, например, в 1943/1944 учебном году были зафиксированы удовлетворительные результаты по военной подготовке во всех школах Заречного района города Тюмени³³⁸.

Серьёзные изменения в учебной нагрузке по данной дисциплине произошли в 1946/1947 учебном году. По постановлению Совета Министров СССР³³⁹ в V–VII классах неполных средних и средних школ была отменена

---

³³⁶ Знаешь ли ты, что... // Пионерская правда. 1942. 24 января. См. также: Военный словарик пионера // Пионерская правда. 1941. 16 сентября; Знаешь ли ты, что // Пионерская правда. 1941. 20 сентября.

³³⁷ Подсчитано автором – см.: Сводная ведомость учёта успеваемости, поведения и посещаемости учеников 6 «Б» класса средней школы № 25 за 1941/1942 учебный год // ГАТО. Ф. 920. Оп. 2. Д. 7. Л. 84.

³³⁸ Протокол № 2 заседания II сессии Заречного районного Совета депутатов трудящихся от 23 июля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 488. Л. 10 об.

³³⁹ Постановление Совета Министров СССР «Об отмене военной подготовки учащихся юношей и девушек V–VII классов, девушек VIII–X классов и об изменении программ допризывной военной подготовки, учащихся VIII–X классов» от 13 августа 1946 г.

военная подготовка. Вместе с тем учащиеся должны были освоить программу физической подготовки (198 ч), занимаясь по 2 ч в неделю. Изъяли из учебной программы и военную подготовку у девушек, которые учились в VIII–X классах средних школ, оставив физическую подготовку в объёме 99 ч (на занятия отводили по одному часу в неделю). Для учащихся IX классов обучение завершалось поездкой на лагерный сбор на 20 дней во время летних каникул (17 учебных дней по 6 ч в день, всего 102 часа)³⁴⁰.

В 1942/1943 учебном году школьники стали учиться по довоенному учебному плану, в который были внесены некоторые изменения, в частности перераспределены часы по физике, математике, химии, иностранному языку, рисованию и черчению³⁴¹. В преподавание всех предметов и дисциплин учителя должны были включить сюжеты, связанные с военной тематикой, призванные способствовать росту патриотических настроений.

Важной новацией в системе школьного образования в 1943 г. стало введение отдельного обучения мальчиков и девочек в неполных средних и средних школах. Проект этой реформы обсуждался в Наркомпросе РСФСР ещё в довоенное время. В конце 1930-х гг. в советской педагогике укрепилась идея о пагубности длительного совместного времяпрепровождения мальчиков и девочек, поскольку это способствовало появлению ненужных «влечений».

Если ученики младших классов и среднего звена лишь интересовались тематикой отношений и с удовольствием читали чужие любовные записки³⁴², то старшеклассники уже проявляли знаки внимания к противоположному полу, у кого-то появлялась первая любовь. К таким отношениям между учащимися педагоги относились крайне негативно. По их мнению, дети и подростки в первую очередь должны были думать о получении образования, об участии в общественно-полезной работе, стремиться развиваться в спорте

---

³⁴⁰ Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. С. 184.

³⁴¹ Черник С. А. Советская общеобразовательная школа... С. 120.

³⁴² Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

или творчестве. Симпатии же и любовь отвлекали от первостепенных задач, сказываясь на эмоциональном состоянии учеников и тем самым препятствуя учебно-воспитательному процессу.

В связи с этим ещё в конце 1930-х гг. руководство Наркомата просвещения РСФСР стало разрабатывать план перехода на отдельный формат обучения, но с началом Великой Отечественной войны работа в данном направлении прекратилась. К этому вопросу вернулись только в 1943 г., когда ситуация на фронте стабилизировалась.

16 июля 1943 г. было принято постановление СНК СССР, а 23 июля 1943 г. – СНК РСФСР, согласно которым в неполных средних и средних школах страны вводилось отдельное обучение³⁴³. По инструкции Наркомпроса, каждая школа (мужская и женская) должна была размещаться в отдельном здании. Однако не в каждом городе (не говоря уже про посёлки и деревни) имелось необходимое количество зданий, мебели, учебников. Учитывая этот факт, руководство Наркомпроса решило ввести в первое время отдельное обучение только в тех населённых пунктах, «где работали не менее 4-6 неполных средних и средних школ»³⁴⁴. На должность директоров школ для мальчиков должны были назначаться мужчины, а для девочек – женщины, причём надлежало учитывать «особенности характера каждого претендента на директорскую должность»³⁴⁵.

В ряде тыловых регионов в военные годы имелись необходимые ресурсы, в связи с чем в неполных средних и средних школах городов

---

³⁴³ «О введении отдельного обучения мальчиков и девочек в 1943/1944 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов» // Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. С. 177.

³⁴⁴ Талина И. В. Образование как стратегия ментальной толерантности: генезис проблемы отдельного обучения в отечественной педагогической теории и практике // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 47.

³⁴⁵ Гончарова Г. Д. Период отдельного обучения в СССР (1943–1945 гг.) и его отражение в литературе и кинематографе. М., 2013. С. 7–8.

области мальчики и девочки стали учиться отдельно с 1943/1944 учебного года (как и предписывалось постановлением)³⁴⁶.

Исследовательница О. Н. Бей считает, что тюменские школы перешли на отдельное обучение в 1944/1945 учебном году³⁴⁷. В качестве доказательств она приводит архивные материалы³⁴⁸ и небольшую заметку в газете «Красное Знамя», датированную июлем 1944 г.: «В наступающем новом учебном году в нашем городе вводится отдельное обучение мальчиков и девочек. Обучение мальчиков будет производиться в школах №№ 4, 25 и 14; обучение девочек в школах №№ 2, 10, 4, 26, 21. В начальных школах обучение мальчиков и девочек будет производиться совместно»³⁴⁹. Однако мы не согласны с её позицией. В реалиях военного времени все условия для введения отдельного обучения нельзя было выполнить даже в крупных городах, обладавших большими материальными и людскими ресурсами, чем провинциальная Тюмень. Так, неоднократно сообщалось о бытовых трудностях при реализации отдельного обучения в московских школах, например, в мужской средней школе № 122, в которой училось 1500 человек, было всего 19 учебных помещений³⁵⁰. В Тюмени же во многих зданиях школ были размещены эвакуированные предприятия и военные госпитали, не хватало учебных пособий и педагогов. Из-за этого школы не перешли на отдельное обучение даже тогда, когда город стал столицей новой области. Местные власти не смогли обеспечить образовательные учреждения даже самым необходимым инвентарём (партами, стульями) за столь короткий промежуток времени (область была образована в августе 1944 г., занятия начинались с октября). В 1944/1945 учебном году мальчики и девочки по-прежнему учились вместе. Новый образовательный формат был

---

³⁴⁶ См., например: Коренюк В. М. Повседневная жизнь детей... С. 70.

³⁴⁷ Подробнее см.: Бей О. Н. Указ. соч. С. 214.

³⁴⁸ Нам не удалось найти архивное дело, на которое ссылается Бей О. Н.

³⁴⁹ Карнацевич В. Раздельное обучение в школах гор. Тюмени // Красное Знамя. 1944. 7 июля.

³⁵⁰ Гончарова Г. Д. Указ. соч. С. 7.

введен в Тюмени лишь в 1945/1946 учебном году, когда появились средства для реализации постановления.

Это событие прочно запечатлелось в памяти респондентов, что свидетельствует о важности его в жизни детей войны. Эмоции оно вызывало разные. Многие девочки отнеслись к этому положительно, поскольку в их классе мальчики регулярно нарушали дисциплину: «Мы говорили: “Как хорошо, что нет мальчишек-драчунов”», – вспоминала М. М. Логиновская³⁵¹. Другие же ученики восприняли нововведение, наоборот, негативно, поскольку дружили со своими одноклассниками, и поэтому стали больше проводить время с ними вне стен школы: «Мы же с первого класса дружили с мальчишками. И вдруг нас разделили. Всё равно мы же остались: ты, я, он, она»³⁵². С недовольством к нововведению отнеслись многие родители, поскольку, как указывает в своей статье С. А. Черник, «совместное обучение в нашей стране было уже обычаем, прочно вошедшим в быт»³⁵³. Можно предположить, что многие родители увидели в этом возврат к дореволюционному прошлому, когда мальчики и девочки учились отдельно.

В литературе не сложилось единого мнения относительно эффективности этого решения. Один из крупных советских исследователей, занимавшихся изучением политики Наркомпроса в годы Великой Отечественной войны, А. С. Черник отрицательно оценил введение отдельного обучения: «...как временная или вынужденная мера оно, возможно, и имело некоторый смысл, но только как исключение, не вступающее в противоречие с одним из основных принципов советской школы и системы советского народного образования... Однако вряд ли можно признать целесообразной сложнейшую перестройку не просто традиционной, а сложившейся в соответствии с известными принципами

---

³⁵¹ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

³⁵² Воспоминания Л. Г. Дрозд, 1937 г.р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

³⁵³ Черник С. А. Организация учебно-воспитательной работы школы... С. 66.

школьной сети, перераспределение контингентов учащихся, налаживание заново внутренней жизни школ и укомплектования их педагогическими кадрами»³⁵⁴.

Большинство современных исследователей также скептически относится к введению отдельного обучения. По словам Г. Д. Гончаровой, «смешанный класс представляет собой модель общества, где мальчикам и девочкам приходится общаться, договариваться, совместно принимать решения»; отдельное же обучение препятствовало социализации ребёнка, а представители противоположного пола начинали «восприниматься как инопланетяне»³⁵⁵. Другого мнения придерживается Е. Ю. Зубкова, которая полагает, что «как только этот мир стал запретным, он столь же закономерно стал ещё более привлекательным»³⁵⁶. На наш взгляд, для поколения «детей войны» (в частности тюменских школьников) проблема отсутствия опыта общения с противоположным полом была не столь актуальна. Многие из них уже успели получить важные коммуникативные навыки в предыдущие годы совместного обучения. К тому же, совместными оставались занятия в начальных классах, секции, кружки, помощь фронту, а самое главное – дворовое пространство.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны произошли серьёзные изменения в учебном процессе в тюменских школах. По всей стране школьное образование адаптировали под реалии военного времени. Это выразилось в изменении режима работы школ и распорядка занятий, учебных планов и программ, ужесточении дисциплины. За годы войны произошло сближение школы с реальной жизнью, что было достигнуто за счёт введения в учебные планы практико-ориентированных дисциплин, а также сюжетов, связанных с военной и производственной деятельностью.

---

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Гончарова Г. Д. Указ. соч. С. 8.

³⁵⁶ Цит. по: Кореньюк В. М. Детская игровая повседневность 1940–1950-х гг. (на материалах Молотовской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2 (69). С. 81.

Во многом учебный процесс в тюменских школах не отличался от политики всеобуча в других тыловых регионах Советского Союза. Особенности были обусловлены недостаточной материально-технической базой школ города, невысокой квалификацией преподавателей, что накладывало отпечаток на проводимые преобразования, в частности, снижало эффективность занятий по военной подготовке и основам техники и сельскохозяйственного производства. Более того, из-за отсутствия специалистов в тюменских школах сельхозобразование поначалу получали только учащиеся VII–X классов, а вскоре дисциплина была вовсе изъята из учебной программы.

Нехватка помещений, а также необходимых школьных принадлежностей помешали руководству города ввести в школах отдельное обучение. Несмотря на принятое в 1943 г. постановление СНК РСФСР, тюменские школьники, в отличие от многих своих сверстников из других тыловых городов (областных центров), перешли на новый формат учёбы только в послевоенное время.

2.2. Материально-бытовые условия учебного процесса в школах Тюмени в годы Великой Отечественной войны

Начало Великой Отечественной войны повлекло за собой сокращение государством финансирования народного образования. В ходе эвакуации в Тюмень прибывали заводы, фабрики и военные госпитали, под которые отводились объекты городской инфраструктуры. Так, в помещениях 7 из 26 школ были размещены военные госпитали³⁵⁷, в ряде других – эвакуированные учреждения. К февралю 1942 г. количество школ

---

³⁵⁷Ланчук О. В. Указ. соч. С. 76.

сократилось до 16: 4 средних, 3 неполных средних и 9 начальных³⁵⁸. В 1942/1943 учебном году их стало 17, поскольку решением Тюменского горисполкома в одной школе возобновились занятия³⁵⁹. Не были возвращены школам их здания и после издания распоряжения СНК СССР от 30 июля 1942 г., согласно которому к 20 августа того же года следовало освободить все здания школ, кроме занятых госпиталями и эвакуированными предприятиями³⁶⁰.

Только после принятия постановления СНК СССР от 5 марта 1944 г. «О порядке возвращения школьных зданий, используемых не по назначению»³⁶¹ количество школ в Тюмени увеличилось до 22³⁶². Однако многие помещения образовательным учреждениям удалось вернуть лишь в послевоенное время. Строительством же новых учебных корпусов местные власти не занимались из-за отсутствия материальных и людских ресурсов. Фактически, руководство Тюмени снова не выполнило задачу, поставленную центром, из-за дефицитности бюджета города. Но наказания со стороны Москвы, по всей видимости, не последовало. Возможно, отчасти это объяснялось тем, что и в других тыловых регионах ситуация была схожа с Тюменью. В своей диссертации, посвящённой повседневной жизни тамбовской молодёжи в годы Великой Отечественной войны, А.И. Назаров указал на то, что здания многих школ стали освобождать от госпиталей и эвакуированных учреждений только с 1944 г., по мере «удаления линии фронта», когда значение области как важного центра размещения эвакуированных начало постепенно снижаться³⁶³.

---

³⁵⁸ Подсчитано автором: Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 416. Л. 34–35.

³⁵⁹ Выписка из протокола № 20 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 7 мая 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423. Л. 71.

³⁶⁰ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. С. 111.

³⁶¹ Подробнее см.: Там же. С. 313.

³⁶² График ремонта школ // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 500. Л. 96–96 об.

³⁶³ Назаров А. И. Указ. соч. С. 158.

Тюменские школы не были рассчитаны на увеличение ученических контингентов, даже с учётом большого числа трудоустроившихся и не посещавших занятия. В сложившихся обстоятельствах учебные заведения Тюмени стали работать в три смены. В другом тыловом городе – Молотове (Перми), где население увеличилось в полтора раза за счет эвакуированных, также вводились трехсменные занятия, но при этом сеть учебных учреждений была не сокращена, а расширена на десять единиц: с 62 до 72 школ³⁶⁴.

Занимались учащиеся в помещениях, состояние которых не соответствовало принятым санитарным нормам, поскольку в течение всей войны в них не проводился капитальный ремонт³⁶⁵. Например, в трех из восьми школ Заречного района в 1944/1945 учебном году протекали крыши, вследствие чего на стенах появилась плесень³⁶⁶. Текущий ремонт, согласно решению горисполкома от 7 мая 1942 г., должен был осуществляться силами работников школы и учеников³⁶⁷. В каникулярное время дети и подростки вместе с учителями белили стены, чинили школьное имущество (парты, стулья), вставляли стёкла в окна.

Перед началом 1945/1946 учебного года была проведена проверка, по итогам которой был составлен детальный отчёт о состоянии школ. Практически каждой из них требовался капитальный ремонт. Но за неимением средств в большинстве из них ограничились починкой

---

³⁶⁴ Коренюк В. М. Повседневная жизнь детей... С. 70.

³⁶⁵ По имеющимся данным, ученики тех школ, в зданиях которых были размещены военные госпитали и эвакуированные предприятия, занимались в учебных помещениях других школ. В других тыловых городах, например, в Мичуринске, учебные заведения «переселялись» в аэроклубы, жилищные управления, административные здания ряда промышленных предприятий, общежития различных учреждений. Та же картина наблюдалась в Тамбове, Рассказово, Кирсанове. См.: Назаров А. И. Указ. соч. С. 156.

³⁶⁶ Протокол № 2 заседания II сессии Заречного районного Совета депутатов трудящихся от 23 июля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 488. Л. 10, 12.

³⁶⁷ Выписка из протокола № 20 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 7 мая 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423. Л. 71.

отопительных систем, крыши, проведением побелочных и штукатурных работ, обновлением мебели³⁶⁸.

Тяжелее всего ученикам приходилось заниматься с наступлением холодов. Из-за перебоев с электричеством, а также введения ограничения на энергопотребление ученики 2-й и 3-й смены занимались при свете самодельных коптилок. Для обогрева помещений в школах использовались печи, но городские коммунальные службы не могли всецело обеспечить их топливом. Так, к 23 сентября 1941 г. только 3 школы были полностью снабжены дровами на отопительный сезон³⁶⁹. К 20 августа 1942 г. было заготовлено 70 % из запланированного объема дров,³⁷⁰ а перед началом 1943/1944 учебного года только 68 %³⁷¹.

Особенно тяжело обстояли дела с доставкой топлива. В связи с отсутствием транспорта и нехваткой работников к 20 августа 1942 г. план гортопа по вывозке дров для школ был выполнен на 40 %³⁷², к 12 августа 1943 г. только на 13 %³⁷³. В этих условиях учащимся приходилось самостоятельно заниматься решением проблемы, причем в работе посильное участие принимали все возрастные группы школьников. И. Г. Шаршина вспоминала: «Нам хотелось играть. Но мы часто выполняли тяжелую работу, под силу взрослым... Мы, как младшие школьники, не рубили деревья, а

---

³⁶⁸ Подробнее см.: График ремонта школ // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 500. Л. 96–96 об.

³⁶⁹ Подсчитано автором – см.: Сведения о вывозке топлива по школам на 23.09.1941 г. от Заведующей Тюменским городским отделом народного образования А. Кайдаловой // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 426. Л. 88.

³⁷⁰ Выписка из протокола № 18 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 20 августа 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423. Л. 500.

³⁷¹ Подсчитано автором – см.: Протокол № 16 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 12 августа 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 231.

³⁷² Подсчитано автором – см.: Выписка из протокола № 18 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 20 августа 1942 // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423. Л. 500.

³⁷³ Подсчитано автором – см.: Протокол № 16 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 12 августа 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 231.

собирали сушняк в кучи. Рубили старшеклассники или взрослые³⁷⁴. После уроков они под руководством учителей отправлялись за дровами: «Осенью ходили за несколько километров в лес: там отводили так называемую делянку, мальчики с учителями-мужчинами валили деревья, а мы, девочки, пилили стволы на дрова»³⁷⁵, – вспоминала О. Борщевская. Спеленные деревья складировались и силами самих же учеников доставлялись к школе. Один из участников этого мероприятия так описывал происходящее: «Почти каждую неделю мы отправлялись с огромными санями на лесосклады, расположенные в 3–4 км. Мы тащили туда сначала пустые сани, а оттуда уже гружённые... А когда привозили, ребята постарше сразу начинали пилить, и школа отапливалась»³⁷⁶. По словам В. П. Лазаревой, для военной и послевоенной Затюменки (одного из районов города) была характерна такая картина: «Школьники, запряжённые в сани, везли чурки из Плеханово, чтобы дежурный класс “покормил” школьные печи»³⁷⁷. В «упряжках» таких «санных поездов» насчитывалось обычно не менее десяти детей³⁷⁸.

Школьники были призваны заменить работников, которые ушли на фронт, однако к некоторым видам труда они оказались не готовы: «В моей памяти остался один из весенних воскресных дней, когда я с ребятами своего класса была отправлена на заготовку дров в Плехановскую рощу. В моём классе было много эвакуированных детей. Они ни разу в жизни не держали в руках топор и пилу. Мне, выросшей в деревне, пришлось в этот день учить их пилить и рубить лес, валить деревья. И когда дерево падало не в ту сторону, у меня холодело внутри, ведь в любую минуту оно могло убить моих учеников. Итог всему этому – моя ранняя седина»³⁷⁹, – вспоминала одна из учительниц школы № 25. Случались и травмы, о чём упоминал

---

³⁷⁴ Когда бабушка была маленькой... С. 33.

³⁷⁵ Иванова Л. В. Указ. соч. С. 16

³⁷⁶ Воспоминания Л. Г. Дрозд, 1937 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

³⁷⁷ Когда бабушка была маленькой. С. 24.

³⁷⁸ Иванова Л. В. История тюменской школы № 25... С. 16.

³⁷⁹ Цит. по: Иванова Л. В. Указ. соч. С. 16.

А. К. Щекотов: «Вадим Монокин (*одноклассник*. – Д. В.) срубал сучки да как шибанёт по колену топором – кровь полилась, кожа побелела...»³⁸⁰. В некоторых классах ученики приносили по очереди дрова из дома или собирали ветки и хворост по пути в школу, о чём вспоминала М. М. Логиновская³⁸¹.

В холодное время года школьники могли погреть руки возле печи, однако температура в помещениях не поднималась до необходимого уровня, поэтому на уроках они обычно сидели, не снимая тёплой одежды. Те же, у кого не было её, нередко вынуждены были пропускать занятия.

Впрочем, бывало, что отсутствие отопления в холода оборачивалось неожиданной радостью – отменой занятий – для всех школьников, о чем писал, например, в своей автобиографической повести В. П. Крапивин: «На прошлой неделе жилось гораздо легче – в школе кончились дрова, холод в классах стоял такой, что однажды в моей непроливашке застыли чернила. Ни писать упражнения, ни решать задачки в тетрадях было невозможно. Сидели мы в пальто и шарфах... И случалось, что отпускали нас с уроков пораньше»³⁸².

Формат уроков и домашних заданий предполагал активное использование учащимися учебников и наглядных пособий. Сокращение же выпуска этих товаров привело к их нехватке в школах. По данным Наркомата просвещения РСФСР, перед началом 1941/1942 учебного года школы получили только 40–50 % новых учебников из намеченного плана, а также закупили 94 % подержанных учебников по линии КОГИЗа и 76,3 % – по линии кооперации. Полученное количество учебных пособий не могло удовлетворить потребности всех учащихся. Особенно сильно ощущалась

---

³⁸⁰ Когда бабушка была маленькой. С. 15.

³⁸¹ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

³⁸² Крапивин В. П. Славка с улицы Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/> (дата обращения: 17.09.2022). Писатель пошел в первый класс тюменской школы № 10 уже по окончании войны – осенью 1945 г., но нет сомнений, что подобные чувства радости от вынужденного перерыва «в серой тягомотине школьных недель» испытывали и ученики военной поры.

нехватка букварей и книг для чтения в I и II классах, учебников по истории для V–VII и VIII–X классов, по литературе для V и X классов³⁸³. В Омске в первый военный год школы были обеспечены учебниками на 56 %, а букварями – на 25 %³⁸⁴. Но даже в этих условиях школьники старались выполнять обязательства перед Родиной – вносить свой вклад в достижение победы. Так, в начале апреля 1942 г. ученики школы № 25 выступили с призывом к учащимся города сдать учебники, чтобы деньги пошли на «строительство новых танков и самолетов»³⁸⁵.

Центральные и местные органы власти и управления ежегодно проводили кампании по сдаче старых учебных и наглядных пособий. Например, согласно инструкции Наркомпроса, Наркомфина и ОГИЗа от 30 июня 1942 г., директора школ под личную ответственность были обязаны обеспечить полную сохранность всех имевшихся на руках школьников учебников и в пределах каждой школы организовать их сбор через специальные киоски и уполномоченных книготорговых организаций за установленную плату. Директора обязывались также проводить соответствующую разъяснительную работу по классам³⁸⁶.

Призывы звучали и со страниц газеты «Пионерская правда»: «В школе, в магазине висят объявления: “Сдавайте старые учебники”. Каждый день мимо проходят ребята, читают их. Но не все приносят книги. И старые учебники остаются у тебя, у твоего товарища, у пяти учеников твоего класса, у трёхсот ребят из твоего города...Целая гора учебников, тысячи книг, по которым могли быть учиться другие школьники. Лежат эти книги без всякой пользы. И каждый год вместо них приходится выпускать миллионы новых учебников»³⁸⁷.

---

³⁸³ Культурное строительство в РСФСР. Т. 3. С. 23.

³⁸⁴ Носова М. С. Особенности детства... С 59.

³⁸⁵ Об учебниках // Красное знамя. 1942. 5 апреля.

³⁸⁶ Циркуляр наркомом просвещения АССР, заведующим краевыми и областными отделами народного образования от 26 января 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 588. Л. 7.

³⁸⁷ Сдай старые учебники: они нужны другому! // Пионерская правда. 1942. 29 июля.

Несмотря на подобную агитацию, к концу войны проблема оставалась актуальной. Так, в 1944/1945 учебном году в школах Заречного района города Тюмени на 75 учащихся II классов имелось 15 книг для чтения и 16 сборников задач. Во всех школах не хватало учебников по русскому языку, истории, географии. Меньше всего были обеспечены ученики V–X классов³⁸⁸. В старшем звене средней школы приходилось на класс по 2–3 учебника по таким предметам как география, литература, математика³⁸⁹. Ещё хуже обстояли дела с наличием наглядных пособий. В 1944/1945 учебном году исторические карты в школах № 2 и № 5 отсутствовали полностью, в остальных имелись по 1–2 карты³⁹⁰. Не снизилась острота проблемы и в первые послевоенные годы. Имевшиеся учебники, как правило, дети получали от старших братьев и сестёр либо от друзей.

В этих условиях школьникам приходилось поочередно пользоваться учебниками, чтобы выполнить домашнее задание или законспектировать материал урока. Нередко они оставались после уроков, чтобы вместе повторить пройденное или же ходили к друг другу в гости. Это было не так сложно, поскольку, как правило, одноклассники проживали в одном дворе или районе. Сложнее было эвакуированным, которым требовалось время для того, чтобы адаптироваться к своим новым одноклассникам, школе, городу.

Письменных принадлежностей и тетрадей также не хватало. В 1941/1942 учебном году на каждого ученика приходилось по 7–8 тетрадей в год³⁹¹, в 1942/1943 учебном году – по 2,5 тетради, 1,5 карандаша и 1 перу³⁹², а в 1944/1945 – по 6 тетрадей³⁹³. Писали на газетах, книгах, обрывках бумаги,

---

³⁸⁸ Протокол № 2 заседания II сессии Заречного районного Совета депутатов трудящихся от 23 июля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 488. Л. 10.

³⁸⁹ Отчёт Тюменского областного отдела народного образования о работе школ за 1944/1945 учебный год // ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 об.

³⁹⁰ Докладная записка об итогах учебного года по школам г. Тюмени. 7 июля 1945. // ГАСПИТО. Ф. П–124. Оп. 1. Д. 61. Л. 36.

³⁹¹ Культурное строительство в РСФСР. Т. 3. С. 23.

³⁹² Михайлова Л. П. Указ. соч. С. 75.

³⁹³ Отчёт об итогах работы школ Тюменской области в 1944/1945 учебном году. 25 июля 1945 г. // ГАСПИТО. Ф. П–124. Оп. 1. Д. 59. Л. 58.

используя (как и в довоенное время) деревянные ручки с пёрышками, обмакивая их в чернила, которые замерзали при низкой температуре. Нехватку тетрадей школьники компенсировали подручными материалами, например, сшивая листы газет, книг, журналов и разрезая их по нужному размеру³⁹⁴. Т. В. Дмитриенко вспоминала, что «они писали на обоях... и даже контрольные задания из гороно приходили на газетной бумаге»³⁹⁵. В. П. Крапивин посвятил одному из дефицитных предметов школьной повседневности – чернильнице, полученной в подарок – целую повесть: «...я обращался с непроливашкой аккуратно, и она вела себя как подобает. Мама сшила для нее сатиновый мешочек со шнурком. Я носил чернилку в школу, привязав мешочек шнурком к ручке обшарпанного портфеля»³⁹⁶.

После окончания урока школьники отправлялись на перемену, во время которой часто играли в подвижные игры. Как вспоминала И. Г. Шаршина, для младшеклассников обычно это были «Цепи кованы» и «А мы просо сеяли»³⁹⁷. Первая из них заключалась в том, чтобы один человек, разбежавшись, смог разнять руки крепко сцепившихся одноклассников, а во второй – две шеренги учеников поочередно наступали друг на друга. Обе из них являлись старинными народными играми, известными по всей России.

В Тюмени же дети, чтобы согреться в стужу, придумали игру «Я – мячик»: «Играли на переменах вдвоем. Один, сидя на корточках, подпрыгивал, как мячик, а другой, положив руку на его голову, считал, сколько раз подпрыгнет его товарищ. Так прыгал “мячик”, пока не упадет или не откажется прыгать. Затем игроки менялись местами. Кто прыгнет большее число раз – тот победитель. Иногда даже устраивали соревнования между победителями разных пар»³⁹⁸.

---

³⁹⁴ Когда бабушка была маленькой. С. 32.

³⁹⁵ Воспоминания Т. В. Дмитриенко, 1935 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

³⁹⁶ Крапивин В. П. Славка с улицы Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/> (дата обращения: 17.09.2022)

³⁹⁷ Когда бабушка была маленькая... С. 33.

³⁹⁸ Там же.

На большой перемене детей кормили в школьных столовых, состояние которых нередко не соответствовало санитарным нормам: во многих из них были грязь и мусор, отсутствовали умывальники и мыло, в результате чего дети садились за стол с грязными руками. В докладной записке директору Центрального научно-исследовательского педиатрического института Наркомата здравоохранения РСФСР, датируемой весной 1942 г., отмечалось отсутствие в школах нормальной питьевой воды, из-за чего дети пользовались водопроводной водой из крана³⁹⁹. Из-за недостатка помещений ученики нередко вынуждены были обедать в коридорах, в кабинетах и на лестницах⁴⁰⁰.

Организацию питания в тюменских школах военной поры нельзя назвать удовлетворительной. Регулярно случались перебои с поставками продуктов из-за нехватки транспорта, посуды для перевозки и хранения. По этим причинам, например, в сентябре 1941 г. в 6 из 15 школ ученики не получали горячих завтраков⁴⁰¹. 12 марта 1942 г. на 1200 учеников школы № 21 было выдано только 100 порций, а 13 марта этого же года в школе № 25 порции получили лишь 80 человек⁴⁰². Всего же в январе 1942 г. для 11500 учеников было произведено 173 130 горячих завтраков, а за первую неделю февраля 60 665 штук. Однако в январе в школы доставили только 83 279 (48 %) блюд, а в феврале 20 295 (36 %). При этом ученики получили только 447 (24 %) порций холодных закусок⁴⁰³.

---

³⁹⁹ Докладная записка старшего научного сотрудника, кандидата медицинских наук Гримберг на имя директора Центрального научно-исследовательского педиатрического института Наркомздрава РСФСР по поводу проверки состояния школьного питания. Март 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423. Л. 155.

⁴⁰⁰ Протокол № 21 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 11 сентября 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419. Л. 373.

⁴⁰¹ Там же. Л. 375.

⁴⁰² Докладная записка старшего научного сотрудника, кандидата медицинских наук Гримберг на имя директора Центрального научно-исследовательского педиатрического института Наркомздрава РСФСР по поводу проверки состояния школьного питания. Март 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423. Л. 154.

⁴⁰³ Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 416. С. 50.

В марте 1942 г. народный суд вынес приговор директору школьного цеха Тюменского торгового центра Ивановой, бригадиру поваров Шаниной, заведующей производством Жеряковой и ряду других работников, которые систематически занимались хищением муки, сахара, масла, конфет и других продуктов, предназначенными детям. Как сообщалось в газете, они превратили «школьный цех в грязную лавочку», за обувь, мануфактуру, денатурат щедро расплачиваясь продовольствием. Приговором суда они были осуждены на различные (от 2 до 4 лет) сроки лишения свободы⁴⁰⁴.

Стандартное меню школьной столовой включало в себя несколько основных блюд, но из-за постоянных перебоев с поставками продовольствия, на стол выставляли то, что было. Обед Л. М. Крупкиной, как правило, состоял из пустого «супа» (в основе которого была мука, разведенная водой), мороженого турнепса⁴⁰⁵. По словам В. Н. Кубочкиной⁴⁰⁶ и Т. В. Дмитриенко,⁴⁰⁷ им выдавали в день только по 50 г хлеба с разными добавками. Как отмечала Л. Д. Прокофьева, её класс иногда кормили ухой из сельдочки и сельдочкой на второе или лапшой из чёрной муки, к которым прилагалось 200 г чёрного хлеба. Дополнительно выдавали пончики, которые были «маленькими, черными и очень твёрдыми, поэтому ими можно было глаз вышибить»⁴⁰⁸. Значительно реже в столовой бывали молочные изделия (1–2 раза в месяц) и лишь изредка – горячие блюда. Полученную еду школьники запивали чаем с сахарином, который не имел никакой питательной ценности. Некачественными были и основные блюда: суп часто бывал водянистым, без жиров, с малым количеством овощей, ватрушки –

---

⁴⁰⁴ Двунюгие хищники // Красное знамя. 1942. 13 марта.

⁴⁰⁵ Крупкина Л. М. Указ. соч. С. 118.

⁴⁰⁶ Когда бабушка была маленькой. С. 19.

⁴⁰⁷ Воспоминания Т. В. Дмитриенко, 1935 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

⁴⁰⁸ Воспоминания Л. П. Прокофьевой, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

недопечённые, кисловатые⁴⁰⁹. Но и эту скудную пищу в случае отсутствия кого-либо из учеников одноклассники с радостью делили между собой.

Таким образом, вследствие множества причин, вызванных реалиями военного времени, учебный процесс в школах Тюмени протекал с большими трудностями: неотрмонтированные, неотапливаемые здания, антисанитария, переполненные классы, нехватка учебников, пособий, тетрадей и письменных принадлежностей.

В столь тяжёлых условиях членам школьного коллектива (как учителям, так и ученикам) приходилось адаптироваться, чтобы учебный процесс был эффективным. Местные власти принимали меры, направленные на улучшение материально-технической базы школ, мобилизуя имевшиеся материальные и людские ресурсы. Подобным образом действовали и руководители других тыловых регионов, пытаясь решить насущные проблемы. Несмотря на проводимую политику, руководству Тюмени не удалось полностью обеспечить школьников всем необходимым. Ситуация продолжала оставаться напряжённой не только в изучаемый период, но и в послевоенное время. Во многом решение проблем возлагалось на школьные коллективы: в условиях острой нехватки материальных ресурсов местные органы власти и управления часто не могли выделить дополнительные средства. Из-за этого ученикам, учителям и руководству школ приходилось самостоятельно искать пути решения насущных проблем.

Материально-бытовые условия в тюменских школах были схожи с ситуацией в других тыловых провинциальных городах Советского Союза. Но в то же время существовали и свои особенности, обусловленные притоком эвакуированных (детей и подростков, предприятий и учреждений), обострившим дефицит канцелярских и письменных принадлежностей,

---

⁴⁰⁹ Докладная записка старшего научного сотрудника, кандидата медицинских наук Гримберг на имя директора Центрального научно-исследовательского педиатрического института Наркомздрава РСФСР по поводу проверки состояния школьного питания. Март 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423. Л. 154.

учебников и наглядных пособий, а также климатическими условиями сибирского региона.

2.3. Школьный коллектив в годы Великой Отечественной войны

Реализация политики всеобуча приводила к тому, что в течение дня большое количество времени ребёнок проводил в составе школьного коллектива, членами которого являлись не только его сверстники, но также и учителя.

Опираясь на данные отчётов Тюменского горисполкома в довоенные годы, можно утверждать, что большинство тюменских школьников положительно относилось к процессу обучения. Об этом свидетельствуют показатели успеваемости: за первое полугодие 1938/1939 учебного года – 64,9 %⁴¹⁰, за первое полугодие 1939/1940 – 70,1 %⁴¹¹, а за весь 1940/1941 учебный год – 80 %⁴¹². Вместе с тем работники проверяющих органов неоднократно отмечали, что качество знаний учащихся, особенно по русскому и иностранным языкам, алгебре и геометрии было ниже установленных требований.

Во многих школах города не хватало учителей. Так, накануне 1940/1941 учебного года необходимо было укомплектовать штат работников школ 2 историками, 2 физиками, 3 преподавателями иностранного языка, а также 15 учителями начальных классов⁴¹³. Не все состоявшие в штате преподаватели обладали соответствующей квалификацией, например, в

---

⁴¹⁰ Подсчитано автором – см.: Отчёт о работе Тюменского горкома ВКП(б) за период с июня 1938 года по февраль 1939 года. 20 января 1939 г. // ГАСПИТО. П-7. Оп. 1. Д. 509. Л. 55.

⁴¹¹ Отчётный доклад о работе Тюменского ГК ВКП(б) на IX–X городской партконференции. 27 марта 1940 г. // ГАСПИТО. П-7. Оп. 1. Д. 530. Л. 48.

⁴¹² Хорошо подготовиться к новому учебному году // Красное знамя. 1941. 11 июля.

⁴¹³ Протокол заседания V сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся 8 июля 1940 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 396. Л. 17.

1939/1940 учебном году из 383 учителей только 25 % имели законченное высшее образование⁴¹⁴, поэтому у старших классов средней школы занятия по некоторым предметам вели учителя, окончившие только педагогическое училище или учительский институт⁴¹⁵.

С началом Великой Отечественной войны в преподавательском составе произошли серьёзные изменения. Связано это было, прежде всего, с мобилизацией в армию учителей (мужчин). С другой стороны, приток эвакуированных, среди которых были и соответствующие специалисты, позволил Городскому отделу народного образования частично компенсировать нехватку педагогов. Свою положительную роль сыграли ускоренные выпуски пединститутов и курсов⁴¹⁶. Согласно справке Наркомпроса РСФСР, именно это позволило полностью укомплектовать школы Омской области педагогическими кадрами⁴¹⁷. Так, по имеющимся данным, за годы войны Тюменский педагогический институт выпустил 400 специалистов (в том числе школьных преподавателей) для нужд города и области⁴¹⁸.

Тем не менее, в течение всей войны в тюменских школах ощущалась нехватка учителей-предметников. Так, занятия по истории вели 14 учителей, из которых 7 преподавали и другие учебные дисциплины⁴¹⁹.

По-прежнему актуальной оставалась проблема невысокого уровня подготовки учителей, у многих из которых не было высшего образования. Повысить квалификацию они могли на специально организованных курсах: для учителей начальных классов – продолжительностью 7 месяцев, а для

---

⁴¹⁴ Подсчитано автором – по: Протокол заседания V сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся 8 июля 1940 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 396. Л. 7.

⁴¹⁵ Окончание педагогического училища позволяло вести занятия у начальных классов, а окончание учительского института – у учащихся V–VII классов. Подробнее см.: Алмаев Р. З. Обеспечение кадрами советских школ Южного Урала в послевоенный период (1945 – 1956 гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 4. С. 919–920.

⁴¹⁶ В Тюмени в 1930 г. был основан Педагогический институт, на базе которого в 1973 г. был создан Тюменский государственный университет.

⁴¹⁷ Культурное строительство. Т. 3. С. 22.

⁴¹⁸ Животова А. Н., Хажеева И. В. Указ. соч. С. 67.

⁴¹⁹ Бей О. Н. Указ. соч. С. 218.

учителей V–VII классов – 8 месяцев⁴²⁰. От уровня квалификации учителя напрямую зависело качество процесса обучения. Благодаря своим знаниям и навыкам он мог заинтересовать ребёнка учёбой, «заставить» полюбить учиться, разнообразить процесс получения новых знаний и навыков, продемонстрировать важность и значимость образования.

Еще до войны серьезной проблемой для сотрудников тюменских школ и руководства гороно (как и для их коллег из других регионов страны) стала невозможность практической реализации указаний о всеобщем обучении. В течение учебного года многие ученики прекращали посещать школу в силу различных причин. Заведующим Тюменским гороно на заседании V сессии городского Совета депутатов трудящихся 8 июля 1940 г. была предложена следующая классификация пропусков уроков: «уважительными» причинами считались отъезд учащихся, исключение из школы, арест и смерть; «условно-уважительными» – переход в другие учебные заведения (например, школы ФЗО), трудоустройство, болезнь; «неуважительными» – отсутствие одежды и обуви⁴²¹. К концу 1939/1940 учебного года перестали учиться 1403 ребёнка, в том числе 553 – по «уважительным причинам», 686 – по «условно-уважительным», 164 – по «неуважительным»⁴²². С такими проблемами сталкивались школы в провинциальных городах и сельской местности по всей стране. Так, в своей диссертации А. И. Назаров отмечает, что «для абсолютного большинства молодых жителей Тамбовской области, впрочем, как и других таких же типично аграрных регионов страны, максимально возможной степенью доступа к образовательным ресурсам было получение неполного среднего образования...»⁴²³.

---

⁴²⁰ Цит. по: Там же. С. 212–213.

⁴²¹ Протокол заседания V сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 8 июля 1940 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 396. Л. 4. По нашему мнению, к последней категории на практике относились также запрет посещать школу со стороны некоторых родителей или же отсутствие надзора за ребенком.

⁴²² Протокол заседания V сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся 8 июля 1940 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 396. Л. 3, 4.

⁴²³ Назаров А. И. Указ. соч. С. 153.

Негативно на учебный процесс влияла низкая дисциплина учащихся. Распространёнными нарушениями были опоздания, прогулы, срыв занятий, драки между учениками, оскорбления, а редкими – мелкие кражи и порча имущества. Проступки учеников свидетельствовали об отсутствии необходимого контроля над ними со стороны школы и объяснялись психофизиологическими особенностями детей и подростков. Местные власти и работники школ определяли подобные поступки как примеры отклоняющегося поведения и стремились принимать профилактические меры, которые не всегда приводили к положительным результатам. С целью борьбы с нарушениями внутреннего распорядка руководители учебных учреждений проводили беседы с родителями и детьми, взыскивали денежную компенсацию за нанесённый ущерб, делали замечание, объявляли выговор и строгий выговор. За более серьёзные нарушения учащегося могли отстранить от занятий на определённое время, отчислить из школы, а пионеров и комсомольцев – исключить из этих организаций.

Из-за войны многие школьники не могли посещать школу регулярно. Во многих семьях не хватало одежды или обуви на всех детей (особенно это касалось эвакуированных), из-за чего на занятия ходили по очереди. С наступлением холодов количество прогулов увеличивалось, поскольку ученики не могли выйти на улицу иногда в течение нескольких дней. У некоторых подростков просто не хватало времени на учёбу, поскольку из-за занятости родителей решение многих бытовых проблем легло на их плечи. Как правило, если они пропускали много дней в учебном году, то их оставляли на второй год. Многие подростки были мобилизованы в школы ФЗО, ремесленные училища, железнодорожные школы или на различные профессионально-технические курсы. Так, в течение 1941/1942 учебного года 7 из 42 учеников VI класса (в том числе 4 девочки) средней школы № 25

перешли в школы ФЗО⁴²⁴. В других школах картина происходящего была весьма схожа. Ситуацию также дестабилизировала эвакуация населения, в результате чего к концу первого полугодия 1941/1942 учебного года состав старших классов сменился больше чем на 50–60 %⁴²⁵. Кроме того, учеников могли призвать в армию. Прежде всего, это касалось старшеклассников: согласно принятым постановлениям на воинскую службу в 1941–1945 гг. были призваны юноши, в том числе и родившиеся в 1923–1927 гг.⁴²⁶

В условиях ухудшения материального положения семей многим тюменским подросткам нередко приходилось выбирать: продолжить обучение в школе или трудоустроиться, как правило, на низкоквалифицированную работу. В большинстве случаев главную роль в принятии ими окончательного решения играли взрослые (родители или учителя). Так, брат А. И. Петуховой хотел бросить учёбу и после слов матери: «Не учишься – тогда иди работать!»⁴²⁷, – устроился в швейную мастерскую. Н. А. Долгих, напротив, классный руководитель убедил завершить курс семилетней школы, объяснив ему важность получения образования⁴²⁸.

Сохранившиеся источники не позволяют определить точное количество учеников, которые ушли работать на производство или в колхоз. Однако можно выявить динамику изменения численности учащихся. Анализ отчётов гороно показал, что количество учеников уменьшалось в течение всей войны. Так, согласно плану к 1 сентября 1941 г. тюменские школы

---

⁴²⁴ Подсчитано автором – по: Сводная ведомость учёта успеваемости, поведения и посещаемости учеников 6 «Б» класса средней школы № 25 за 1941/1942 учебный год // ГАТО. Ф. 920. Оп. 2. Д. 7. Л. 26.

⁴²⁵ Доклад об итогах работы школ за 1 полугодие 1941/1942 учебного года на XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 66. Л. 6 об.

⁴²⁶ Подробнее см.: Ширшов Г. М. Они стали основным контингентом Советской армии // Военно-исторический журнал. 2008. № 3. С. 34.

⁴²⁷ Воспоминания А. И. Петуховой, 1934 г. р. Записаны А. В. Ющенко в 2015 г. // Архив автора.

⁴²⁸ Воспоминания Н. А. Долгих, 1926 г. р. Записаны А. В. Ющенко в 2015 г. // Архив автора.

должны были открыть свои двери для 12 130 детей и подростков⁴²⁹, но по имеющимся данным на 15 августа насчитывалось 9574 ученика⁴³⁰. К февралю 1942 г. их количество возросло до 10 202 человек⁴³¹ за счёт эвакуированных. С окончанием эвакуации число учеников стало постепенно сокращаться: к лету 1943 г. в школах уже учились 8986 человек⁴³², к лету 1944 г. – 8239⁴³³, к лету 1945 г. – 7729⁴³⁴.

По всей видимости, кто-то из них поступал в школы ФЗО, ремесленные училища вследствие проводимых государством мобилизаций⁴³⁵. Такое предположение можно сделать на основании того, что с каждым годом количество учеников сокращалось приблизительно на 600 человек. Некоторые подростки становились рабочими на предприятиях или трудоустраивались в колхозы и совхозы. Нельзя исключать и тот факт, что какая-то часть эвакуированных спустя какое-то время переезжала из города в сельскую местность.

Большинство детей школьного возраста продолжали своё обучение, стараясь получать хорошие отметки. Одни объясняли своё стремление успешно осваивать школьную программу патриотическими настроениями, осознанием ценности полученных знаний для помощи стране; другие же

---

⁴²⁹ Протокол заседания XII сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 марта 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 414. Л. 19.

⁴³⁰ Сведения о количестве детей, зарегистрированных школами, по городу Тюмени в разрезе отдельных классов на 15.08.1941 г. от заведующей Тюменским городским отделом народного образования А. Кайдаловой в Омский областной отдел народного образования. Копия // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 455. Л. 231.

⁴³¹ Доклад об итогах работы школ за 1 полугодие 1941/1942 учебного года на XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 66. Л. 4 об.

⁴³² Доклад к сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся «Об исполнении городского бюджета за 1942 г. и о городском бюджете на 1943 г.». 25 июня 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 450. Л. 58.

⁴³³ Протокол заседания XXXII сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся 7 июня 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 458. Л. 237.

⁴³⁴ Итоговая ведомость по составу учащихся начальных, семилетних и средних школ города Тюмени по полу и возрасту в конце 1944/1945 учебного года. 3 июля 1945 г. // ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.

⁴³⁵ Подобная практика существовала и во многих других тыловых регионах Советского Союза.

учились «из-под палки», поскольку их родители считали образование одним из социальных лифтов. Количественные данные свидетельствуют о том, что многие школьники успешно справлялись с учебной нагрузкой. Так, к концу 1941/1942 учебного года успеваемость учащихся составила 83,7 %⁴³⁶, к концу 1942/1943 учебного года – 84 %⁴³⁷, а за первое полугодие 1943/1944 учебного года – 86,9 %⁴³⁸. Однако сотрудники горно неоднократно указывали на низкие показатели успеваемости в школах города. В отчётах отмечалось, что у многих учеников имелись пробелы в знаниях по русскому языку, географии, математике, истории и иностранному языку. К тому же они не могли применить полученные знания в реальной жизни, например, определить площадь комнаты, произвести измерения на местности. Показатели резко упали после введения новой системы оценивания знаний учащихся⁴³⁹. Так, только 71 %⁴⁴⁰ учащихся школ Заречного района и 64 % – Центрального⁴⁴¹ завершили 1944/1945 учебный год с оценкой «3» и выше по всем предметам. Несомненно, свою роль сыграла и отмена соцсоревнования в школах согласно приказу наркома просвещения РСФСР от 25 января 1944 г.⁴⁴² В нём указывалось, что ради достижения 100 % успеваемости учителя (естественно с одобрения директора школы и завуча) завышали оценки ученикам, поскольку именно по этому показателю оценивалось

---

⁴³⁶ Протокол № 154 заседания бюро Тюменского городского комитета ВКП(б) от 7 июля 1942 г. // ГАСПИТО. Ф. П–7. Оп. 1. Д. 597. Л. 187.

⁴³⁷ Протокол № 10 заседания бюро Тюменского городского комитета ВКП(б) от 20 апреля 1943 г. // ГАСПИТО. П–7. Оп. 1. Д. 619. Л. 200 об.

⁴³⁸ Отчёт о работе Тюменского горкома ВКП(б) за период с 1943 г. по I квартал 1944 г. // ГАСПИТО. П–7. Оп. 1. Д. 106. Л. 163.

⁴³⁹ Согласно постановлению СНК РСФСР «О введении цифровой пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения учащихся начальной, семилетней и средней школы» от 10 января 1944 г. вместо словесной системы оценивания («отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо», «очень плохо») была введена цифровая (от 1 до 5) // Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. С. 179.

⁴⁴⁰ Подсчитано автором – по: Протокол № 2 заседания II сессии Заречного районного Совета депутатов трудящихся от 23 июля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 488. Л. 12.

⁴⁴¹ Подсчитано автором – по: Протокол № 14 заседания Исполнительного комитета Центрального районного Совета депутатов трудящихся от 2 июля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 525. Л. 95.

⁴⁴² «О социалистическом соревновании в школе» // Справочник директора школы. С. 77.

качество их работы сотрудниками отделов народного образования (районо, гороно, облоно). В конечном итоге это приводило к тому, что во многих школах формальные показатели успеваемости росли, а в действительности учащиеся не становились «грамотнее и образованнее»⁴⁴³. Такое изменение резко контрастировало с другими сферами жизни в Советском Союзе, где власть, наоборот, активно расширяла практику социалистического соревнования для достижения высоких результатов.

Качество знаний учащихся выпускных классов в начальной и семилетней школах проверялось на экзаменах. Ученики же X классов по положению «Об экзаменах на аттестат зрелости» должны были продемонстрировать свои знания по всему школьному курсу (с I по X класс) по многим предметам: истории (истории СССР и Новой истории), физике, математике (алгебре, арифметике, геометрии, тригонометрии), русскому и иностранному языкам, литературе, химии.

Выпускникам средней школы, у которых стояла оценка «5» по всем предметам учебного плана и за поведение, вручали золотую медаль. Серебряную медаль получали те ученики, у кого было «отличное» поведение и оценка «4» не более чем по трём школьным предметам⁴⁴⁴.

За успехи в учёбе учитель мог похвалить ребёнка, а руководство школы – вручить грамоту. Незнание же учениками материала урока и невыполнение домашнего задания, наоборот, вызывало негативную реакцию учителей. Некоторые из них, задав на уроке вопрос ребёнку и не получив полноценного ответа, унижали его, называли бездельником, лодырем⁴⁴⁵ или раздавали подзатыльники и шлепки. В большинстве случаев такие методы работы

---

⁴⁴³ Справочник директора школы. С. 78.

⁴⁴⁴ Постановление СНК СССР №750 от 21 июня 1944 г. О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе» // Народное образование. Основные постановления и приказы. С. 100.

⁴⁴⁵ Текст выступления на XXIV сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. Январь 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 466. Л. 196.

применяли военруки и физруки⁴⁴⁶. Как правило, руководство школ закрывало глаза на подобные поступки преподавателей, ограничиваясь лишь беседой с провинившимися. К крайним мерам (таким как увольнение) директора прибегали очень редко, поскольку в школах не хватало учителей. Вместе с тем рукоприкладство и оскорбления были запрещены в учебных учреждениях согласно Инструкции о применении и поощрении наказаний, поскольку могли травмировать психику ребёнка⁴⁴⁷. М. М. Логиновская подробно рассказала о поступке своего классного руководителя, который нанёс ей душевную травму: «Папа умер в сентябре 1941 года, и я пропустила один день, поскольку его нужно было похоронить. Она [*классный руководитель*. – Д. В.] увидела меня и грозно спросила: “Коновалова [*девичья фамилия М. М. Логиновской*. – Д. В.], ты почему прогуляла урок?”. Я даже растерялась. Меня выручили мои одноклассники, с кем я жила в одном доме. Один из них сказал: “Так у неё же папа умер вчера, они его хоронили”. Она [*классный руководитель*. – Д. В.] даже не извинилась. Я запомнила, что она даже не извинилась. Вот такие у нас с ней были отношения»⁴⁴⁸.

На жаргоне тюменских школьников учительница называлась «чикла», директор – «дрыкла», арифметика – «арифа», физкультура – «физра», чернила – «синька», портфель – «чума»⁴⁴⁹. Молодежный сленг во все времена выполнял весьма важные коммуникативные функции: «Юность эмоциональна и в то же время застенчива, сдержанна в выражении чувств. Отсюда – ироничность молодежного арго, нарочитая грубость, заимствование из блатного лексикона... Эта хитрая словесная игра служит

---

⁴⁴⁶ Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / под ред. М. Г. Муравьёвой, Н. Л. Пушкирёвой. СПб., 2012. С. 176.

⁴⁴⁷ Цит. по: Кон И. С. Бить или не бить? Телесные наказания детей [Электронный ресурс] // Мир книг. URL: https://mir-knig.com/read_230459-1 (дата обращения: 16.12.2021).

⁴⁴⁸ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

⁴⁴⁹ Крапивин В. П. Славка с улицы Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/> (дата обращения: 17.09.2022)

также средством отделения «своих» от «посторонних» и укрепления столь ценимой юношами возрастно-групповой солидарности»⁴⁵⁰.

Усвоение специфического лексикона с первых классов свидетельствует о существовании единых неформальных правил общения школьников между собой (вне зависимости от возраста). Вместе с этим, «создание» собственного языка для общения, на наш взгляд, является проявлением стремления дистанцироваться от мира взрослых, продемонстрировать свою возрастную обособленность.

В ходе интервью респонденты отмечали, что учитель не мог полностью контролировать весь класс. Во время занятий ученики нередко нарушали дисциплину: «знали, как выключить лампочку, чтобы урок сорвать»⁴⁵¹, рассказывали друг другу забавные истории или обсуждали последние новости. Находили время и для шуток: «Показывает мне одноклассник какой-то учебник за IV–VI класс, там древний человек, например, неандерталец. Показывает: “Ты знаешь кто это?” “Нет, не знаю”. “Так это мой прадедушка”. И я под парту»⁴⁵². Смеялись ученики и над дефектами речи, внешностью или привычками одноклассников: «Вот был у нас мальчик, очень сильно заикался, язык высовывал сильно ... Все говорили: “Спросите Вовку, он выучил”. Вовка выходил и начинал заикаться», – вспоминала М. М. Логиновская. Она же привела и другой пример: «[Одноклассник. – Д. В.] очень картавил... И мы просили учителя по русскому языку, чтобы он ответил на вопросы о “Полтаве”. Там сплошные буквы “р”. Уж так нам нравилось»⁴⁵³.

Ученики могли пошутить и над преподавателями. В основном, смеялись над методами работы педагога, его характером, недостаточной квалификацией и внешностью: «Вот у нас была Нина Фёдоровна, она вела

---

⁴⁵⁰ Кон И.С. Психология старшеклассника. М., 1980. С. 103.

⁴⁵¹ Воспоминания Л. Г. Дрозд, 1937 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

⁴⁵² Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

⁴⁵³ Там же.

историю. Её звали “Торпеда Фёдоровна”. Вот иной раз задавали ей каверзные вопросы, на которые она не всегда могла ответить»⁴⁵⁴.

В каждой школе были несколько хулиганов, которые «разбивали окна, обрывали пуговицы с пальто»⁴⁵⁵, резали вещи, грубили учителям и руководству школы, курили на задворках, зимой выбивали стёкла, чтобы сорвать занятия⁴⁵⁶. На одном из заседаний XIX-й сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся, которое состоялось в феврале 1942 г., докладчик привёл типологию нарушителей дисциплины. К первому типу он относил так называемых «мирных недисциплинированных», которые регулярно не готовились к урокам (не выполняли домашние задания, не носили письменных принадлежностей), но во время занятий не мешали учителю. Второй тип был представлен теми учениками, кто во время уроков постоянно мешал своим одноклассникам⁴⁵⁷ и не выполнял указаний учителя или дерзил ему. К третьему относились те ученики, кто преднамеренно срывал уроки, например, выходил на середину класса и начинал танцевать или мог даже «кидаться с ножом на товарищей»⁴⁵⁸. Но далеко не в каждом классе были такие хулиганы. Лишь единицы совершали в стенах школы более серьёзные правонарушения: крали вещи и продукты, угрожали расправой сверстникам, ученикам младших классов и избивали их. Как правило, к хулиганам и малолетним преступникам большинство членов школьного коллектива относились крайне негативно, осуждая их поступки,

---

⁴⁵⁴ Воспоминания Л. Г. Дрозд, 1937 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

⁴⁵⁵ Воспоминания Т. В. Дмитриенко, 1935 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

⁴⁵⁶ Докладная записка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву о состоянии работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности по г. Тюмень. 27 апреля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 72. Л. 47–48.

⁴⁵⁷ Докладчик в качестве примера привёл действия ученика, который стучал по парте и ущипнул своего одноклассника. Подробнее см.: Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 416. Л. 46.

⁴⁵⁸ Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 416. Л. 46.

дистанцируясь от них. Хулиганские выходки подробно разбирали на пионерских и комсомольских собраниях.

Положительно повлияло на повышение дисциплины в школах города издание в 1943 г. Правил для учащихся, в которых были определены основные нормы поведения детей и подростков в учебное и во внеучебное время. Работа над текстом Правил началась ещё с середины 1930-х гг. Ключевую роль в создании этого документа сыграли Наркомпрос РСФСР и А. А. Жданов, редактировавший проект. В процессе этой работы он неоднократно обращался к «Правилам для учащихся гимназий и прогимназий», изданным в 1874 г., и рассматривал данный документ как образец⁴⁵⁹. По мнению ряда историков, такое внимание к дореволюционному опыту свидетельствовало о процессе частичной реставрации некоторых норм, существовавших в школах Российской империи. Введение единых Правил поведения для учащихся «стало частью обоймы школьных реформ, проведенных во время войны, наряду с введением отдельного обучения и понижением школьного возраста до семи лет»⁴⁶⁰, ознаменовавших собой фактически возвращение к довоенным планам развития школьного образования.

Наряду с этим Правила были нацелены на формирование личности, для которой безусловный приоритет имели коллективистские, а не частнособственнические интересы, а учеба рассматривалась, прежде всего, как процесс общегосударственного значения. Идеальный советский школьник, как указывалось в Правилах для учащихся, должен был бережно относиться к вещам и деньгам, вести здоровый образ жизни, быть вежливым, скромным, а главное, дисциплинированным⁴⁶¹. О том, как стать образцовым учеником, ребѣнку объясняли на классных часах или в ходе разъяснительных бесед. Текст Правил учителя выдавали на занятиях по русскому языку при

---

⁴⁵⁹ Маслинский К. А. Правила поведения в советской школе. Ч. 1. С. 61.

⁴⁶⁰ Там же.

⁴⁶¹ Правила для учащихся // Советская педагогика. 1943. № 10. С. 2.

изучении грамматики⁴⁶². Проведённая работа дала результат: уже в 1944/1945 учебном году в тюменских школах «стало больше порядка, чистоты и опрятности», а также «возросло уважение к учителю и старшим»⁴⁶³. Хотя полностью искоренить хамство и грубость учеников не удалось.

Во многом это объяснялось наличием негласных правил школьной жизни, которые существенно отличались от официальных. Как писал в автобиографической повести В. П. Крапивин, там следовало держать «ухо остро» и соблюдать массу обычаев: «Не тех “Правил для учащихся”, что висят в рамке на стене (они-то как раз “по фигу”), а таких, чтобы не оказаться в дурачках и не заработать лишних шишек. Прежде всего, запрещается быть нытиком. Если получил двойку (а без этого не проживешь), нельзя пускать слёзы, а надо садиться на место с равнодушным зевком или насмешливой улыбкой... Когда на перемене достаёшь свой хлеб, взятый из дома для завтрака, следует быстро сказать: “Двадцать один – ем один”. Иначе кругом заголосят: “Сорок семь – делишь всем!” И тогда попробуй не поделиться! Станешь навеки жадиной, обжорой и буржуем. Если будешь чересчур послушным, попадёшь в подлизы... Но это ещё не самое страшное. Хуже всего сделаться “определителем”. Тогда не говорили “жаловаться” или “ябедничать”, говорили “определять”»⁴⁶⁴.

Не изменилось поведение школьников и вне стен школы. Они по-прежнему часто дрались после уроков, мусорили и нецензурно выражались при общении со сверстниками и взрослыми, писали на заборах нецензурные слова: «Все эти три буквы, чего там только не было. Моя подружка увидела надпись и спросила [*у родителей*. – Д. В.] значение этого слова. Ей крепко попало, чтобы она не читала такое на заборах»⁴⁶⁵.

---

⁴⁶² Агеева В. А. Указ. соч. С. 133.

⁴⁶³ Отчёт Тюменского областного отдела народного образования о работе школ за 1944/1945 учебный год // ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 5. Л. 29 об.

⁴⁶⁴ Крапивин В. П. Славка с улицы Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/> (дата обращения: 17.09.2022)

⁴⁶⁵ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

Каждая школа стремилась добиться высокой дисциплины среди учащихся, но на деле этого не удалось достичь. Большинство учеников по-прежнему вели себя не так, как предписывалось Правилами, во время занятий и вне стен школы.

Учащиеся, не соблюдавшие официально установленные нормы поведения, подвергались наказаниям, которые были чётко определены в приказе наркома просвещения от 21 марта 1944 г.⁴⁶⁶ За небольшие проступки ученику могли сделать замечание, вынести выговор перед классом, за более серьёзные – снизить балл по поведению или даже временно исключить из школы. К последнему виду наказания прибегали крайне редко, поскольку в этом случае ребёнок оказывался предоставлен сам себе, из-за чего, по мнению советских педагогов, он мог оказаться на улице.

Особо трудных подростков, как правило, переводили в школы ФЗО или отправляли в трудовые колонии (с 1943 г.)⁴⁶⁷. Стремясь повысить успеваемость и дисциплину, школьная администрация нередко включала в категорию «хулиганов» и отстающих учеников, и, как показал анализ историографии, аналогичным образом поступали не только в школах Тюмени, но и в других регионах страны. Такая практика была запрещена приказом наркома просвещения РСФСР «Об улучшении состояния всеобщего обучения» от 7 апреля 1942 г., но некоторые руководители предпочитали избавляться от трудных подростков⁴⁶⁸. По словам Е. А. Митинской, в течение учебного года к V–VII классам приходили «какие-то городские представители с директором и завучем, называли фамилии, и эти

---

⁴⁶⁶ Приказ «Об укреплении дисциплины в школе», принятый 21 марта 1944 г. // Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. С. 180.

⁴⁶⁷ Там же. С. 181.

⁴⁶⁸ В 1942/1943 учебном году работников горно и директоров школ обвиняли в том, что в своё время для повышения дисциплины и успеваемости они отправляли некоторых учеников в ФЗО, ремесленные училища, а после – в трудовые колонии // Выступление на учительской конференции в 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 463. Л. 40.

ученики отправлялись на заводы или в ФЗО. В основном это были переростки или второгодники»⁴⁶⁹.

Вместе с тем большинство респондентов с теплотой вспоминали своих учителей: «Несмотря на войну, с нами в школе занимались очень хорошо»⁴⁷⁰. Уважение у учеников вызывали не столько профессиональные, сколько личные качества педагогов, в своих воспоминаниях респонденты особо отмечали их чуткость и доброту. К таким преподавателям учащиеся тянулись и поддерживали их: «А всё-таки я помню школу! Наш класс, наших учителей. Мы видели и чувствовали, что учителям трудно, старались им помочь»⁴⁷¹. Учитель истории школы № 25 Н. Г. Мусько рассказала о том, как о ней заботились ученики, когда она тяжело заболела после получения похоронки на мужа: «Вызвали врача, разыскали нужные лекарства, дежурили, пока я не поправилась. Однажды пришла после работы домой, а привезённые ранее дрова – распилены, сложены в поленницу. Мама сказала, что приходили пятеро комсомольцев, которые себя не назвали. Я до сих пор не знаю – кто это был»⁴⁷².

Учителя же, порой заменив собой родителей, полностью посвящали себя жизни школьных подопечных. Огромную роль они сыграли в жизни эвакуированных детей, помогая им как можно скорее освоиться в новом коллективе и справиться с эмоциональным потрясением, возникшим из-за смены обстановки. Переезд нанёс серьёзную психологическую травму многим детям и подросткам, поскольку, как показывают исследования по психологии, в экстремальной ситуации именно несовершеннолетние «в большей степени полагаются на привычные практики, которые составляют

---

⁴⁶⁹ Воспоминания Е. А. Митинской, 1931 г. р. // Материалы из фондов Музея истории вуза ТюмГУ.

⁴⁷⁰ Воспоминания А. И. Петуховой, 1934 г. р. Записаны А. В. Ющенко в 2015 г. // Архив автора

⁴⁷¹ Воспоминания Н. В. Черномырдиной, 1927 г. р. Записаны О. А. Ковалёвой в 2016 г. // Архив автора.

⁴⁷² Цит. по: Иванова Л. В. Указ. соч. С. 19.

их повседневную жизнь»⁴⁷³. В годы войны же вследствие эвакуации в короткий срок были разорваны все связи, нарушен привычный уклад жизни. Психологическое состояние во время эвакуации психологи называют «посттравматическим стрессовым расстройством», для которого характерны подавленность, раздражительность, неспособность испытывать радость, беспокойство, отчужденность, повышенная конфликтность⁴⁷⁴.

Несмотря на индивидуальность травматического опыта, исследователям, проводившим интервью с детьми войны, удалось выяснить, что в эвакуации наиболее тяжело переживались неудачи Красной Армии на фронте, голод, холод, неустроенность жизни, недостаток в одежде и игрушках, трудности в привыкании к новому месту жительства, потеря близких, а также необходимость выполнять дела, превышавшие их возможности (например, работать по хозяйству)⁴⁷⁵.

К сожалению, не удалось найти точные данные о количестве приезжих детей школьного возраста за 1941-1942 гг., что позволило бы выявить их долю среди всех учащихся школ города. Известно, что к марту 1943 г. во всех классах таковых числилось 1176 человек⁴⁷⁶. Всего же в тюменских школах к лету 1943 г. учились 8986 местных и эвакуированных детей и подростков⁴⁷⁷. Получается, что каждый восьмой школьник был приезжим.

Все они по-разному адаптировались к новой обстановке, к новым одноклассникам и учителям. Одни сразу же «вливались» в коллектив, стремясь восполнить потерю близких и друзей. Другие, наоборот,

---

⁴⁷³ Psychological and Physiological Correlates of Stress in Children Exposed to Disaster: Current Research and Recommendations for Intervention // Children, Youth and Environments. 2008. Vol. 18. No. 1. P. 34.

⁴⁷⁴ Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / под ред. Г.И. Солдатовой. М., 2002. С. 29–30.

⁴⁷⁵ Гулина М., Гулин Ф. Травма военного детства. Блокада, эвакуация, оккупация. Историко-психологическое исследование. СПб., 2016. С. 267.

⁴⁷⁶ Проект решения Тюменского городского Исполнительного комитета «О культурно-бытовом обслуживании эвакуанаселения». Март 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 470. Л. 54.

⁴⁷⁷ Доклад к сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся «Об исполнении городского бюджета за 1942 г. и о городском бюджете на 1943 г.». 25 июня 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 450. Л. 58.

становились замкнутыми, не подпуская к себе никого, лишь со временем, с трудом, приобретая друзей. В свою очередь, местные дети и подростки доброжелательно относились к эвакуированным вне зависимости от их места рождения и национальности: «Мы – дети – дружили между собой... Они влились в наш коллектив свежей струёй. Они были культурнее, мы многому научились у них»⁴⁷⁸. Другой очевидец тех событий отметил, что «учащиеся были очень сплочены», поэтому очень часто в школе ходили строем и пели песни, пытаясь компенсировать чувство одиночества. Сближало учеников и тяжёлое материальное положение их семей. Дружба, новые знакомства и совместное времяпрепровождение позволяли детям и подросткам отвлечься от бытовых проблем и стрессовых ситуаций. Как указывали некоторые респонденты, они продолжали переписываться и дружить с приезжими из числа своих одноклассников даже по окончании войны.

Вместе с тем периодически между местными детьми и эвакуированными возникали конфликты. В большинстве случаев их причиной становились бытовые неурядицы, личная неприязнь или вражда, соперничество за лидерство в классе, то есть типичные проблемы, свойственные едва ли не любому детскому коллективу. На наш взгляд, наиболее точно характер взаимоотношений между юными тюменцами и иногородними описала Г. А. Дрозд: «И подраться можно было, и поговорить»⁴⁷⁹. Раскрывая значение данной фразы, можно сказать о том, что местные не видели особых различий между собой и эвакуированными, которые (своим внешним видом, чертами характера и поступками), по всей видимости, были похожи на своих тюменских сверстников. Конечно, приезжие из крупных городов (таких как Москва и Ленинград) отличались несколько более высоким уровнем культуры (образованности, эрудированности), но это не приводило к конфликтам: «Одна

---

⁴⁷⁸ Воспоминания Н. В. Черномырдиной, 1927 г. р. Записаны О. А. Ковалёвой в 2016 г. // Архив автора.

⁴⁷⁹ Воспоминания Л. Г. Дрозд, 1937 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.

[*Одноклассница*. – Д. В.] была очень начитанной, по дороге из школы она рассказывала нам о книгах, которые прочитала, а мы слушали с большим вниманием», – вспоминала Н. В. Черномырдина⁴⁸⁰.

Раздражение учеников вызывали те дети и подростки, чьи родители могли позволить купить ребёнку всё необходимое в условиях дефицита товаров благодаря занимаемой должности. Такие дети были хорошо одеты, имели несколько пар обуви и редко посещали школьную столовую. Материальное благополучие в условиях всеобщей бедности, как правило, воспринималось негативно и даже враждебно. Подобное отношение было вызвано завистью, желанием населения жить лучше и невозможностью изменить своё положение в условиях войны. Так, на XXVI сессии Тюменского горсовета один из депутатов упомянул в своём выступлении о случае, когда ученица одной из школ, отец которой получил звание генерала, начала подвергаться травле одноклассников⁴⁸¹. Некоторые из интервьюируемых также упоминали о том, что с неприязнью относились к детям состоятельных родителей: «Ну, вот была девчонка одна, мать у неё заведовала Домом крестьянина... И жила она шикарно. Девчонка никогда не играла с нами, потому что её все терпеть не могли... потому что жирная, а мы мечтали поесть хорошо, хоть разочек... Она тоже относилась к нам с каким-то презрением»⁴⁸². Таких детей остальные не принимали в свою компанию, общение между ними, как правило, ограничивалось совместной работой на уроках в классе по заданию учителя. Чаще других они становились жертвами хулиганов и воров: у них крали и портили вещи, придумывали им обидные прозвища, а могли и избить.

---

⁴⁸⁰ Воспоминания Н. В. Черномырдиной, 1927 г. р. Записаны О. А. Ковалёвой в 2016 г. // Архив автора.

⁴⁸¹ Текст выступления заместителя председателя Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся Мокина на XXIV сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. Май 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 466. Л. 196.

⁴⁸² Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

За защитой можно было обратиться к работникам школы, но и среди учителей не все сочувствовали сынкам и дочкам представителей советско-партийно-военной элиты, работников торговли, общественного питания, снабжения. На заседании XXVI сессии Тюменского горсовета осуждались высказывания и поступки некоторых педагогов, которые враждебно относились к детям, в том числе и к эвакуированным, чьи родители занимали высокое служебное положение: «Понаезжали тут всякие полковники, подполковники и требуют к себе внимания»⁴⁸³. Дети же, наблюдая за подобной манерой поведения взрослых, нередко копировали её, разделяя ближайшее окружение на «своих» и «чужих» по уровню материального достатка.

Таким образом, в жизни советских школьников учёба занимала немаловажное место, однако негативные последствия войны (ухудшение материально-бытового положения) способствовали повышению значимости в их глазах трудовой деятельности на предприятиях и в сельском хозяйстве. К тому же мобилизация трудоспособного населения на фронт привела к нехватке рабочих рук во многих отраслях промышленности и аграрном секторе. В этих условиях власть принимала меры, направленные на трудоустройство подростков. Многие из них покидали школу после VII класса и переходили в ремесленные училища, школы ФЗО или устраивались на работу. Так поступали не только местные, но и эвакуированные дети и подростки. К появлению последних тюменские школьники отнеслись положительно, конфликты между ними случались редко. Более частыми были стычки и ссоры с учениками, чьё материальное положение было лучше.

Педагоги, школьная администрация, руководство гороно принимали меры по укреплению дисциплины в школе, что должно было способствовать повышению качества образования. С этой целью были приняты Правила поведения учащихся, регламентирована система поощрений и наказаний

---

⁴⁸³ Протокол № 26 заседания XXVI сессии Тюменского городского совета депутатов трудящихся от 24 мая 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 457. Л. 78.

учеников. Попутно предпринимались попытки возвести в ранг командира профессию учителя, что предполагало беспрекословное выполнение его приказов и поручений учениками. Успешное окончание школы же преподносилось подрастающему поколению как их обязанность (читай – воинский долг) в условиях чрезвычайной ситуации. Вместе с тем полностью контролировать учеников не удавалось из-за психофизиологических особенностей детей и подростков, их непоседливости и юношеского максимализма. Добиться расположения класса учителю удавалось за счёт своего профессионального опыта, но в первую очередь благодаря личным качествам (чуткости, доброте, отзывчивости). Наоборот, рукоприкладство, формализм в преподавании или самодурство не позволяли преподавателю плодотворно работать с учениками.

В целом, можно утверждать, что в годы Великой Отечественной войны произошла значительная трансформация школьной системы. Однако некоторые её элементы, а также особенности бытования школьного коллектива, существовавшие в довоенное время (характер взаимоотношений между педагогом и учащимися, между одноклассниками, попытки дистанцироваться от «мира взрослых» при заимствовании некоторых его компонентов), сохранились и в условиях чрезвычайной ситуации.

Подводя итог, следует сказать, что школьные будни юных тюменцев протекали в основном так же, как и у их сверстников, проживавших в других тыловых регионах страны.

Глава 3. Свободное времяпрепровождение советских школьников тылового города в годы Великой Отечественной войны

3.1. Организованный досуг детей и подростков Тюмени в годы Великой Отечественной войны

Досуг является одним из важных аспектов повседневной жизни человека, и его организации в Советском Союзе уделялось серьёзное внимание. Господствовал принцип: развлечения тогда хороши, когда они организованы. Особую заботу руководство страны проявляло по отношению к детям и подросткам, создав для них сеть творческих, спортивных и оздоровительных учреждений, а также различных кружков и секций, призванных обеспечивать всестороннее развитие личности. Вместе с тем власть пыталась укрепить свои позиции в деле воспитания и обучения ребёнка, будущего строителя коммунизма. Это позволило бы ей не только успешно контролировать процесс передачи теоретических знаний и практических навыков, но и формировать правильное мировоззрение у подрастающего поколения. На достижение этой цели была направлена работа комсомола и пионерии, советских поэтов и писателей. К концу 1930-х гг. этапы и содержание процесса социализации советского ребенка (особенно в городах) во многом стали определяться господствовавшей в стране коммунистической идеологией.

Начало Великой Отечественной войны поставило под угрозу проводимую политику. Одним из проявлений кризиса в социальной сфере стал стремительный рост масштабов детской беспризорности и безнадзорности, а также числа преступлений, совершённых детьми и подростками. Эти явления обычно усиливаются во время чрезвычайных ситуаций в обществе, например, длительных эпидемий, масштабных природных катаклизмов, революций, войн вследствие уменьшения родительского влияния и отсутствия контроля со стороны взрослых (родителей, других близких, общественных организаций). Масштабные

боевые действия, охватившие значительную часть территории СССР в ходе Великой Отечественной войны, привели к увеличению числа детей-сирот. Выросло и количество неполных семей, в которых, как правило, не было отца. Матери же большую часть дня находились на работе, поэтому не могли следить за своими детьми.

В годы войны с подачи руководства страны и, в частности, Наркомпроса РСФСР, политика по конструированию досуговых практик подрастающего поколения была скорректирована с той целью, чтобы у ребёнка «не оставалось времени для хулиганства»⁴⁸⁴. Частично решить это удалось путём мобилизации школьников в колхозы, на подсобные работы, а также вовлечения их в кампании по сбору металлолома, макулатуры, дикорастущих ягод и лечебных растений. Надзор за учениками в этой внешкольной деятельности возлагался на учителей и пионервожатых.

В условиях чрезвычайной ситуации актуальным для гражданского населения страны стало овладение знаниями и навыками военного дела. Дети и подростки приобретали их не только на школьных уроках, но и в специализированных кружках и секциях. Ещё в 1930-е гг. при каждой школе стали открываться военные или спортивные кружки (санитаров, гранатомётчиков, рукопашного боя, стрельбы). Ученики проходили противохимическую подготовку, учились маскироваться и ориентироваться на местности, стрелять из мелкокалиберной винтовки, бросать гранаты и перевязывать раненых. Свои умения они должны были продемонстрировать при выполнении норм на оборонные значки (БГТО, ГТО, ПВХО, ГСО) или на спортивных соревнованиях.

С началом войны кружки по военному делу стали пользоваться большой популярностью у подрастающего поколения. Так, к февралю 1942 г. из 6378 человек, которые состояли в различных кружках Тюмени, 4330

---

⁴⁸⁴ Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО Ф. 5. Оп. 1. Д. 416. Л. 38.

занимались в военных⁴⁸⁵. Более того, все тюменские учащиеся готовились к сдаче норм на значок ПВХО и ГСО⁴⁸⁶. Такое положение дел во многом объяснялось эффективностью проводимой пропаганды. Через детские книги и журналы, кино и игрушки советская власть конструировала романтичный образ войны, возводила Красную Армию в ранг непобедимой и, в целом, идеализировала образ советского военнослужащего. Работе пионерской организации также придавался военизированный характер. Так, в ходе слета пионерского актива города в январе 1944 г. отмечалось, что каждый пионерский отряд должен был стать боевой единицей, в составе которой действовали связисты, стрелки, разведчики⁴⁸⁷.

Поэтому не случайно многие подростки мечтали стать военными (лётчиками, моряками, пехотинцами, танкистами), в связи с чем интересовались всем, что относилось к военной тематике.

Тюменским школьникам приходилось постигать азы военного дела в условиях, когда не хватало спортивного и армейского инвентаря, что снижало качество их подготовки. Это можно было бы частично компенсировать за счёт профессионализма военруков, однако многие из них, как отмечалось выше, не имели педагогического образования. В результате не все ученики были готовы к сдаче нормативов. Лучшие показатели в городе демонстрировали учащиеся школ № 5 и № 25⁴⁸⁸. Так, в 1944 г. в школе № 5 из 423 учащихся V–X классов выполнили нормативы 314 человек, а в школе № 25 – из 526 учеников прошли испытания 406⁴⁸⁹.

Среди всех видов занятий в военных кружках особое место отводилось лыжной подготовке. А с конца ноября 1941 г. этот элемент был включён в учебную программу старших классов общеобразовательных школ. Параллельно на страницах периодической печати, например, газеты

---

⁴⁸⁵ Там же.

⁴⁸⁶ Там же. Л. 39.

⁴⁸⁷ Слет пионерского актива города // Красное знамя. 1944. 12 января.

⁴⁸⁸ Средние школы № 5 и №25 признавались лучшими по организации военного обучения.

⁴⁸⁹ Закрепить успехи зимней военно-физкультурной подготовки // Красное знамя. 1944. 2 апреля.

«Пионерская правда», регулярно публиковались материалы о пользе катания на лыжах для здоровья, а главное – важности овладения этим навыком для выполнения боевых задач при службе в армии.

Такая кампания была нацелена, прежде всего, на мальчишек в возрасте 14–16 лет, которые в скором времени должны были пополнить ряды военнослужащих. Однако регулярно (причем и во внеучебное время) кататься на лыжах стали многие тюменские школьники (не только мальчики, но и девочки). По словам многих респондентов, они после уроков часто устраивали прогулки близ Тюмени. Организационная же сторона дела не была на высоте. 24 декабря 1943 г. в ходе совещания секретарей комсомольских организаций и военруков школ, проходившего в горкоме партии, отмечалось, что организацией лыжной подготовки практически никто не занимается: спортивное общество «Смена» внимания ей почти не уделяло, его председатель Игнатъев даже не мог сказать, сколько в школах создано команд, в каком состоянии лыжные базы⁴⁹⁰.

Старшеклассники регулярно участвовали в военно-оборонных мероприятиях. Так, в ходе масштабных соревнований в январе-феврале 1942 г., где наравне со школьниками принимали участие представители молодежи мясокомбината, пивоваренного завода, тюрьмы № 2 и других учреждений и предприятий города, состоялись первенства по стрельбе, встречи гранатометчиков, истребителей танков, санитарных звеньев, лыжных команд⁴⁹¹. Школа № 25 выставила две команды лыжников, а также участников пешего похода, который девушки провели под лозунгом «Ни одной отставшей, без одной обмороженной!»⁴⁹².

В летнее время главным мероприятием для школьников являлся профсоюзно-комсомольский кросс, который проводили ежегодно во всех городах, районах, на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях и в

---

⁴⁹⁰ Рожкова Т. Усилим подготовку лыжников // Красное знамя. 1943. 26 декабря.

⁴⁹¹ Городские комсомольско-молодежные соревнования // Красное знамя. 1942. 14 января.

⁴⁹² Комсомольские соревнования // Красное знамя. 1942. 18 января.

сельских местностях⁴⁹³. Программа соревнований включала в себя бег по пересечённой местности на дистанции от 500 до 5 000 метров, метание гранаты из разных положений, различные приёмы передвижения (например, по-пластунски). К участию допускались все, кто мог держать в руках оружие. Согласно же решению председателя Тюменского городского комитета по делам физкультуры и спорта Б. Зеленина, принимать участие в этом мероприятии должны были и ученики III–X классов⁴⁹⁴. Имеющиеся количественные данные свидетельствуют о том, что каждый год многие учащиеся Тюмени участвовали в этом мероприятии. Так, например, в 1942 г. из 5746 школьников города бежали профсоюзно-комсомольский летний кросс 4157 человек, из них 3631 человек уложились в нормативы; а в 1944 г. нормативы сдали уже 4112 человек⁴⁹⁵.

Осенью 1943 г. в Тюмени состоялась городская военизированная эстафета, посвященная 25-й годовщине ВЛКСМ, в ходе которой команды преодолевали этапы бегом, на велосипеде, с винтовками в руках, в переноске раненых, в противогазах, с преодолением полосы препятствий⁴⁹⁶.

Ещё одним важным элементом военно-физической подготовки в летнее время было обучение плаванию. Оно происходило на берегу реки Тура, в том месте, где располагался ОСВОД⁴⁹⁷. На этих занятиях осваивались различные стили плавания, способы ныряния, прыжки в воду, а также приёмы спасения утопающих. При ОСВОДе работали детские секции сигнальщиков, изучалось морское дело, а сами ребята с биноклями несли круглосуточно вахту в летний период⁴⁹⁸.

---

⁴⁹³ Больше внимания физической культуре // Красное знамя. 1942. 2 июня.

⁴⁹⁴ Зуев В. Н. История физической культуры и спорта в Тюменском регионе 1863–2000 гг.: сб. док. и материалов. Тюмень, 2003. С. 100.

⁴⁹⁵ Зуев В. Н. Физкультура и спорт в Тюменском регионе в период 1940–1960. Тюмень, 2003. С. 18.

⁴⁹⁶ Зеленин Б. Городская военизированная эстафета // Красное знамя. 1943. 2 ноября.

⁴⁹⁷ ОСВОД – Союз обществ содействия развитию водного транспорта и охраны жизни людей на водных путях СССР.

⁴⁹⁸ Зуев В. Н. История физической культуры и спорта в Тюменском регионе 1940–1960. С. 134.

В каждой средней школе и некоторых неполных средних и начальных в годы войны продолжали работать кружки, где дети могли найти занятие по своим интересам. По данным на 1943 г. в Тюмени насчитывалось 116 кружков: антирелигиозных, юннатских, предметных (математических, географических), рукоделия, спортивных⁴⁹⁹. Так, в школе № 21 работала секция тяжёлой атлетики, которой руководил преподаватель украинского института физической культуры, мастер спорта Михайлюк, при школе № 26 работал математический кружок, а в школе № 24 – географический⁵⁰⁰. Однако, по всей видимости, этого количества явно не хватало для того, чтобы каждый ребёнок смог найти себе занятие по душе. Эта проблема обсуждалась на общегородской учительской конференции, проходившей в январе 1944 г. Выступающие были недовольны тем, что в городе отсутствовала база для развертывания внешкольной кружковой работы, что отрицательно сказывалось на дисциплине: «После учебы буквально некуда деваться»⁵⁰¹. По их мнению, чтобы ослабить остроту проблемы, необходимо было построить отдельное здание для дворца пионеров. К слову, их просьбу выполнили: 1 мая 1944 г. Дом пионеров открылся в новом доме⁵⁰².

Образцовой в Тюмени по внеучебной деятельности считалась средняя школа № 25, в которой трудились именитые преподаватели. Учителем математики с 1941 г. по 1944 г. работал Б. И. Збарский – известный биохимик, профессор, действительный член Академии Наук СССР, в 1924 г. бальзамировавший тело вождя мирового пролетариата⁵⁰³. Он возглавлял математический кружок, где объяснял программу школьного курса.

Лыжной подготовкой заведовал опытный преподаватель физкультуры П. Н. Иоанидис. В феврале 1943 г. он вместе с 16 юношами и девушками

---

⁴⁹⁹ Цит. по: Бей. О. Н. Указ. соч. С. 223.

⁵⁰⁰ Цит. по: Там же.

⁵⁰¹ Общегородская учительская конференция // Красное знамя. 1944. 19 января.

⁵⁰² Бей О. Н. Указ. соч. С. 224.

⁵⁰³ С июля 1941 по март 1945 гг. саркофаг с телом Ленина находился в Тюмени. Б. И. Збарский вместе со своими ассистентами должен был обеспечивать сохранность тела.

VIII–IX классов совершил лыжный пробег по маршруту Тюмень – Ялуторовск. Протяжённость перехода составила 90 км, а на преодоление этого расстояния участникам потребовалось 15 часов⁵⁰⁴. В феврале 1944 г. ученики 25-й школы совершили военизированный лыжный переход Тюмень – Ишим протяженностью 315 км. Во время похода школьники оттачивали навыки катания по пересечённой местности, учились маскироваться, запутывать следы и разбивать лагерь. Маршрут отряд преодолел за 7 дней: «Наш путь проходил по пересеченной местности. Встречались высокие холмы и глубокие овраги, дорогу заметало снегом. В отдельные дни был сильный мороз»⁵⁰⁵. Руководство школы обеспечило участников питанием и всем необходимым инвентарём, о чем вспоминал один из участников пробега А. К. Щекотов: «Чтобы кормиться в дороге, сделали фанерный ящик длиной 1,5 метра и шириной 0,8 метров. Туда загрузили продукты, прикрепили лыжи и протянули крепкую тесьму с девятью хомутами для всех участников похода. Встали удобно в шахматном порядке, чтобы одновременно тащить ящик с едой. На привалах, в школах различных деревень, готовили пищу и ночевали. Дубинин дал продукты на поход: консервы, крупы, жиры. По телеграфу сообщали, где мы идём... С собой была одна винтовка – на всякий случай от волков... В Ишиме пошли на соревнования. Местные школьники нас обыграли. Домой уехали на поезде»⁵⁰⁶.

Под руководством опытного биолога С. И. Дергунова действовал кружок юннатов. На этих занятиях ученики изучали местную флору и фауну, ходили в походы, чтобы собрать полезные растения, проводили различные эксперименты. Старостой кружка был М. П. Рощевский. В будущем он стал академиком, доктором биологических наук, заслуженным деятелем науки Республики Коми, заместителем председателя Президиума Уральского

---

⁵⁰⁴ Зуев В. Н. История физической культуры и спорта в Тюменском регионе 1863–2000. С. 197.

⁵⁰⁵ Щекотов А. Лыжный переход Тюмень – Ишим // Красное знамя. 1944. 27 февраля.

⁵⁰⁶ Когда бабушка была маленькой. С. 13.

отделения РАН⁵⁰⁷.

Драматическим кружком заведовал офицер Тюменского пехотного училища Е. С. Матвеев, который до войны учился в актёрской школе при Киевской киностудии, являлся учеником А. П. Довженко, но с началом войны был направлен на учёбу в Тюмень. После войны он стал народным артистом СССР (1974 г.), Лауреатом государственной премии СССР, был награждён орденом Октябрьской революции, двумя орденами Ленина и орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени⁵⁰⁸.

Реалии военного времени наложили отпечаток на формат и содержание работы кружков рисования, пения, танцев. Главной темой для творчества стала Великая Отечественная война, причём отражение происходивших событий шло в двух основных жанрах: героическом и сатирическом. Первый был представлен работами учеников, в которых они восхваляли Красную Армию, руководителей Советского Союза, описывали победы войск союзников по антигитлеровской коалиции. К жанру сатиры относились детские стихи, рисунки, песни и театральные постановки, в которые ученики высмеивали лидеров Третьего Рейха, немецких солдат и союзников Германии.

Ученики разучивали танцевальные движения, песни и стихотворения, мастерили костюмы, придумывали сценарии своих постановок, которые показывали на школьных и городских мероприятиях. Новым явлением стали выступления учащихся в военных госпиталях, куда они приходили в рамках оказания шефской помощи. В большинстве случаев школьники показывали бойцам небольшие творческие номера, стремясь поднять им настроение и боевой дух, вселить надежду на скорое выздоровление и возвращение к мирной жизни. Особенно сильно ученикам нравилось петь. Рассказы респондентов подтверждают, что «песня» прочно вошла в повседневную жизнь тюменских школьников. Они пели не только в госпиталях, но и во время перемен или на улице: «Помню, что пели, почему-то особенно

---

⁵⁰⁷ Тюменская старина. Т. 1. С. 138.

⁵⁰⁸ Иванова Л. В. Указ. соч. С. 20.

любили»⁵⁰⁹, – вспоминала М. М. Логиновская. Пение помогало согреться и ослабить чувство голода: «Когда поешь, становится немного теплее. Особенно, если песня по-кавалерийски храбрая, например, “Красный маршал Ворошилов, посмотри на казачьи богатырские полки!..” или революционная – “Смело, товарищи, в ногу...”»⁵¹⁰. Эти песни отчасти теряли идеологический запал, приобретая характер народных, ориентированных на фольклорную стилистику. Некоторые исследователи связывают это с тем, что неоднократно пропетые лозунги теряли заложенные в них смыслы: «охудожествлялись», превращались в аналог банальных рифм шлягерного припева – их пропевали, не воспринимая всерьез⁵¹¹.

Заметной разницы в репертуаре школьников не было: даже младшеклассники исполняли на концертах «Марш артиллеристов» и «Катюшу»⁵¹².

Вполне вероятно, что песня позволяла ребенку «уйти от реальности», выплеснуть негативные эмоции. К тому же утрата привычной обстановки, разрыв прежних семейных связей или потеря родителей вынуждали ребенка искать эмоциональную отдушину в школьном коллективе, и песня как нельзя лучше способствовала единению.

В течение всего учебного года школьники регулярно встречались с красноармейцами и командирами, фронтовиками, демобилизованными по состоянию здоровья. Эти встречи проходили в рамках кампании по обеспечению единства фронта и тыла. Фронтовики рассказывали ученикам о победах Красной Армии, подвигах советских солдат и матросов, зверствах, которые учиняли вражеские войска на оккупированной территории. Они призывали слушателей хорошо учиться, приобретать трудовые и, в

---

⁵⁰⁹ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

⁵¹⁰ Крапивин В. П. Славка с улицы Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/> (дата обращения: 17.09.2022)

⁵¹¹ Ганская Е. Н. Советская массовая песня как форма идеологии // *Litera*. 2019. № 2. С. 225.

⁵¹² Перегримова Е. Дети-патриоты // *Красное знамя*. 1942. 29 марта.

особенности, военные знания и навыки. Интерес детей к таким беседам во многом зависел от личности выступающего, его умения найти общий язык с аудиторией. Нередко подобные мероприятия становились неинтересны ученикам, поскольку фронтовики говорили заученными стандартными фразами, не относясь к таким встречам со всей серьезностью; случалось, кто-то из взрослых кричал на детей и даже оскорблял их, что отнюдь не способствовало популярности таких «героев войны» у подрастающего поколения.

Встречи с фронтовиками проходили и в ходе пионерских сборов. Как правило, на этих мероприятиях зачитывались доклады на определённую тематику (например, «Дети – герои Отечественной войны», «Герои Краснодона», «Партизанская война», «Города-герои – Сталинград, Ленинград, Одесса»).

В летнее время для детей школьного возраста открывались пионерские лагеря. К началу Великой Отечественной войны в рамках принятой концепции «счастливого детства» в СССР была создана система пионерских лагерей двух типов: обычных и санаторных. Наиболее известным среди них был «Артек», куда ежегодно приезжали отдохнуть несколько тысяч детей и подростков со всей страны. В окрестностях же Тюмени к июню 1941 г. располагались 3 пионерских лагеря и 1 санаторий. Лагеря работали в три смены, длившиеся, как правило, 21 день (45 дней в санаторном): первая – с 1 июня, вторая – с 1 июля, а третья – с 1 августа. После начала войны они продолжили работать, однако из-за сокращения финансирования и падения уровня доходов тюменцев отдохнуть в них смогло уже намного меньше детей⁵¹³. Так, в 1940 г. предполагалось направить в эти учреждения 1273

---

⁵¹³ В своей статье О. Н. Бей указывает на то, что в окрестностях Тюмени «первые пионерские лагеря и оздоровительные площадки, которые принадлежали железнодорожному транспорту, различным предприятиям и учреждениям города», стали открываться только с 1 июня 1944 г. // Подробнее см.: Бей О. Н. Указ. соч. С. 224.

ребёнка⁵¹⁴, а летом 1941 г. – 1050 человек⁵¹⁵. В 1942 г. эти учреждения смогли вместить только 400 детей⁵¹⁶, а в 1943 г. – 1000⁵¹⁷.

К концу войны количество отдыхающих в лагерях детей школьного возраста превысило довоенные показатели: в 1944 г. – 2100 человек⁵¹⁸, в 1945 г. – 2800⁵¹⁹. Во многом этого удалось добиться благодаря увеличению выделявшихся средств и открытию новых мест для детского отдыха. Так, 4 мая 1944 г. дирекцией фанерного комбината был открыт пионерский лагерь для детей фронтовиков в сосновом бору на берегу р. Тура, который был рассчитан на две смены по 100 человек в каждой. Чуть позже, 20 мая 1944 г., в деревне Онохино гороно открыл детский лагерь, которому впоследствии было присвоено имя Зои Космодемьянской. Он был рассчитан на 4 смены по 250 человек в каждой. Началу его работы была посвящена газетная заметка: «Солнечный день. Около мачты на линейке выстроилось 250 юных пионеров... Четко рапортовали старшему вожатому... шесть пионерских вожатых шести отрядов о присутствии личного состава, о готовности к открытию лагеря. Рапорты приняты. Красный флаг взвился над мачтой, извещая о том, что лагерь открыт. Под звуки марша духового оркестра расходились пионеры с площадки»⁵²⁰. Из описания следует, что военизация была характерна и для детских досугово-оздоровительных учреждений.

В начале июля 1944 г. был открыт пионерский лагерь для детей

---

⁵¹⁴ Подсчитано автором – по: Текст выступления на VI Тюменской городской комсомольской конференции. 1940 г. // ГАСПИТО. Ф. П–21. Оп. 1. Д. 157. Л. 22.

⁵¹⁵ Подсчитано автором – см.: Протокол № 11 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 24 апреля 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419. Л. 181.

⁵¹⁶ Протокол № 8 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 23 апреля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 446. Л. 131.

⁵¹⁷ Подсчитано автором – см.: Протокол № 8 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 22 апреля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 123.

⁵¹⁸ Протокол № 7 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 30 марта 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 478. Л. 54.

⁵¹⁹ Протокол № 9 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 18 апреля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 500. Л. 88.

⁵²⁰ Открытие пионерского лагеря имени Зои Космодемьянской // Красное знамя. 1944. 30 мая.

фронтовиков-офицеров, располагавшийся в деревне Падерино, в котором могли отдохнуть около 100 человек⁵²¹.

Дополнительно, в период зимних каникул (декабрь 1944 – январь 1945 гг.), работали два пионерских лагеря санаторного типа⁵²²: один из них находился в деревне Онохино (бывшая дача одного из богатейших тюменских купцов А. И. Текутьева), в котором одновременно могли поправить здоровье 90 школьников, а второй – на Мысу, рассчитанный на 60 человек. Путёвки предоставлялись бесплатно, а дети «получали питание по нормам лагерей - здравниц»⁵²³.

С началом Великой Отечественной войны изменился контингент отдыхающих. В довоенное время путёвки в пионерские лагеря получали дети и подростки, которые демонстрировали высокие показатели в учёбе и спорте, являлись победителями творческих конкурсов или активно участвовали в общественной жизни. Именно они, по мнению советских педагогов, должны были стать для своих сверстников примерами для подражания. В данном случае путёвка в пионерский лагерь становилась наградой ребёнку за его труды. С началом войны из-за ухудшения материального положения населения, роста заболеваемости, нехватки еды путёвки стали получать преимущественно дети в возрасте от 8 до 12 лет, у которых имелись серьёзные проблемы со здоровьем⁵²⁴. Преимущественное право на отдых в таком учреждении имели также дети рабочих и служащих военной, текстильной промышленности, фронтовиков и дети из многодетных семей⁵²⁵. Путёвки им отпускались бесплатно, за счёт средств местных властей или же отдельных предприятий. Так, в 1943 г. из 600 путёвок (стоимостью 400 руб.),

---

⁵²¹ Открылся пионерский лагерь для детей фронтовиков // Красное знамя. 1944. 6 июня.

⁵²² В санаторном пионерском лагере смена длилась 40 дней, в обычном – 21 день.

⁵²³ Зимний отдых детей // Тюменская правда. 1945. 5 января.

⁵²⁴ Но, например, в Новосибирске в 1943 г. планировалось открыть пионерский лагерь для талантливых ребят в возрасте 8–14 лет. В результате, в лагере отдохнули 50 детей из новосибирских школ, разделённые на 4 группы: скрипачей, пианистов, певцов, художников / Подробнее см.: Дунбинская Т. И. Организация летних оздоровительных кампаний... С. 67.

⁵²⁵ Дунбинская Т. И. Организация летних оздоровительных кампаний... С. 66.

выделенных на город, 160 было предоставлено детям фронтовиков, инвалидов войны и политработников Красной Армии⁵²⁶, а в дальнейшем ежегодно из местного бюджета выделялись средства на оплату 300 путёвок⁵²⁷.

Для других категорий граждан была установлена стоимость, которая варьировалась в зависимости от типа пионерского лагеря (обычный или санаторный). В 1941 г. она составляла 225 и 280 руб.⁵²⁸, в 1942 г. не должна была превышать 300 руб.⁵²⁹ По постановлению ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений стоимость путёвки (за 21 день) могла варьироваться от 240 до 274 рублей⁵³⁰. В конце войны по решению Тюменского горисполкома цена не должна была превышать 400 руб.⁵³¹

Такие траты многие тюменские семьи (как и жители других городов), которые не относились к льготным категориям, позволить себе не могли. Более того, не каждой семье фронтовика, рабочего оборонной промышленности удавалось отправить своего ребёнка в пионерский лагерь, поскольку бесплатных путёвок выделялось крайне мало. В такой ситуации некоторых наиболее ослабленных детей на несколько месяцев помещали в так называемые «лесные школы»⁵³², где им без отрыва от учёбы

---

⁵²⁶ Подсчитано автором – см.: Организация летнего отдыха детей в 1943 году // Красное знамя. 1943. 23 мая.

⁵²⁷ Подробнее см.: Протокол №7 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 30 марта 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 478. Л. 55; Протокол №9 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 18 апреля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 500. Л. 88.

⁵²⁸ Протокол №11 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 24 апреля 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419. Л. 181.

⁵²⁹ Протокол №8 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 23 апреля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 446. Л. 131.

⁵³⁰ Цит. по: Дунбинская Т. И. Организация летних оздоровительных кампаний для детей. С. 67

⁵³¹ Подробнее см.: Протокол №8 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 22 апреля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 123; Протокол №7 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 30 марта 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 478. Л. 55; Протокол №9 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 18 апреля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 500. Л. 88.

⁵³² Эти учреждения располагались в черте города. Во время пребывания в них ученики продолжали осваивать учебную программу. При этом им предоставлялось усиленное

предоставлялось усиленное питание и медицинский уход.

В новых условиях в работе пионерских лагерей произошли определённые изменения. Как и раньше, воспитанники самостоятельно заправляли постели, помогали в столовой, мыли посуду, убирали мусор в помещениях и на территории лагеря. Но теперь в их распорядке дня отводилось гораздо больше времени на общественно-полезную деятельность, нежели на развлекательные мероприятия и оздоровительные процедуры. Под руководством пионервожатых они ездили на сельскохозяйственные работы, собирали лечебные растения, ягоды, грибы, макулатуру и металлолом, готовили подарки для отправки на фронт, ухаживали за огородом и домашним скотом.

Уделяли серьёзное внимание в пионерских лагерях и военной подготовке. Дети и подростки учились маршировать, ориентироваться на местности, изучали тактику ведения боя, топографию. Усвоение военных знаний и навыков происходило через такие игры, как «Следопыты», «Рейд в тыл врага», «Взятие дота», «Занятие обороны», «Перенеси раненого», «Разведчики» и другие. Во время лесных прогулок ребята знакомились с местной флорой и фауной, особенностями ландшафта, учились ориентироваться на местности. Заодно они собирали гербарий, полезные ягоды и травы и мастерили различные поделки.

Ежедневно дети и подростки читали газеты и художественную литературу, обсуждали новости о боевых действиях на фронте и о событиях в мире. Вместе с пионервожатыми они выпускали стенгазеты и боевые листки, организовывали выставки на военную тематику, устраивали конкурсы рисунков, стихов и песен, встречались с фронтовиками, которые были демобилизованы по состоянию здоровья, или же с военнослужащими Тюменского гарнизона. Находили время отдыхающие и для запрещённых «забав» (например, курения), случались и драки между воспитанниками.

питание, периодически проводили медицинские осмотры и оказывали необходимую врачебную помощь.

В целом, многие жители Тюмени, кому удалось провести смену в пионерском лагере, с теплотой вспоминали это время: «Запомнились лагерные линейки, подъём флага, речёвки, занятия спортом, песни под баян, чудесные концерты, костры в лесу под небесами во время закрытия», – вспоминала Л. П. Прокофьева (Каюкова)⁵³³. Несмотря на нововведения в распорядке дня, скромные бытовые условия и нехватку продуктов в рационе, пребывание в пионерских лагерях шло детям на пользу. Помимо приобретения новых навыков они получали возможность восстановить физическое здоровье и душевные силы.

Для детей, чьи родители не могли приобрести путёвку в пионерский лагерь, в клубах, садах и при школах открывались площадки санаторного⁵³⁴ и обычного типов⁵³⁵. Так провести своё свободное время в 1942 г. могли 3500 учащихся тюменских школ⁵³⁶. Подобная практика была характерна и для других тыловых городов. Так, Кемеровский горком ВЛКСМ в 1942 г. планировал открыть площадки, рассчитанные на 7 000 человек⁵³⁷. В 1943 г. в Тюмени детские площадки должны были посетить 3000⁵³⁸ детей и подростков, в 1944 г. – 3000⁵³⁹, в 1945 г. – 3000⁵⁴⁰. Днём под надзором учителей или пионервожатых они играли, изучали элементы военного дела, занимались общественно-полезным трудом (собирали макулатуру и металлолом), репетировали творческие номера. Вечером дети расходились по домам.

---

⁵³³ Когда бабушка была маленькой. С. 36.

⁵³⁴ На площадках санаторного типа дети получали усиленное питание.

⁵³⁵ Организация летнего отдыха детей в 1943 г. // Красное Знамя. 1943. 18 мая.

⁵³⁶ Протокол № 8 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 23 апреля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 446. Л. 131.

⁵³⁷ Дунбинская Т. И. Организация летних оздоровительных кампаний для детей. С. 66.

⁵³⁸ Протокол № 8 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 22 апреля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 123.

⁵³⁹ Протокол № 7 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 30 марта 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 478. Л. 54.

⁵⁴⁰ Протокол № 9 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 18 апреля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 500. Л. 88.

В программу развлекательных мероприятий для школьников во время пребывания их в летних лагерях входили и походы в кино. Многие респонденты говорили о своей любви к кинематографу и связывали это с «праздничной атмосферой», которая царила в кинотеатре⁵⁴¹. В одном из районов города план за I квартал 1941 г. по количеству зрителей на детских киносеансах был перевыполнен на 258 %⁵⁴².

Интерес к кино у подрастающего поколения не исчез и с началом Великой Отечественной войны. Киносеансы пользовались огромной популярностью у тюменских школьников (как и у их сверстников из других тыловых регионов)⁵⁴³. С одинаковым энтузиазмом они воспринимали не только фильмы, непосредственно адресованные детской аудитории («Тимур и его команда», «Федька», «Буйная ватага», «Будем как Ленин», «Юность командиров» и др.), но и предназначенные к показу для взрослых («Фронтовые подружки», «Мужество», «Александр Пархоменко» и др.). Нередко и взрослым, и детям предлагались к просмотру одни и те же художественные фильмы и кадры кинохроники. Кинопрокатчики при этом могли руководствоваться взглядами И. В. Сталина, по словам которого хорошая картина стоила «нескольких дивизий»⁵⁴⁴. Так, вскоре после создания (уже в апреле 1942 г.) в тюменском кинотеатре демонстрировался документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой».

Кинотеатр «Темп» проводил детские киносеансы, начинавшиеся обычно в 14.00, 14.15. или 14.30 (из-за чего в будние дни школьники, учившиеся во вторую и третью смену, на них не попадали). Но и в выходной день посетить показ удавалось далеко не всем желающим из-за нехватки мест в городском кинотеатре. О масштабах проблемы свидетельствуют воспоминания Н. В. Черномырдиной, мать которой работала заведующей

---

⁵⁴¹ Воспоминания Н. В. Черномырдиной, 1927 г. р. Записаны О. А. Ковалёвой в 2016 г. // Архив автора.

⁵⁴² Записка о выполнении плана по посещаемости киносеансов за I квартал 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 428. Л. 87.

⁵⁴³ Назаров А. И. Указ. соч. С. 178.

⁵⁴⁴ Марьямов Г.Б. Кремлёвский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 49.

тюменского горздравотдела: «Мама иногда звонила в кассу и просила оставить билеты – тогда я ходила»⁵⁴⁵.

Своим постановлением от 11 февраля 1944 г. СНК СССР обязал Комитет по делам кинематографии выделить Омскому облисполкому 4 звуковых киноустановки для последующей организации в городах области звуковых кинотеатров⁵⁴⁶. Вскоре в Тюмени открылся кинотеатр им. 25-летия Ленинского комсомола, репертуар которого был ориентирован на детскую и молодежную аудиторию. Однако популярностью у жителей города пользовался по-прежнему кинотеатр «Темп».

Советское руководство осознавало важность кино как формы досуга, через киноэкран транслировались ценности и идеи, необходимые для воспитания будущих строителей коммунизма (любовь к Родине, трудолюбие, уважение к старшим, коллективизм). Большинство фильмов, которые демонстрировались на экранах («Чапаев», «Котовский», «Александр Пархоменко», «Салават Юлаев»), не были рассчитаны на детскую и подростковую аудиторию. Но школьники с восторгом относились к фильмам, посвящённым военной тематике. Их постоянно пересматривали, цитировали фразы главных героев в кругу сверстников. Некоторые персонажи из фильмов становились примерами для подражания, кумирами детей войны.

Судя по анонсам киносеансов, подавляющее большинство фильмов можно охарактеризовать как приключенческие: захватывающая сюжетная линия, основу которой составляло противостояние «наших» и «врагов», даже если события развивались не на поле боя, а в мирной жизни («Золотое озеро», «Высокая награда», «Цена жизни»). На исходе войны тюменские зрители смогли увидеть и произведения западного кинематографа –

---

⁵⁴⁵ Воспоминания Н. В. Черномырдиной, 1927 г. р. Записаны О. А. Ковалёвой в 2016 г. // Архив автора.

⁵⁴⁶ О мероприятиях по улучшению городского хозяйства и культурно-бытового обслуживания населения городов Омской области // Красное знамя. 1944. 26 февраля.

английский приключенческий фильм «Джордж из Динки-джаза» и американскую музыкальную комедию «Серенада солнечной долины».

Кино, по выражению В. П. Крапивина, распаховало для школьников 1940-х годов «тесный трехмерный мир с его жидкими фиолетовыми чернилами в непроливашках, с красными двойками на страницах в косую линейку, с заросшими чертополохом окрестными кварталами, с очередями за мукой и керосином»⁵⁴⁷.

Привлекала школьников и театральная жизнь, хотя в репертуаре Тюменского драмтеатра не имелось ни одного «подлинно детского спектакля»⁵⁴⁸. Во время утренних представлений они могли наблюдать за такими постановками, как «Раскинулось море широко», «Весна в Москве», «Москвичка», «Лес» и «Бешеные деньги», «Броненосец Потёмкин», «Александр Невский» и «Секретарь райкома». Со временем в репертуар театра вошли и новые постановки, в частности «Фронт» А. Е. Корнейчука, «Русские люди» К. М. Симонова. Детскими эти спектакли не назовёшь, но именно они были рекомендованы руководством городских образовательных учреждений для просмотра учащимися. Детские же спектакли в репертуаре городского театра отсутствовали вплоть до 1945 г.

Альтернативой им могли быть постановки, которые дети самостоятельно осуществляли во дворе, о чем вспоминала, например, Л. Г. Дрозд. Зрителями становились родственники и соседи, в том числе и из других дворов. На выручку от проданных билетов все вместе шли к кинотеатру «Темп»: «Там, на углу улиц Республики и Дзержинского, около ресторана “Сибирь”, стояла мороженщица в клеенчатом фартуке, с тележкой, на которой в специальном отверстии был установлен высокий узкий бачок. Полная, румяная, смешливая тетя Дуся круглой алюминиевой ложкой с длинным черенком доставала из бачка мороженое, плотно укладывала его в жестяную формочку, предварительно положив на ее дно круглую вафлю, а

---

⁵⁴⁷ Крапивин В. П. Славка с улицы Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/> (дата обращения: 17.09.2022).

⁵⁴⁸ Бушуева К. Зритель о театре // Красное знамя. 1942. 14 января.

потом, накрыв еще одной вафлей, движущимся доньшком выталкивала мороженку и отдавала покупателю. Формочки были двух размеров. Мы всегда брали те, что поменьше: вафель получалось вдвое больше... Держа мороженку двумя пальцами за вафли, получивший облизывал ее четко определенное число раз и передавал следующему, вафли также делили на всех поровну»⁵⁴⁹.

Ажиотаж вокруг кино и театра в целом, а также военных фильмов и кинохроник в частности, имел и негативные последствия. Желая попасть на премьеру, ученики сбегали с уроков. Многие мальчишки залезали под сиденья в кинозале, чтобы остаться на следующий сеанс⁵⁵⁰, прогуливая занятия. Дефицитность билетов служила причиной спекуляции ими; в перепродажах нередко участвовали и подростки, которые, в отличие от взрослых, имели больше времени на то, чтобы постоять в очереди.

Пресечь подобные практики руководство Наркомата просвещения РСФСР попыталось через регламентацию походов в кино. Глава Наркомата просвещения РСФСР В. Потёмкин 16 декабря 1943 г. направил в ЦК ВКП (б) – А. Щербакову и Г. Маленкову и в Совнарком СССР – В. Молотову письмо «Об обслуживании детей и подростков театрами и кино», в котором отметил, что этот процесс не упорядочен: «Отсутствие каких-либо ограничительных мер позволяет детям в любое время – днём и вечером посещать кино и театры»⁵⁵¹. Своим приказом от 2 февраля 1944 г. нарком запретил учащимся младше 16 лет посещать в учебные дни кино и театры без разрешения руководства школы и без сопровождения учителей или пионервожатых⁵⁵². Однако воспоминания респондентов свидетельствуют о том, что принятые меры не привели к прекращению самовольных походов в кино и театры.

---

⁵⁴⁹ Когда бабушка была маленькой... С. 49.

⁵⁵⁰ Воспоминания В. Н. Кубочкиной, 1929 г. р. Записаны О. А. Ковалёвой в 2016 г. // Архив автора.

⁵⁵¹ Жукова О. Г. Великая Отечественная: школьная реформа с элементами элитарности? // Историческое обозрение. 2014. № 15. С. 77.

⁵⁵² Об упорядочении посещения учащимися начальных, семилетних и средних школ кино, театров и других зрелищ // Народное образование. Основные постановления и приказы. С. 153–154.

Многие из опрошенных рассказывали, как периодически смотрели фильмы или спектакли отдельно от своего класса, причём в вечернее время. Подтверждают это и отчёты городского отдела НКВД, в которых содержится информация о кражах в очередях в кассы кинотеатра на последние сеансы, которые совершали учащиеся школ.

Особое место в конструировании властями досуговых практик подрастающего поколения отводилось праздникам. Вплоть до второй половины 1930-х гг. сценарии детских праздников во многом копировали взрослые торжества, продолжая революционную тематику. Так, практически идентичными были празднования в честь 22 апреля (день рождения В. И. Ленина), 23 февраля, 1 мая, 19 мая (дата создания пионерской организации), 7 ноября.

Вместе со взрослыми дети и подростки участвовали в демонстрациях, ходили смотреть на военные парады, украшали здания советской атрибутикой, пели революционные песни, выступали с творческими номерами. Особых, детских, практик празднования не сложилось, что было связано с представлениями советской власти о детях, как об активных членах общества, подрастающих революционерах с незапятнанным прошлым, которые в будущем должны будут построить коммунизм.

Корректировки политического курса страны, произошедшие во второй половине 1930-х гг., повлияли и на сценарии детских праздников. Концепция «счастливого детства» предполагала создание особых практик празднования для подрастающего поколения⁵⁵³. Действуя в рамках этой концепции, советской власти удалось достигнуть определённых результатов к концу третьего десятилетия XX в. Большинство детских праздников по-прежнему было связано с революционной тематикой, хотя происходившие события

---

⁵⁵³ Концепция «счастливого детства» ставила во главу угла ребёнка, который пользовался всеми благами государства. До этого же момента превалировала концепция о «ребёнке-активисте», активном участнике советского общества // Подробнее см.: Келли К. Маленькие граждане большой страны... URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrimon.html> (дата обращения: 20.05.2021).

накладывали отпечаток на сценарии для их проведения. Так, отказ от идеи мировой революции и строительство социализма в отдельно взятой стране привели к усилению патриотических мотивов (и как следствие – военной тематики), частичному признанию имперского прошлого. Последнее выразалось в возвращении некоторых элементов дореволюционного праздничного календаря.

Эти мероприятия стали носить развлекательный характер: на стол выставлялись сладости и фрукты, проводились конкурсы (песен, стихов, танцев, костюмов). Дети могли поиграть в настольные игры, порешать головоломки, посмотреть театральные постановки, послушать музыку и потанцевать. В целом же детские праздники 1930-х гг. «подчёркивали все радости этого возраста и одновременно отражали полноту родительских чувств по отношению к счастливым детям»⁵⁵⁴.

Церковное Рождество оказалось вычеркнутым из праздничного календаря, взамен его с личного одобрения высшего руководства страны на государственном уровне стал отмечаться Новый год, ставший главным детским праздником. 28 декабря 1935 г. в «Правде» была опубликована статья кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б), второго секретаря ЦК КП(б) Украины П.П. Постышева, в которой говорилось: «В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии всегда устраивали на новый год своим детям елку... Почему у нас школы, детские дома, ясли, детские клубы, дворцы пионеров лишают этого прекрасного удовольствия ребятишек трудящихся Советской страны? Какие-то, не иначе как “левые”, загибщики ославили это детское развлечение как буржуазную затею. Следует этому неправильному осуждению елки, которая является прекрасным развлечением для детей, положить конец»⁵⁵⁵. Статья была воспринята как партийная

---

⁵⁵⁴ Асташов А. Б. Динамика праздничной парадигмы в культуре советского детства в 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 7. С. 114.

⁵⁵⁵ Постышев П. П. Давайте организуем к новому году детям хорошую елку! // Правда. 1935. 28 декабря.

директива. С этого времени ежегодно по всей стране проводились мероприятия для детей и подростков: балы-маскарады, утренники, вечера художественной самодеятельности.

Существовала также особая практика отмечать Новый год в кругу семьи. Квартиру украшали гирляндами, зажигали свечи, на видное место выставляли красивые вещи (игрушки, статуэтки, шкатулки), наряжали ёлку. Родители вручали детям подарки, а также накрывали праздничный стол. На тюменском рынке с середины 1930-х гг. регулярно организовывались новогодние базары⁵⁵⁶.

Автор книги о елочных игрушках А.А. Сальникова, ссылаясь на материалы полученных ею интервью, утверждает, что «война положила конец еще только зарождающейся советской новогодней традиции»⁵⁵⁷.

Однако, по нашим сведениям, Новый год оставался важным праздником для тюменских школьников и в военные годы. Основные мероприятия проходили в стенах школ, куда приглашали всех учащихся. Вместе с тем уже в первый военный год некоторые предприятия Тюмени организовали новогодние ёлки для детей фронтовиков. Так, в газете «Красное знамя» от 7 января 1942 г. было опубликовано письмо А. Дробышевой, в котором она благодарила партком и фабком завода им. Кирова за проведение ёлки, которая «принесла столько радости детишкам»⁵⁵⁸.

В зимние каникулы учащиеся младших классов ходили на утренники, где многие девочки наряжались снежинками, а мальчики – зайчиками⁵⁵⁹. Старшеклассники же посещали балы-маскарады, куда приходили в костюмах «деревенской девицы»⁵⁶⁰, пажа⁵⁶¹, красноармейцев, моряков, сказочных

---

⁵⁵⁶ Бакулина Т. И., Бородулина Е. В. Указ. соч. С. 26.

⁵⁵⁷ Сальникова А. А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М., 2011. С. 174.

⁵⁵⁸ Забота о семье красноармейца // Красное знамя. 1942. 7 января.

⁵⁵⁹ Воспоминания М. А. Смирновой, 1935 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2013 г. // Архив автора.

⁵⁶⁰ Воспоминания Г. А. Полозковой, 1930 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2017 г. // Архив автора.

персонажей. Наряды ученики мастерили самостоятельно, из подручных средств или брали на время у своих друзей, знакомых, родственников. Не оставались в стороне и родители, которые искали материалы для костюма, ушивали или перекраивали наряд. Некоторые из них использовали своё служебное положение, чтобы одеть ребёнка на праздник: «Помню, как-то мама договорилась с Драмтеатром и достала мне костюм пажа», – вспоминала Н. В. Черномырдина⁵⁶².

Несмотря на военное время, на новогодних торжествах присутствовал главный атрибут праздника – ёлка, украшенная гирляндами и игрушками (фонариками, цепочками, снежинками), хотя общегородскую ёлку стали ставить только в послевоенные годы. Игрушки ученики приносили из дома или мастерили на занятиях в школьных кружках. На сцене выступали Дед Мороз и Снегурочка, ученики водили хороводы, пели, танцевали и играли. В программу мероприятия входил концерт художественной самодеятельности. Ученики показывали творческие номера, в основном, на военную тематику, в которых демонстрировались ловкость, смекалка, сила красноармейцев и высмеивались немецкие военнопленные и политические деятели. Например, в одной постановке ребята показали, как «красный разведчик, отправившийся на поимку “языка”, взял в плен здорового фрица и, сев на него верхом, доставил в часть»⁵⁶³.

Сохранилась практика угощения на новогодних мероприятиях. В качестве такового на праздничный стол чаще всего выставлялись булочка и чай, реже ученики получали сладости или фрукты (в основном, яблоки). Вручали и подарки, но далеко не всем. В первую очередь их получали бесплатно наиболее нуждавшиеся школьники (дети фронтовиков и инвалидов, сироты): «На праздники нам подарки дарили (конфеты, пряники, яблоки), детям фронтовиков прямо по домам их развозили. Радости-то у нас

---

⁵⁶¹ Воспоминания Н. В. Черномырдиной, 1927 г. р. Записаны О. А. Ковалёвой в 2016 г. // Архив автора.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ Осипов Д. На общегородской ёлке // Красное знамя. 1944. 8 января.

было! Другим детям было обидно и завидно, но зато у них отцы были дома, а у нас нет», – вспоминала А. И. Петухова⁵⁶⁴. Некоторые же дети вообще не получали подарков из-за недостаточного финансирования местными органами власти подобных мероприятий. Так, в 1944 г. на 8617 детей школьного возраста⁵⁶⁵ было выделено только 6000 подарков⁵⁶⁶. В 1945 г. ученикам школ, воспитанникам детских домов и интернатов, родители которых были на фронте, вручили 15 000 подарков (из них 5 000 было роздано бесплатно)⁵⁶⁷.

Учащиеся порой придумывали различные способы, чтобы разнообразить свой праздничный стол. Об одном из них рассказала Г. А. Полозкова: «Мы были в VI или VII классе и решили отметить Новый год. А чем отметить? Нам выдавали небольшие булочки из чёрной муки с примесью. Их раз куснул – и ничего нет. Мы целую неделю всем классом не ели, а собирали булочки, которые выдавали в столовой, чтобы накануне праздника продать их на рынке и купить что-нибудь сладенькое. В общем, продали и купили [*сладости*. – Д. В.]. Праздник был хороший»⁵⁶⁸.

Но главным в празднике было настроение, а не изысканное угощение или богатое убранство школьного зала. М. Д. Каштанова вспоминала о встрече нового, 1943, года: «Каждый шел на вечер с поленом дров, так как школа уже несколько дней не отапливалась. В коридоре, который заменял зал, стояли две железные печурки, весь вечер кружились вокруг этих печурок, веселились. Каждому был выдан кусок хлеба с повидлом»⁵⁶⁹.

Эмоциональное и подробное описание празднования Нового года многими опрошенными нами респондентами свидетельствует о его важности

---

⁵⁶⁴ Воспоминания А. И. Петуховой, 1934 г. р. Записаны А. В. Ющенко в 2015 г. // Архив автора.

⁵⁶⁵ Такое количество указано в протоколе заседания XXXII сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 7 июня 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 458. Л. 237.

⁵⁶⁶ Зимний отдых детей // Тюменская правда. 1945. 5 января.

⁵⁶⁷ Тюменская правда. 1945. 27 февраля.

⁵⁶⁸ Воспоминания Г. А. Полозковой, 1930 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2017 г. // Архив автора.

⁵⁶⁹ Иванова Л. В. История тюменской школы № 25... С. 20.

в жизни поколения военного времени. По всей видимости, он ассоциировался у них с мирной жизнью. Действительно, мы можем говорить о том, что в нем наиболее полно воплотилась концепция «счастливого детства». С началом войны, в чрезвычайной ситуации, положение детей и подростков в обществе изменилось. На их плечи легли дополнительные обязанности, что в совокупности с ухудшением материально-бытовых условий жизни способствовало тому, что представители поколения детей войны быстрее выросли, чем их сверстники в мирное время. Новогодние же торжества по большей части сохранили довоенную атрибутику (символику). Это позволяло хоть на какое-то время детям почувствовать себя детьми, дистанцироваться от окружающей действительности.

Празднования же, приуроченные к 23 февраля, 1 мая и 7 ноября, практически не изменились, только основной акцент был смещён с революционной тематики на военную. К этим знаменательным датам начинали готовиться заранее. Ученики украшали школу флажками, бумажными цветами, плакатами⁵⁷⁰, готовились к конкурсам стихотворений, рисунков и очерков. Подарки получали, как правило, только особо нуждающиеся, в частности, сироты и дети фронтовиков. Ежегодно собирали и отправляли подарки на фронт красноармейцам. В рамках праздничных мероприятий ученики рассказывали о фронтовых и трудовых подвигах советского народа, давали обещания учиться только на «хорошо» и «отлично», помогать нуждающимся, а также активно участвовать в сборе металлолома и макулатуры, перечислять деньги и вещи в Фонд обороны.

К памятным датам относилось и 21 января – скорбная дата кончины В. И. Ленина. По словам В. П. Крапивина, «власти, видимо, считали: весь народ настолько угнетен печалью, что трудиться ему в это время тяжело, и траурный день был объявлен нерабочим»⁵⁷¹. В школах проводились траурные линейки и сборы, на которые некоторые пионеры приходили в галстуках,

---

⁵⁷⁰ Бей О. Н. Указ. соч. С. 224.

⁵⁷¹ Крапивин В. П. Непроливашка // Славка с улицы Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/> (дата обращения: 17.09.2022).

обшитых черной каёмкой. Но преобладающее среди детей отношение к этой дате писатель отразил весьма определенно: «Владимир Ильич был для нас чем-то вроде легенды или персонажа из кино. А мысли о завтрашнем выходном, когда можно будет всласть покататься на санках и лыжах, каждому грели душу... Ведь этот неучебный день – единственное светлое пятно в серой тягомотине школьных недель»⁵⁷².

Значимым праздником в жизни ребёнка, несмотря на реалии военных лет, продолжал оставаться День рождения. По воспоминаниям респондентов, они с трепетом ждали его наступления. В свою очередь, их родители пытались воссоздать атмосферу праздника, придавали ему огромное значение. Даже несмотря на тяжёлое материальное положение, они старались что-нибудь купить к празднику. Конечно, подарок отличался от тех, что обычно вручали в довоенное время. Если раньше детям обычно покупали игрушки, то в военные годы чаще всего – продукты. Г. А. Полозкова описала свои эмоции в тот момент, когда случайно нашла свой подарок: «Как сейчас я помню, мне уже было лет 11, наверно, или 12. На кухне шкапулки стояли, и на верхней полке я узрела какую-то красивую чашку. Залезла, когда никого не было, и смотрю, там лежал кусок сливочного масла. Я ходила и спрашивала у родителей: “День Рождения же уже скоро. А когда мне подарят?” И когда мне подарили этот кусочек масла и сливочник, это было так вкусно, вот я на всю жизнь запомнила, каким же вкусным был этот такой подарок»⁵⁷³.

К сожалению, респонденты не смогли вспомнить, отмечали ли они свой День рождения в классе. В архивных документах нам также не удалось найти информацию об этом. Возможно, именинника поздравляли в классе его одноклассники и классный руководитель, но подарков он не получал, поскольку в годы войны деньги тратились только на необходимые нужды. Схожая ситуация была и в других тыловых регионах Советского Союза. Так,

---

⁵⁷² Там же.

⁵⁷³ Воспоминания Г. А. Полозковой, 1930 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2017 г. // Архив автора.

В. М. Коренюк в своей диссертации особо отмечала, что никто из её респондентов не дарил подарки и не получал их от других. Причина была та же – «не было такой возможности»⁵⁷⁴. Не упоминали в своих рассказах респонденты и о том, отмечали ли в их семьях религиозные праздники. Весьма вероятно, что в некоторых семьях сохранились такие традиции. В другом тыловом регионе, Молотовской области, судя по данным, приведённым В. М. Коренюк, в некоторых семьях регулярно отмечали Пасху⁵⁷⁵.

Любимым занятием многих детей и подростков было чтение. По словам респондентов, любовь к литературе им привили родители. Во многих семьях имелись небольшие домашние библиотеки, которые по возможности взрослые старались пополнить новыми книгами. Школьные педагоги и сотрудники библиотек, со своей стороны, готовили для учащихся рекомендации по выбору литературы, составляли тематические библиографические списки.

Тюменские школьники зачитывались произведениями советских авторов Л. Кассиля, Н. Островского, М. Горького, А. Гайдара и других. Интересовались они и трудами классиков русской литературы (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого). Общепринятым является мнение, что «неотъемлемой составляющей детства является авантюрное начало», в связи с чем «круг детского и особенно подросткового чтения (а также видения) – это прежде всего мир приключений»⁵⁷⁶. Поэтому больше всего внимание детей привлекал именно этот жанр литературы (Д. Дефо, Р. Л. Стивенсон, Ж. Верн). Персонажи таких книг для многих юных тюменцев становились примерами для подражания.

Вместе с тем, по справедливому замечанию И. В. Кондакова, советское

---

⁵⁷⁴ Коренюк В. М. Повседневная жизнь детей... С. 92

⁵⁷⁵ Там же. С. 94.

⁵⁷⁶ Кондаков И. В. «Сила случая»: Авантюрно-приключенческие жанры в литературной культуре детства // «Гуляй там, где все». История советского детства: опыт и перспективы исследования. М., 2013. С. 89.

детство нуждалось и в собственных авантурных героях, вооруженных революционной идеологией, и соответствующих современных сюжетах, отличающихся динамизмом, конфликтностью, острой борьбой старого и нового»⁵⁷⁷. Новыми кумирами становились летчики, полярники, первооткрыватели, исследователи Арктики, например, В. П. Чкалов, участники экспедиции И. Д. Папанина, В. С. Гризодубова, П. Д. Осипенко, М. М. Раскова. Эти же герои нередко становились персонажами детских игр: «Сегодня мы в Чкалова играем или в “папанинцев”, завтра летим уже с Осипенко, с Расковой и Гризодубовой на Дальний Восток»⁵⁷⁸.

С особым восторгом представители поколения детей войны восприняли книгу «Тимур и его команда», которая вдохновила их на создание тимуровских отрядов. Наоборот, советские дети и подростки негативно относились к некоторым историческим персонажам, образ которых активно пропагандировался в 1930-х гг. Самым известным среди них был Павлик Морозов. Как пишет К. Келли в своей книге⁵⁷⁹, несмотря на все усилия советской власти, Павлик Морозов не стал кумиром для детей и подростков. Многие из них считали его поступок предательством. Тимур же являлся «героем своего времени». С одной стороны, его черты характера (настойчивость, мужество, великодушие, честность) и поступки (помощь нуждающимся, защита слабых) приобрели особую значимость с началом войны, что стало причиной целенаправленной популяризации властью этого персонажа среди детей и подростков. С другой, он полностью соответствовал представлениям подрастающего поколения об их роли в жизни общества, стремлениям принести пользу, помочь победить в войне. Самого писателя, по словам его друга Р. И. Фраермана, не удивляло стремление детей играть в разбойников: «Ежели подумать хорошо, то ведь разбой всегда считался

---

⁵⁷⁷ Кондаков И. В. «Сила случая»... С. 101.

⁵⁷⁸ Воспоминания Г. А. Полозковой, 1930 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2017 г. // Архив автора.

⁵⁷⁹ Подробнее см.: Келли К. «Товарищ Павлик». Взлет и падение советского мальчика-героя / пер. с англ. И. Смиренской. М., 2009.

делом плохим и всегда наказывался. А между тем ребята – чуткий народ, они зря играть не будут. Тут дело в другом. Дело в том, что, играя в разбойников, ребята играли в свободу... Советские же дети живут в иных условиях, в иное время, не похожее ни на какие другие времена, и поэтому игры у них другие. Они не будут играть в разбойников, которые сражаются с королевскими стрелками. Они будут играть в такую игру, которая поможет советским солдатам сражаться с разбойниками»⁵⁸⁰. Можно согласиться с точкой зрения Е. А. Добренко, согласно которой популярность книг А. П. Гайдара определялась главным его открытием – «самозарождением» организации детей через игру⁵⁸¹.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны советская власть в деле конструирования практик свободного времяпрепровождения учащихся особое внимание уделяла организованному досугу – комплексу мероприятий, проводимых советскими и партийными работниками, учителями и пионервожатыми, целью которых было укрепление здоровья ребёнка, приобретение им знаний и навыков, необходимых для формирования полноценной личности и гражданина – будущего строителя коммунизма. Именно меры по конструированию организованного досуга, по мнению советских педагогов и работников Наркомпроса, ограждали ребёнка от негативного влияния улицы, тем самым способствуя полноценному процессу социализации.

Несмотря на трудности военного времени, вызванные сокращением финансирования социальной сферы, увеличением численности детей школьного возраста, руководству города и работникам школ во многом удалось сконструировать практики проведения учащимися школ организованного досуга. В условиях военного времени основными становились коллективные формы времяпрепровождения, что полностью

---

⁵⁸⁰ Фраерман Р. И. Наш Гайдар // Жизнь и творчество А.П. Гайдара. М.; Л., 1951. С. 94–95.

⁵⁸¹ Добренко Е. А. «... Весь реальный детский мир» (школьная повесть и «наше счастливое детство») // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей, 1920-е – 1930-е гг. СПб., 2013. С. 196.

соответствовало представлениям советских педагогов о правильном воспитании. На первый план выдвигалась не только идейная составляющая того или иного времяпрепровождения, но и его полезность (практичность). Так, деятельность кружков и секций была направлена на получение актуальных военных и трудовых знаний и навыков, просмотр кино способствовал формированию определённого мировоззрения и подъёму патриотических настроений, отдых в пионерском лагере позволял наиболее ослабленным детям не только немного поправить своё здоровье, но и обучиться взаимодействию с природой. Праздничные мероприятия различались по своей идейной направленности. Многие из них были политизированы и должны были способствовать росту патриотических настроений, другие носили развлекательный характер и были призваны разнообразить череду военных будней.

Практики организованного досуга тюменских школьников и их сверстников из других тыловых регионов Советского Союза во многом были схожи.

3.2. Дворовая повседневность детей и подростков Тюмени в годы Великой Отечественной войны

Унификации и контролю взрослых подлежала и территориальная организация советского детства⁵⁸². Но, несмотря на стремление властей регламентировать весь распорядок дня ребёнка, у него оставалось свободное время, которое он обычно проводил на улице вместе со своими друзьями.

---

⁵⁸² Илюха О. П. Восприятие и освоение детьми запретных и таинственных мест в новом советском городе: случай послевоенной Сортавалы // Вестник ПСТГУ. Сер. 4. Педагогика, психология. 2020. Вып. 58. С. 129.

Все опрошенные нами респонденты, проживавшие в Тюмени в военные годы, использовали в своих рассказах понятие «двор», что, по мнению М. В. Ромашовой, было связано «с развитием городской инфраструктуры». В отличие от них, те, кто проживал в сельской местности, согласно В. М. Коренюк, обычно говорили об «уличной жизни»⁵⁸³.

Двор, по свидетельству В. П. Крапивина, называвшийся на языке тюменской детворы «оградой»⁵⁸⁴, являлся своеобразным «локусом свободы», неподконтрольным миру взрослых.

Любимым занятием были игры. Как отметил один из респондентов, «очень много во дворе играли, потому что когда играешь, есть не хочется»⁵⁸⁵.

В этом процессе ребёнок преобразовывал окружающую действительность, используя образы, которые закладывались взрослыми: родственниками, работниками школы, пионервожатыми, с которыми он проводил большую часть времени. Нужные образы внедрялись в сознание детей также через игрушки, периодическую печать, книги.

В 1920-е–1930-е гг. наиболее удачной для советской власти оказалась стратегия пропаганды престижности военной службы, неизбежности скорой войны и подготовки к ней всего народа. Именно этим определялся повышенный интерес подрастающего поколения к военной тематике в целом и военным играм в частности. Многие советские дети и подростки любили играть в «красных-белых», «танковый бой» и другие разновидности «войнушек». С началом же военного времени в повседневную жизнь школьников вошли такие игры, как «Следопыты», «Рейд в тыл врага», «Кукушка», о которых они узнавали на занятиях по военному делу. По некоторым из них устраивались общесоюзные соревнования. Самые масштабные проводились по игре «Рейд в тыл врага». По правилам игры

---

⁵⁸³ Цит. по: Коренюк В. М. Детская игровая повседневность... С. 80.

⁵⁸⁴ Крапивин В. П. Славка с улицы Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/> (дата обращения: 17.09.2022).

⁵⁸⁵ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

участники делились на две команды. Побеждала та, которой удавалось захватить флаг противника. Для защиты своего флага школьники возводили оборонительные сооружения, назначали часовых, а для того, чтобы победить, разрабатывали план наступления. Как правило, в подобных играх роли распределялись по гендерному признаку: мальчики обычно «становились» красноармейцами, девочки же – медсёстрами. В ходе игры участники имитировали ситуации, происходившие на фронте, в частности перевязывали раненых, брали пленных, захватывали вражеские знамёна (флаги), несли дежурство.

Противоборствующие стороны в детских военных играх обычно зависели от внешнеполитического курса страны. Так, с началом Советско-финляндской войны отрицательными персонажами стали финны, а с началом Великой Отечественной – немцы, итальянцы и румыны. Никто из участников игры не хотел быть «врагом», все мечтали выступать только на стороне «красноармейцев». Властями всецело поощрялся интерес детей и подростков к подобным играм, поскольку ребёнок приобретал ценные знания и навыки по военному делу.

Любопытно, что в воспоминаниях тех, кто, будучи школьником, проживал в военную пору на территории, занятой врагом, в частности в Краснодарском и в Орджоникидзевском (с 1943 г. – Ставропольском) краях, общение со сверстниками во время оккупации редко называлось игрой. И даже на прямые вопросы о детских забавах информанты порой отвечали, что игры (в том числе казаки-разбойники, дуга и пр.) появились лишь после войны⁵⁸⁶. Возможно, это обуславливалось особенностями жизни в условиях оккупации, прежде всего ограничениями в перемещении (причем как официально установленными оккупационными властями, так и неформальными – со стороны родителей, опасавшихся оставлять детей на

---

⁵⁸⁶ Реброва И. В. В кругу «своих», «чужих» и «других»: анализ устных воспоминаний детей о войне 1941–1945 гг. // «Гуляй там, где все». История советского детства: опыт и перспективы исследования. М., 2013. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»; вып. 14). С. 246.

улице без присмотра). В Сталинграде же, на территории которого велись боевые действия, наоборот, из-за войны в пространственном отношении расширилась территория игры: «Появилось больше свободных от застройки зон. Даже развалины военного Сталинграда не удручали детей...»⁵⁸⁷.

В. П. Крапивин воспроизвел правила мальчишечьей жизни в своём дворе: «Игра – это игра; а если драка, то голыми руками и один на один. И главное – не без причины, а если уж очень накопело. Здесь могли отобрать или даже стащить самодельный пистолет или рогатку, но никому бы в голову не пришло отнимать копейку или купленную игрушку. Здесь твердо знали, что нельзя нападать сзади, бить лежащего, жадничать, хвастаться обновками и бросать человека в трудную минуту»⁵⁸⁸.

Судя по проведённым нами интервью, в тыловой Тюмени пользовались популярностью совместные игры, в том числе и те, в которых отсутствовала военная тематика. Во многих дворах можно было увидеть ребятню, игравшую в лапту, «цепи-кованные», «дочки-матери», «ручeёк», «городки», «прятки». Любили играть в мяч: лапту, штандр. Зимой многие катались на коньках⁵⁸⁹, лыжах, санках, лепили снеговиков, устраивали «снежные войны». Любимым местом многих учеников был берег реки, с которого они кубарем скатывались на самодельных ледянках.

Во многих играх не было разделения по гендерному признаку. По мнению В. М. Коренюк, это объяснялось «бедной социальной средой, невозможностью приобрести игрушки, низким развитием игровой культуры в провинции»⁵⁹⁰. Но мы считаем, что здесь определённую роль сыграла и советская педагогика, в рамках которой признавалась полезность

---

⁵⁸⁷ Рыблова М. А., Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П. [и др.]. Детство и война... С. 131.

⁵⁸⁸ Крапивин В. П. Славка с улицы Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/> (дата обращения: 17.09.2022).

⁵⁸⁹ Во многих тюменских семьях дети катались на коньках, представлявших собой лезвия, которые привязывались к валенкам.

⁵⁹⁰ Коренюк В. М. Детская игровая повседневность... С. 81.

совместного времяпрепровождения мальчиков и девочек вне учёбы⁵⁹¹. Но были и девчачьи игры. Так, по воспоминаниям Л. Г. Дрозд, вместе с подружками она очень любила прыгать – «в классики», «в баночку», со скакалкой или на доске, положенной на бревно. На доске прыгали вдвоём, а то и троём, когда третья сменяла то одну, то другую, общий ход прыжков при этом не прерывался: «Какое удовольствие было взлетать и с силой опускаться на доску, чтобы как можно выше взлетела твоя напарница! Мальчики на доске не прыгали, это уже была привилегия девчонок»⁵⁹².

Интересен тот факт, что опрошенные нами респонденты не упоминали об играх, которые представляли опасность для жизни: например, подростки (чаще всего мальчики) ложились между шпалами железнодорожного полотна в углубления и ждали, когда проедет поезд; катались на коньках, прицепившись за крюк к грузовику⁵⁹³. Однако В. П. Крапивин в автобиографической повести «Непроливашка» упоминал, что его сосед – пятиклассник Пашка – на прикрученных к валенкам коньках катался по обледенелой дороге за проходящими машинами: «В ту пору у многих пацанов это было любимое развлечение. Специальным длинным крючком они цеплялись за кормовой борт полуторки или ЗИСа и мчались на своих “снегурках” по твёрдой накатанной колее. Бывало, что такая забава кончалась бедой, если сзади оказывалась еще одна машина. И понятно, что взрослые с такими “крючочными” играми боролись всеми силами. Были и приводы в детскую комнату, и снижение оценки за поведение и “домашние” родительские меры»⁵⁹⁴.

По словам В. П. Лазаревой, очень было распространено катание на коньках за лошадьё, запряженной в сани: «Можно было видеть такую картину: ребята цепляются за сани длинными крючками из толстой

---

⁵⁹¹ В это же время в советской педагогике господствующей стала концепция отдельного обучения в школах.

⁵⁹² Когда бабушка была маленькой... С. 50.

⁵⁹³ Подробнее см.: Кореньюк В. М. Детская игровая повседневность. С. 81.

⁵⁹⁴ Крапивин В. П. Непроливашка // Славка с улицы Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/> (дата обращения: 17.09.2022)

проволоки и едут, пока не заметит их возница. Хотя лошадь не машина, но это занятие безопасным не назовешь»⁵⁹⁵.

Инвентарь для игр ученики, как правило, мастерили самостоятельно. В качестве материалов использовались палки, металлолом, обрезки ткани, шерсти, а также обрывки газет. Из них шили кукол, делали деревянные кубики, вырезали новогодние украшения. Многие тюменские мальчишки выстругивали себе деревянные пистолеты – поджиги, стрелявшие с помощью резинки горохом или сухими ягодами и называвшиеся, вне зависимости от размера и вида, наганами⁵⁹⁶.

Новая игрушка была редкой вещью, купить её в Тюмени в военное время было невозможно, поэтому дети пользовались куклами, моделями автомобилей и военной техники (танков, мотоциклов, кораблей), игрушечным оружием, кубиками, выпущенными еще до войны: «Игрушки были у меня в основном бракованные. Была у меня очень красивая куколка, уж очень красивая, любила я её. У неё тело было тряпичное, а голова – целлулоидная. И она раскололась пополам. Детали надо было склеивать, и ребята мне склеивали их. Но кукла снова ломалась, поэтому мальчишки регулярно чинили её. У меня ещё была игрушечка с отломанной головой, фарфоровая, малыш. До войны мне ещё подарили [родители – Д. В.] домик, сделанный из фанеры»⁵⁹⁷.

В некоторых семьях сохранились дореволюционные игрушки, которые, по словам респондентов, ценились выше советских, поскольку были качественнее и красивее. Из-за этого играть с ними на улице, а в некоторых семьях даже дома, детям строго запрещалось. Как правило, такие игрушки выставлялись в качестве украшений на важные семейные праздники, например, День рождения или Новый год. Подобное отношение к вещам, по

---

⁵⁹⁵ Когда бабушка была маленькой... С. 21.

⁵⁹⁶ Крапивин В. П. Славка с улицы Герцена [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/> (дата обращения: 17.09.2022).

⁵⁹⁷ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

мнению В. Б. Голофаства, является типичным для традиционных и раннеиндустриальных обществ, для которых характерен дефицит товаров⁵⁹⁸. В связи с этим люди бережно относились к одежде, обуви, предметам домашней обстановки, стараясь продлить им «жизнь». В реалиях же военного времени, когда прекратился выпуск многих товаров народного потребления, а доходы населения снизились, ценность вещи увеличилась. Это не касалось только ситуаций, когда люди оказывались на краю гибели: в этом случае вещи нередко продавали за бесценок, чтобы спастись. Сформировалась особая культура отношения к материальному миру, сочетавшая «строгий рационализм со счастьем обладания минимумом»⁵⁹⁹.

Если погода мешала уличным забавам, ребёнок проводил свободное время дома. Некоторые респонденты упоминали о том, что они регулярно следили за положением дел на фронте. У них в квартирах висела политическая карта Советского Союза, где были указаны основные населённые пункты. И они переставляли флажки, отмечая города, которые были захвачены противником или освобождены Красной Армией.

Кроме двора дети активно осваивали и городское пространство. К лету 1944 г. в Тюмени работали только два сада отдыха – им. Ленина и деревообделочников (на народном жаргоне «Дунькин»). Сад «Спартак» был заброшен; газета сообщала: «Заборы поломаны, скамейки испорчены, аллеи заросли травой, цветов нет. Сюда ежедневно забираются толпы ребятишек, которые ломают деревья и кусты»⁶⁰⁰. Любимой забавой детей тут были прятки: «Прятаться было где: три аллеи из клёнов, тополей и сирени»⁶⁰¹.

Но проводились в садах и детские мероприятия. Например, летом 1944 г. в саду им. Ленина проходили гастроли Московского театра кукол

---

⁵⁹⁸ Подробнее см.: Голофаств В. Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 58–65.

⁵⁹⁹ Баранова В. А., Донцов А. И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 40.

⁶⁰⁰ Злобина С. Сделать городские сады очагами культурного отдыха // Красное знамя. 1944. 27 мая.

⁶⁰¹ Когда бабушка была маленькая. С. 21.

«Цирк на сцене»: «Маленькие зрители увидели живую и веселую постановку... полную ярких красок забавных сценических трюков и веселого смеха. Театр переполнен до отказа»⁶⁰².

Существовали у школьников и такие практики, к которым советская власть и общество относились отрицательно. Многие подростки курили и продавали папиросы⁶⁰³, что крайне негативно воспринималось работниками школы и местных органов власти. На заседаниях Тюменского горисполкома, где подводились итоги учебного года, неоднократно обсуждались проблемы курения и торговли подростками табачными изделиями. К сожалению, не удалось найти каких-либо количественных данных о численности малолетних курильщиков. Хотя в Советском Союзе, в отличие от Российской Федерации, не проводилось какой-либо масштабной государственной кампании по борьбе с курением, очевидно, эта проблема имела серьёзные масштабы, если привлекла внимание депутатов.

Причины столь раннего приобщения к курению могли быть разные: стресс, копирование поведения взрослых (родителей, знакомых, кумиров), стремление стать частью коллектива, желание получить новые ощущения и другие. Такая позиция детей и подростков, очевидно, сформировалась под влиянием внешних обстоятельств. Особую роль в популяризации курения среди несовершеннолетних сыграла «пропаганда» этой вредной привычки через кино. К тому же, многие актёры, ставшие кумирами для советских детей и подростков, курили и в обычной жизни. У многих детей «смолили» и родители. Ребёнок же копировал их привычки и манеры поведения, стремясь быть похожим на них. В основном, курили мальчики, курящих девушек было намного меньше. Это подтверждается воспоминаниями респондентов.

Активное участие детей и подростков в продаже табачных изделий объяснялось, как нам кажется, тем, что в реалиях военного времени

---

⁶⁰² Московский театр кукол // Красное знамя. 1944. 4 июня.

⁶⁰³ Отчёт об итогах работы школ Тюменской области в 1944/1945 учебном году. 25 июля 1945 г. // ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 59. Л. 41.

папиросы и махорка стали ценным товаром, который можно было либо продать, либо обменять на что-то другое, например, на продукты питания. Материально-бытовые условия вынуждали детей и подростков тоже участвовать в формировании семейного бюджета, поэтому они отправлялись торговать на рынок. Самостоятельно «приобрести» папиросы ребёнок мог у раненых бойцов, которые лечились в военных госпиталях города. Согласно постановлению ГКО «О нормах продовольственного снабжения Красной Армии» от 12 сентября 1941 г. военнослужащие получали папиросы, табак⁶⁰⁴. Можно предположить, что кто-то из подростков обменивал на них вещи из дома или же получал их в качестве платы за выполненную работу (например, написание писем родственникам раненого бойца).

Некоторые опрошенные нами респонденты рассказали о своих знакомых, способных на настоящие авантюры: «Во дворе у нас жил Борька, хулиганистый парень, и друг у него был Воля, тоже хулиган: и учиться не хотели, и где-то приворовывали даже, и курили, – всё было. Однажды они собрались на фронт, даже сухари посушили. И вот они с этими сухарями забрались на крышу вагона и поехали, может, ещё с ними кто-то был»⁶⁰⁵. Другие же респонденты отмечали, что среди их сверстников никто не собирался сбежать «на войну», но многие мальчики мечтали вступить в ряды Красной Армии по достижении 18 лет. В целом, настрой юных тюменцев был схож с настроением их сверстников из других регионов Советского Союза. Так, В. М. Коренюк отмечала, что в Молотовской (Пермской) области «особенно популярным среди мальчишек было настроение бежать на фронт (хотя бывали случаи побега и девочек)»⁶⁰⁶.

---

⁶⁰⁴ Постановление ГКО от 12 сентября 1941 г. «О нормах продовольственного снабжения Красной Армии» [Электронный ресурс] // Солдат. RU. URL: soldat.ru (дата обращения: 6.06.2021).

⁶⁰⁵ Воспоминания М. М. Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.

⁶⁰⁶ Коренюк В. М. Провинциальное детство в 1941–1945 гг. (на материалах Молотовской области) // Вестник ПГГПУ. Серия 3: Гуманитарные и общественные науки. 2015. Вып. 2. С. 74.

Работники советских и партийных органов, руководство школ и учителя негативно воспринимали попытки отправиться на войну не только со стороны детей, но даже и подростков. Выпускник 1942/43 учебного года Б. Федотов вспоминал: «Мы в отцовских ватниках, как-то быстро повзрослевшие, все лето и часть осени работали в Ялуторовском районе... убирали хлеб, копали картошку, валили лес. Работали до кровавых мозолей и бредили фронтом... Однако на нашу просьбу послать на фронт горвоенком ответил: “Подождите. Нужно будет – позовем”»⁶⁰⁷.

Возможно, это обуславливалось тем, что эвакуированные в Тюмень предприятия остро нуждались в рабочей силе: на смену ушедшим на фронт мужчинам приходили женщины и подростки. По данным В. П. Южакова, к ноябрю 1942 г. в Тюмени промышленность и транспорт пополнили 10 620 новых рабочих, подготовленных преимущественно из домохозяек, молодежи и подростков. В целом же около 40 % всех рабочих на предприятиях тюменского региона составляла молодежь до 25 лет⁶⁰⁸.

Война способствовала увеличению числа детей и подростков, предоставленных самим себе, без контроля со стороны взрослых. Таких детей и подростков называли беспризорными или безнадзорными⁶⁰⁹. Кто-то из них, не желая жить в крайне стеснённых условиях, сбегал и начинал самостоятельную жизнь. Причём летом ситуация серьёзно усугублялась, поскольку дети и подростки в поисках лучшей жизни уезжали из Тюмени (кое-то из эвакуированных даже пытался вернуться домой). Имеющиеся данные позволяют предположить, что большинство сбежавших были из числа эвакуированных воспитанников детдомов. Как правило, они бежали

---

⁶⁰⁷ Иванова Л. В. История тюменской школы № 25. С. 22.

⁶⁰⁸ Южаков В. П. Мобилизационные процессы. С. 105.

⁶⁰⁹ В довоенное время к безнадзорным руководство города и работники гороно относили детей школьного возраста, которые регулярно погуливали занятия или же вообще не ходили в школу, начинали «шататься по городу, гонять голубей, играть в “чику”», а ещё хуже – воровать и хулиганить // Протокол заседания V сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 8 июля 1940 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 396. Л. 4.

вдвоём или небольшой компанией. У кого-то родители находились на фронте, а у других родственников вовсе не было⁶¹⁰.

Иначе обстояла ситуация с местными детьми и подростками. В годы войны за ними обычно присматривали соседи, друзья семьи или же родственники. Л. П. Прокофьева даже спустя годы с теплотой вспоминала о «дежурных» учителях, которые опекали ее, пока мама (тоже учитель) работала со своими учениками на колхозных полях: «Они [учителя. – Д. В.] приходили на ночь или брали меня к себе, и я до сих пор, проходя мимо того или иного дома, вспоминаю, что меня здесь кормили (не помню чем, но помню, что кормили)»⁶¹¹. Большинство жителей военной Тюмени в своих воспоминаниях указывали на полное отсутствие в городе беспризорников. По словам В. Н. Кубочкиной, «в тех условиях [в годы войны. – Д. В.], не было бездомных, попрошайек и т. д. Открывались детские дома, все были пристроены»⁶¹². Подобные высказывания можно объяснить тем, что, вероятно, беспризорные и «обычные» дети не контактировали между собой.

Нередко беспризорные и безнадзорные дети и подростки сбывались в хулиганские компании. Не имея возможности улучшить своё материальное благополучие легальными способами, они могли отбирать деньги у младших, промышляли мелким воровством. По сравнению с 1941 г. в целом по стране количество преступлений, совершённых детьми и подростками, в 1942 г. увеличилось на 61 %, в 1943 г. – на 180,6 %, в 1944 г. – на 192,3 %⁶¹³. По мнению М. В. Ромашовой, «“уголовный стиль” быстро и легко вошел в дворовую жизнь, воздействуя на часть подростков»⁶¹⁴, но говорить о повальном увлечении «блатной» тематикой не приходится. Более верной

---

⁶¹⁰ Докладная записка председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву о состоянии работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности по г. Тюмень. 27 апреля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 72. Л. 49.

⁶¹¹ Прокофьева Л. П. Дом моего детства. С. 33.

⁶¹² Когда бабушка была маленькой. С. 18.

⁶¹³ Цит. по: Емелин С. М. Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 5. С. 17.

⁶¹⁴ Коренюк В. М. Детская игровая повседневность. С. 81.

представляется точка зрения В. М. Коренюк, высказанная ею в статье, посвящённой преступности в Молотовской области. Как полагает исследовательница, большая часть правонарушений, совершенных детьми в военное и послевоенное время, были вызваны «в первую очередь ослаблением контроля со стороны взрослых, а уже затем распространением интереса к криминальному миру среди подростков»⁶¹⁵.

Чаще всего нарушали закон несовершеннолетние в возрасте 13–16 лет (учащиеся среднего звена), но в преступную среду вовлекались и дети младшего возраста (учащиеся начальных классов)⁶¹⁶.

В целом же в городе увеличилось количество грабежей и краж, в том числе с предприятий, что подтверждается многочисленными докладными записками на имя председателя горисполкома С. Ф. Загриняева. Случалось, что имевшие доступ к материальным ценностям взрослые подталкивали вступивших в трудовую жизнь подростков к совершению преступлений. О подобном случае сообщалось, например, в спецзаписке «О вскрытой расхитительской группе на Тюменской базе “Снабчермет”» (членами ее были мать, работавшая охранником на этом предприятии, и её две дочери)⁶¹⁷.

Самым распространённым видом правонарушения среди подростков была кража. Прежде всего, воров интересовали хлебные карточки, продукты питания и одежда, являвшиеся всеобщим эквивалентом обмена и имевшие поэтому особую ценность в реалиях военного времени, а также деньги. Документы и бытовые вещи крали намного реже, поскольку их труднее было продать, не вызвав подозрения у взрослых. Как правило, малолетние

---

⁶¹⁵ Там же.

⁶¹⁶ К сожалению, в архивах города удалось найти лишь отрывочные данные о количестве совершённых детьми и подростками преступлений за отдельные периоды военных лет. В частности, по данным городского отдела НКВД с июня по октябрь 1942 г. в Тюмени было зарегистрировано 28 преступлений. Не все из совершивших детей и подростков являлись беспризорниками, кто-то жил вместе с родителями // Докладная записка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву. Ноябрь 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 71. Л. 14.

⁶¹⁷ Спецзаписка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву «О вскрытой расхитительской группе на Тюменской базе “Снабчермет”». 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 72. Л. 91.

преступники совершали кражи в местах скопления людей, где имелась возможность не только действовать незаметно, но и легко скрыться в случае провала. Карманники обычно орудовали в одиночку или вдвоем. Зачастую это были друзья из одной дворовой компании, одноклассники, соседи или родственники (например, братья). После совершения преступления украденное сразу же делили поровну. Деньги тратили, прежде всего, на продукты, а одежду (особенно тёплую) оставляли себе или же продавали на рынке.

В городе можно было выделить несколько мест, где постоянно орудовали карманные воры: сад имени Ленина, сад имени Шверника, кассы кинотеатра «Темп» и Драмтеатра, железнодорожный вокзал. Случались кражи в буфетах, в столовых и на почте. Сотрудники милиции неоднократно задерживали беспризорников на тюменском колхозном рынке, где они просили милостыню, а попутно пытались украсть продукты или же продовольственные карточки. Здесь же воры пытались сбыть часть краденого. Но удавалось это далеко не каждому, что свидетельствует о непрофессионализме воров и об эффективной работе сотрудников милиции, которые пристально следили за порядком в общественных местах.

Некоторые воры проникали в квартиры горожан, но это случалось редко. Так, например, с июня по октябрь 1942 г. в Тюмени было зарегистрировано только 2 подобных случая: 7 июля 1942 г. две девочки 1926 года рождения, взломав квартиру, ограбили её⁶¹⁸. Жертвой другого преступления стал приезжий: 6 августа 1942 г. от него поступило заявление, что из съемной квартиры была похищена фуфайка. В ходе опроса потерпевшего выяснилось, что кражу совершил сын квартирной хозяйки⁶¹⁹.

---

⁶¹⁸ Докладная записка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву. Декабрь 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 71. Л. 72.

⁶¹⁹ Докладная записка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву. Январь 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 71. Л. 98.

По мере затягивания войны постепенно ситуация в городе начала ухудшаться. Со временем малолетние преступники становились храбрее, из-за чего они совершали грабежи и кражи с предприятий. Сотрудники правоохранительных органов информировали руководство города о задержании малолетних преступников (до 18 лет), ранее судимых, которые сбивались в группы от 3 до 6 человек. Членами таких группировок являлись не только местные, но и эвакуированные. Так, в июле 1943 г. трое подростков, прибывших в Тюмень из Ленинграда, в общежитии ремесленного училища украли у других учеников гимнастёрку, пиджак, ботинки и продукты питания⁶²⁰.

В бандах малолетних преступников формировалась своя структура, со стертыми социальными и национальными различиями⁶²¹. Как правило, среди них выделялся лидер, который был старше других и ранее уже совершал преступления. Используя своё влияние, он мог привести в банду и тех ребят, кто до этого не нарушал закон. Именно «вожак» планировал все детали преступления: выбирал место и время, распределял роли и следил за выполнением. В случае успеха он забирал большую часть украденного, всё остальное же делилось между другими членами банды в зависимости от доли участия каждого из них. Очевидно, что меньше всего доставалось самым младшим по возрасту, поскольку они, как правило, выполняли функции караульных.

Наибольшее количество преступлений тюменскими подростками было совершено в 1944 г. Так, только за январь 1944 г. было зафиксировано 102 случая, когда участниками противоправных деяний являлись лица моложе 18 лет. К ответственности было привлечено 39 человек⁶²². Всего же за первое полугодие 1944 г. 70 школьников Тюмени были привлечены к уголовной

---

⁶²⁰ Докладная записка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву «О задержании группы грабителей». 18 июля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 72. Л. 63.

⁶²¹ Цит. по: Коренюк В. М. Детская игровая повседневность... С. 81.

⁶²² Протокол заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. 1944 г. // ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 258. Л. 113.

ответственности⁶²³. Для сравнения – с апреля по сентябрь 1943 г. ими были совершены 64 кражи и зафиксирован один случай хулиганства⁶²⁴.

С 1941 г. в Тюмени не было зафиксировано ни одного убийства, которое бы совершили беспризорные или безнадзорные дети и подростки. Очевидно, что они не решались посягнуть на жизнь другого человека. И эта ситуация резко контрастировала с периодом Гражданской войны в России и первыми годами НЭПа, когда малолетние преступники терроризировали целые города, грабя и порой убивая местных жителей. В научной литературе указывалось, что самым частым правонарушением со стороны малолетних в период становления Советской власти были кражи (до 91 %), но детьми совершались и более серьёзные преступления – разбои, изнасилования, убийства⁶²⁵. Дети периода Великой Отечественной войны, которым пришлось выживать на улице, не были столь жестоки.

Таким образом, к концу 1930-х гг. у советских детей и подростков сложились определённые досуговые практики. Серьёзную роль в конструировании досуга сыграла советская власть, которая таким способом, с одной стороны, пыталась влиять на воспитание подрастающего поколения, а с другой, решить проблему детской беспризорности и безнадзорности. В годы Великой Отечественной войны власти страны продолжили политику по регламентации досуга детей и подростков. Важнейшее место в этом отводилось школе, работники которой должны были минимизировать свободное время учеников, заняв его различными мероприятиями.

Анализ источников показал, что школам и местным органам власти удалось регламентировать большую часть дня ребёнка, однако установить полный контроль над его распорядком дня не удалось в силу множества

---

⁶²³ Цит. по: Бей О. Н. Указ. соч. С. 221.

⁶²⁴ Подсчитано автором по: Докладная записка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву «О преступности среди несовершеннолетних по г. Тюмени по состоянию на 20.08.1943» // ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 72. Л. 100.

⁶²⁵ Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы (по материалам Верхнего Поволжья): учеб. пособие / Н. В. Рябинина. Ярославль, 1999. С. 9.

причин, прежде всего, нехватки материальных и людских ресурсов для организации системы досуговых мероприятий, учитывающих особенности каждого ученика. В результате ребёнок нередко оказывался предоставлен сам себе. Как правило, он старался большую часть свободного времени проводить со своими друзьями из класса или со двора, компенсируя нехватку родительского внимания и абстрагируясь от материально-бытовых трудностей. Именно во дворе протекала большая часть жизни ребёнка школьного возраста. Одной из основных форм досуга были игры, которые условно можно разделить на «мирные» и «военные». Примечательно, что довоенные игры пользовались популярностью на всей территории страны, даже в прифронтовой зоне, хотя можно было предположить, что война должна была вытеснить все практики, которые существовали прежде.

В свободное время тюменские школьники занимались не только тем, что одобряли родители, общество и советская власть. Они курили, «слонялись без дела», дрались, продавали папиросы, играли в азартные игры, например, в «чику». Однако можно констатировать, что уголовная тематика не стала популярной среди юных тюменцев. В основном на преступный путь подростков вынуждала тяжёлая жизненная ситуация.

Подводя итог, можно сказать, что война внесла серьёзные изменения в досуговую деятельность советского ребёнка. Но, в отличие от детей и подростков, оказавшихся свидетелями боевых действий, живших в прифронтовой зоне, чьи досуговые практики серьёзно видоизменились, в тылу эти перемены были не столь кардинальны.

Заключение

В первые десятилетия советской власти произошла трансформация феномена «детства». Октябрьская революция, Гражданская война, НЭП и последовавшая за этим «Сталинская модернизация» в корне изменили жизнь подрастающего поколения. Время глобальных потрясений и педагогических экспериментов завершилось полным запретом педологии, реабилитацией некоторых дореволюционных практик, существовавших в школе, и переходом к концепции «счастливого детства» во второй половине 1930-х гг.

Начало Великой Отечественной войны повлекло за собой серьёзные изменения в социально-экономических и социокультурных аспектах повседневной жизни учащихся школ. Обеспечить армию и флот всем необходимым во многом удалось за счёт сокращения бюджетных средств, выделявшихся на социальную сферу (образование, здравоохранение, производство товаров народного потребления, жилищное строительство). Следствием этого стало падение уровня жизни граждан Советского Союза. В Тюмени, помимо этих факторов, важную роль в изменении привычного хода жизни населения сыграл приток эвакуированных, из-за чего произошло резкое увеличение численности жителей города. Результатом стало резкое обострение проблем, существовавших и в довоенное время (нехватка жилья, дров, вещей и одежды, неподходящие условия в школах).

Повседневная жизнь тюменских школьников во многом была схожа с буднями их сверстников других провинциальных городов Советского Союза. Они регулярно недоедали, им не хватало одежды и обуви, игрушек, канцелярских принадлежностей, учебников. Эвакуированные ощущали это на себе еще острее, поскольку, как правило, приезжали с небольшим запасом вещей, купить же что-то в городе было практически невозможно.

Из-за сокращения финансирования во многих школах не проводился капитальный ремонт, остро стоял вопрос с обеспечением учебных учреждений дровами, партами и стульями. Однако нельзя сказать, что юные тюменцы жили хуже, чем большинство их сверстников в других тыловых

городах. Жизнь детей войны в целом протекала в условиях дефицита, что, с одной стороны, приучило многих из них бережно относиться к продуктам питания и вещам, а с другой – повлияло на определение приоритетов в жизни (добросовестный труд, интересы коллектива, семья и друзья). Материальный же достаток, по нашему мнению, не находился у них на первом месте.

Великая Отечественная война повлекла за собой серьёзные изменения и в институте семьи. У многих тюменских школьников отцы и братья были мобилизованы в Красную Армию, а матери и сёстры встали за станки. Они уходили на работу с самого утра и возвращались лишь поздно вечером. По этой причине домашние обязанности легли на плечи детей и подростков. Отоварить карточки, прибраться, полить и прополоть овощи, растущие в огороде, наколоть дрова, натаскать воды, приготовить еду и накормить младших братьев и сестёр – это лишь небольшой список того, что в течение дня они должны были выполнить.

Помимо домашних обязанностей дети и подростки должны были получить образование. Несмотря на военное время, руководство страны чётко обозначило свою позицию, продолжая выделять бюджетные средства на политику всеобуча и попутно адаптируя систему школьного образования к новым реалиям. Во главу угла учебного процесса было поставлено приобретение ребёнком знаний и навыков, полезных в условиях чрезвычайной ситуации. В связи этим в школьные программы были возвращены уроки труда, усилена нагрузка по физкультуре и военной подготовке, в программах по литературе, истории, геометрии, химии, физике появились сюжеты военной тематики. Были введены основы техники и сельскохозяйственного производства, однако уже изначально реализовать обучение в полном объёме в тюменских школах не удалось. В первый год получить знания и навыки по сельхозобразованию могли только учащиеся VII–X классов, а в скором времени школах города этот предмет потерял статус самостоятельной дисциплины из-за нехватки инвентаря и преподавателей. Отдельные сюжеты освещались в ходе других уроков.

Фактически местные власти нарушали положения нормативно-правовых актов, принятых на всесоюзном и общероссийском уровнях. В других тыловых городах занятия по основам техники и сельскохозяйственного производства проводились в рамках самостоятельной дисциплины, которую школьники начинали изучать с V класса.

Параллельно в советских школах решались проблемы, связанные с падением успеваемости учащихся и их посещаемости. Повысить показатели планировалось за счёт ужесточения дисциплины на занятиях и вне стен школы, регламентации отношений между учениками и учителем при закреплении главенствующего положения последнего. Однако по многим причинам добиться высоких показателей не удалось. Так, ученики периодически пропускали занятия по болезни, из-за отсутствия одежды и обуви, домашних дел. Подростки уходили из школы и трудоустраивались на предприятия или поступали в школы ФЗО, чтобы помочь своей семье. Такой выбор необходимо было сделать многим советским детям и подросткам по всей стране. Влияли на показатели обучения и нарушения дисциплины детьми и подростками (разговоры на уроках, опоздания, списывание). В этих случаях всё зависело от опыта преподавателя, его квалификации и умения найти подход к ученикам. Попутно через СМИ, руководство школ и пионерию советская власть пыталась донести до учеников идеи о том, что учителя необходимо слушаться так же, как и красноармейцы выполняют приказы своего командира, а успешное окончание школы – это долг каждого советского ребёнка, особенно в военное время.

Тюменские дети и подростки, как правило, покидали школу после окончания VII класса, и лишь немногие получали полное среднее образование. Резкое падение уровня жизни населения привело к тому, что учёба отходила на второй план. В реалиях военного времени многие юные тюменцы были вынуждены заниматься решением материально-бытовых проблем. Особенно неблагоприятно дела обстояли у эвакуированных детей и

подростков. Аналогичные процессы происходили по всей стране. Поколение детей войны с ранних лет приучилось к труду, причём наравне со взрослыми.

Тотальный характер войны предполагал, что для достижения победы необходимо было мобилизовать все материальные и людские ресурсы. Поэтому практически все учащиеся помогали фронту: разгружали вагоны, расчищали от снега железнодорожные пути, собирали полезные растения и ягоды, металлолом и макулатуру. Многие из них работали на предприятиях, в сельском хозяйстве, сдавали ценные вещи и деньги в Фонд обороны, отправляли подарки на фронт, а также регулярно посещали военные госпитали, помогая медицинскому персоналу и выступая с творческими номерами перед ранеными бойцами. Среди тюменских школьников основной спектр работ выполняли ученики V–VII классов.

Уникальным в этом плане является пример фронтовых пионерских бригад Тюмени, созданных по инициативе учащихся начальной школы. Члены бригады (в основном, дети в возрасте 11–12 лет) не только работали на предприятии в специально организованном для них цеху, получая заработную плату и питание по норме рабочего, но и продолжали своё обучение в школах.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что каждый тюменский школьник внёс свой вклад в победу. Во многом это было связано с тем, что к некоторым видам работ школьники привлекались в рамках трудовой повинности. В то же время ученики нередко сами проявляли инициативу. И здесь у каждого ребёнка были свои мотивы. Многие хотели таким образом отомстить за смерть своих близких, внести свой вклад в победу, а эвакуированные – приблизить возвращение домой. Другие пытались помочь своей семье, получая рабочий паёк и заработную плату. Третьи же стремились придать своим поступкам общественную значимость, чтобы изменить отношение к себе взрослых. Советская власть активно поддерживала начинания подрастающего поколения, поскольку, с одной стороны, дети и подростки приобретали трудовые навыки и выполняли

общественно-полезную работу, а с другой, в это время они находились под контролем взрослых (учителей, пионервожатых).

В ряде случаев участие детей в кампаниях, нацеленных на оказание помощи фронту, было невозможно без помощи их родителей, прежде всего материальной. Они отдавали собственные деньги, облигации, чтобы ребёнок мог сдать их в Фонд обороны, а также вещи – для отправки в качестве подарка на фронт.

Члены школьного коллектива вместе выполняли одни и те же обязанности. Трудились и ученики, и учителя: вместе ездили на колхозные поля, собирали макулатуру и металлолом, готовили подарки фронтовикам, жертвовали деньги и вещи, помогали медицинскому персоналу в госпиталях, выступали перед ранеными с концертами. Такая сплочённость членов коллектива была следствием подъёма патриотизма. При этом советская власть активно продвигала идею о том, что ученики должны были относиться к своему учителю как к командиру, уважая его, беспрекословно выполняя его приказы.

В СССР уделялось серьёзное внимание конструированию досуговых практик детей и подростков, чтобы оградить ребёнка от негативного влияния улицы, привить ему общественно-полезные навыки. В военные годы среди тюменских школьников преобладали коллективные формы проведения досуга: совместный просмотр кинофильмов, участие в спортивных мероприятиях, походах, творческих конкурсах, в работе секций и кружков. При этом важным критерием досуга считалась его полезность в условиях военного времени. Все проводимые мероприятия были направлены на то, чтобы ребёнок приобрёл трудовые и военные навыки, которые пригодятся ему на фронте и в тылу. Актуальным стало и воспитание чувства патриотизма у подрастающего поколения, что в полной мере являлось продолжением политики государства в этом направлении в довоенные годы.

В Тюмени с её неразвитой социальной инфраструктурой центрами досуга стали школы. Именно на плечи преподавателей и пионервожатых легли обязанности по организации внеучебного времени детей и подростков.

Но максимально регламентировать досуг учеников не удалось. У детей и подростков оставалось свободное время. Большую часть его они проводили во дворе, играя со своими друзьями (чаще всего с одноклассниками). Игра позволяла ребёнку дистанцироваться от существующих реалий, которые оказывали на него негативное влияние (нехватка родительского внимания, потеря близких, тяжёлые материально-бытовые условия). Именно совместная игра позволяла ребёнку с головой окунуться в мир детства, пофантазировать и испытать радостные эмоции. Существовал и другой путь, через чтение литературных произведений, в особенности, книг, написанных в жанре приключений.

Однако нельзя не упомянуть и о негативных примерах. Война всегда сопровождается ростом числа беспризорных и безнадзорных детей и подростков, что обусловлено множеством причин, среди которых основными являются безотцовщина, ухудшение материального положения большинства семей и бытовых условий. Но для Тюмени, по нашему мнению, особенно значимым фактором стал приток эвакуированных. Многие малолетние правонарушители были из числа приезжих. Нужда и бедствия толкали их на кражу продовольственных карточек, денег и продуктов питания. Со временем они сбивались в группы и расширяли масштабы деятельности. Но говорить о массовой криминализации подрастающего поколения в годы Великой Отечественной войны не приходится. Снижение уровня детской беспризорности, безнадзорности и преступности произошло по мере возвращения страны к мирной жизни, реэвакуации, однако достичь довоенных показателей местным органам власти не удалось и в первые послевоенные годы. Такая ситуация была характерна для тыловых регионов, служивших центрами массовой эвакуации.

Принятый органами власти и управления комплекс мер был направлен на унификацию школьной повседневности всех учеников с I по X класс. Но всё же воспоминания респондентов свидетельствуют о том, что в Тюмени в военные годы частично сохранилось деление на старших и младших школьников. Для них были характерны различные интересы и увлечения, специфическое понимание окружающей действительности. По всей видимости, для стирания возрастных рамок необходимы более тяжёлые условия. Об этом пишет историк М. А. Рыблова. В своей статье она приходит к выводу, что в Сталинграде разница в возрасте между младшими и старшими школьниками исчезла в связи с прекращением занятий в школе, постоянными артобстрелами и авианалётами и тяжёлым материальным положением. В этих условиях всем юным сталинградцам приходилось постоянно бороться за свою жизнь и жизнь своих близких⁶²⁶.

Проведенные в ходе исследования интервью и анализ документов показали, что события 1941–1945 гг. воспринимались «детьми войны» как период, определивший модель их поведения на всю оставшуюся жизнь. Пережитый в детстве опыт сыграл ключевую роль в формировании групповой идентичности. Именно под влиянием реалий военного времени сформировались их основные жизненные ценности. Так, жизнь, протекавшая в условиях постоянной нехватки товаров народного потребления, повлияла на формирование бережного отношения к вещам и продуктам в качестве жизненной установки.

Совместно пережитые эмоциональные потрясения привели к формированию чувства коллективизма, так как только в коллективе в условиях взаимопомощи и взаимоподдержки можно было пережить тяжёлые времена. Так было легче выполнять обязанности, ставшие общественным долгом советских граждан всех возрастов. Школьникам приходилось выполнять огромный спектр работ, как домашних, так и общественных, куда входили не только помощь фронту и школе, но и элементарная забота о

---

⁶²⁶ Подробнее см.: Рыблова М. А. «Территория детства». С. 41–42.

членах семьи. Всё это, с одной стороны, воспитывало в детях и подростках уважение к труду, а с другой, позволяло им осознать важность своих поступков и создавало ощущение причастности к общей Победе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Нормативно-правовые акты

1. Постановление ГКО от 12 сентября 1941 г. «О нормах продовольственного снабжения Красной Армии» [Электронный ресурс] // Солдат. RU. URL: soldat.ru (дата обращения: 6.06.2021).
2. Постановление Бюро Тюменского горкома ВКП(б) «О мобилизации работающего населения, служащих и учащихся города на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС» // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 523.
3. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» от 7 апреля 1942 г. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org> (дата обращения: 15.10.2021).
4. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации населения на сельскохозяйственные работы» от 13 апреля 1942 г. [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: <http://www.libussr.ru> (дата обращения: 22.11.2021).
5. Постановление СНК СССР «О привлечении учащихся 7-10 классов неполных средних и средних школ к сельскохозяйственным работам» [Электронный ресурс] // Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru> (дата обращения: 10.11.2021).
6. Постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 4 июля 1936 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.historyrussia.org/>
7. Правила для учащихся // Советская педагогика. 1943. № 10.

8. Приказ наркома просвещения РСФСР от 18 марта 1943 г. № 879 // ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 588.
9. Проект федерального закона № 427810-4 "О государственной социальной помощи детям войны" (внесен депутатом ГД А.В. Скочем) (не действует) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: garant.ru (дата обращения: 15.06.2021).
10. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.09.2022)
11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://xn--e1aaejmenosxq.xn--p1ai/> (дата обращения: 20.09.2021).
12. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант. Ру. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 29.05.2021).
13. Циркуляр наркомам просвещения АССР, заведующим краевыми и областными отделами народного образования от 26 января 1943 г. // ЦГА СПб. Ф. 5039. Оп. 3. Д. 588.

Делопроизводственные документы

1. Выписка из протокола № 5 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 12 марта 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423.

2. Выписка из протокола № 9 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 18 апреля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 523.
3. Выписка из протокола № 18 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 20 августа 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423.
4. Выписка из протокола № 20 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 7 мая 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423.
5. Выписка из протокола № 28 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 10 декабря 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423.
6. Выступления на городской партийной конференции. 29 ноября 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 462.
7. Выступления на XXV очередной сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. 8 апреля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 470.
8. График ремонта школ // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 500.
9. Докладная записка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву «О задержании группы грабителей». 18 июля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 72.
10. Докладная записка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву. Ноябрь 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 71.
11. Докладная записка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву «О преступности среди несовершеннолетних по г. Тюмени по состоянию на 20.08.1943» // ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 72.
12. Докладная записка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву о

- состоянии работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности по г. Тюмень. 27 апреля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 72.
13. Докладная записка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву. Декабрь 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 71. Л. 72.
  14. Докладная записка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву. Январь 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 71. Л. 98.
  15. Докладная записка от старшего научного сотрудника, кандидата медицинских наук Гримберг на имя директора Центрального научно-исследовательского педиатрического института Наркомздрава РСФСР по поводу проверки состояния школьного питания. Март 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 423.
  16. Докладная записка об итогах учебного года по школам г. Тюмени. 7 июля 1945. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 61.
  17. Доклад к сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся «Об исполнении городского бюджета за 1942 г. и о городском бюджете на 1943 г.». 25 июня 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 450.
  18. Доклад об итогах работы школ за 1 полугодие 1941/1942 учебного года на XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 66.
  19. Записка о выполнении плана по посещаемости киносеансов за I квартал 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 428. Л. 87.
  20. Записка Тюменского городского отдела народного образования в Омское облоно. Копия. Не ранее 15 августа 1941 // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 455.
  21. Итоговая ведомость по составу учащихся начальных, семилетних и средних школ города Тюмени по полу и возрасту в конце 1944/1945 учебного года. 3 июля 1945 г. // ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 3.

22. Информационная записка по вопросу работы городской комсомольской организации в военное время. Сентябрь 1941 г. // ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 577.
23. Конъюнктурный обзор работы социально-культурных учреждений г. Тюмени за 1941 г. // ГАТО. Ф. 759. Оп. 1. Д. 189.
24. Отчётный доклад о работе Тюменского ГК ВКП(б) на IX-X городской партконференции. 27 марта 1940 г. // ГАСПИТО. П-7. Оп. 1. Д. 530.
25. Отчёт об итогах работы школ Тюменской области в 1944/1945 учебном году. 25 июля 1945 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 59.
26. Отчёт о работе Тюменского горкома ВКП(б) за период с июня 1938 года по февраль 1939 года. 20 января 1939 г. // ГАСПИТО. П-7. Оп.1. Д. 509.
27. Отчёт о работе Тюменского горкома ВКП(б) за период с 1943 г. по I квартал 1944 г. // ГАСПИТО. П-7. Оп. 1. Д. 106.
28. Отчёт Тюменского городского комитета ВЛКСМ на V городской комсомольской конференции от 31 августа 1939 г. // ГАСПИТО. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 143.
29. Отчёт Тюменского областного отдела народного образования о работе школ за 1944/1945 учебный год // ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 5.
30. Письмо секретарю Тюменского городского комитета ВКП(б) Осипову от жены фронтовика Т. Л. Петрушевич. 8 октября 1943 г. // ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 645.
31. Письмо Председателю Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от начальника КЭЧ Тюменского гарнизона старшего лейтенанта интендантской службы Камынина. 10 июля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 455.
32. Проект решения Тюменского городского Исполнительного комитета «О культурно-бытовом обслуживании эвакуанаселения». Март 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 470.

33. Протокол заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 19 июля 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419.
34. Протокол заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. 1944 г. // ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 258.
35. Протокол заседания XII сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 марта 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 414.
36. Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 444.
37. Протокол заседания XX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 27 марта 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 444.
38. Протокол заседания XXXI сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 17 марта 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 458.
39. Протокол заседания XXXII сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 7 июня 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 458.
40. Протокол V городской комсомольской конференции от 31 августа 1939 г. // ГАСПИТО. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 142.
41. Протокол заседания V сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся 8 июля 1940 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 396.
42. Протокол заседания XIX сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся 27 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 416.
43. Протоколы №№ 79 и 80 заседания бюро Тюменского городского комитета ВЛКСМ // ГАСПИТО. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 174.
44. Протокол № 2 заседания II сессии Заречного районного Совета депутатов трудящихся от 23 июля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 488.
45. Протокол № 2 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 5 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 446.

46. Протокол № 2 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 14 февраля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 500.
47. Протокол № 4 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся 19 февраля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 446.
48. Протокол № 5 заседания Исполнительного комитета Районного Совета депутатов трудящихся Железнодорожного района от 5 февраля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 507.
49. Протокол № 7 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 15 апреля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459.
50. Протокол № 7 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 30 марта 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 478.
51. Протокол № 8 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 22 апреля 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459.
52. Протокол № 8 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 23 апреля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 446.
53. Протокол № 9 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 18 апреля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 500.
54. Протокол № 10 заседания бюро Тюменского городского комитета ВКП(б) от 20 апреля 1943 г. // ГАСПИТО. П-7. Оп. 1. Д. 619.
55. Протокол № 10 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 7 мая 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 446.

56. Протокол № 11 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 24 апреля 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419.
57. Протокол № 11 общего партийного собрания первичной партийной организации Тюменского городского отдела народного образования от 23 сентября 1941 г. // ГАСПИТО. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 174.
58. Протокол № 13 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 15 июня 1944 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 478.
59. Протокол № 14 заседания Исполнительного комитета Центрального районного Совета депутатов трудящихся от 2 июля 1945 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 525.
60. Протокол № 16 закрытого партийного собрания первичной партийной организации Тюменского городского отдела народного образования от 2 декабря 1941 г. // ГАСПИТО. Ф. П-3517. Оп. 1. Д. 6.
61. Протокол № 16 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 12 августа 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459.
62. Протокол № 17 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 31 июля 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419.
63. Протокол № 21 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 11 сентября 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419.
64. Протокол № 21 общего собрания школы № 25 от 22 января 1943 г. // ГАСПИТО. Ф. П-3517. Оп. 1. Д. 7.
65. Протокол № 22 закрытого собрания первичной партийной организации Тюменского городского отдела народного образования от 9 марта 1942 г. // ГАСПИТО. Ф. П-3517. Оп. 1. Д. 6.

66. Протокол № 23 заседания Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 16 октября 1941 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 419.
67. Протокол № 24 заседания бюро Тюменского городского комитета ВЛКСМ от 9 декабря 1942 г. // ГАСПИТО. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 174.
68. Протокол № 24 заседания XXIV сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 18 января 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 457.
69. Протокол № 26 заседания XXVI сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 24 мая 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 457.
70. Протокол № 67 заседания бюро Тюменского городского комитета ВЛКСМ от 25 февраля 1942 г. // ГАСПИТО. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 174.
71. Протокол № 94 заседания бюро Тюменского городского комитета ВКП(б) Тюменской области от 19 сентября 1944 г. // ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 648.
72. Протокол № 154 заседания бюро Тюменского городского комитета ВКП(б) от 7 июля 1942 г. // ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 597.
73. Протокол IX Тюменской городской комсомольской конференции. 30-31 января 1945 г. // ГАСПИТО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 648.
74. Распоряжение Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся № 10 «О шубном лоскуте школе № 8» от 15 января 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 464.
75. Распоряжение Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся № 19 «О шубном лоскуте школе № 51» от 26 января 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 464.
76. Распоряжение Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся № 430 «Об отпуске шубного лоскута» от 18 сентября 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 422.
77. Распоряжение Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся № 521 «Об овчинном лоскуте средней школе № 5» от 24 ноября 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 422.

78. Распоряжение Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся № 526 «Об овчинно-шубном лоскуте школе № 25» от 4 декабря 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 422.
79. Решение Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 12 августа 1943 г. «О ходе заготовки дров Гортопом» // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 471.
80. Решение XXVI сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся от 24 мая 1943 г. «О государственном обеспечении и бытовом устройстве семей военнослужащих» // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 466.
81. Сводная ведомость учёта успеваемости, поведения и посещаемости учеников 6 «Б» класса средней школы № 25 за 1941/1942 учебный год // ГАТО. Ф. 920. Оп. 2. Д. 7.
82. Сводная ведомость учёта успеваемости, поведения и посещаемости учеников 10 «А» класса средней школы № 25 за 1941/1942 учебный год // ГАТО. Ф. 920. Оп. 2. Д. 7.
83. Спецзаписка Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву «О вскрытой расхитительской группе на Тюменской базе “Снабчермет”». 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 72.
84. Справка городской инспектуры нархозучёта для пленума Тюменского городского комитета ВКП(б). 21 июля 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 452.
85. Текст выступления директора фанерокомбината на заседании Тюменской городской конференции ВКП(б) Омской области от 28–29 ноября 1942 г. // ГАСПИТО. Ф. П–7. Оп. 1. Д. 590.
86. Текст выступления Заместителя председателя Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся Мокина на XXIV сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. Май 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 466.
87. Текст выступления на учительской конференции в 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 463.

88. Текст выступления на VI Тюменской городской комсомольской конференции. 1940 г. // ГАСПИТО. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 157.
89. Текст выступления на VII Тюменской городской комсомольской конференции и III пленуме Тюменского городского комитета ВЛКСМ // ГАСПИТО. Ф. П-21. Оп. 1. Д. 167.
90. Текст выступления на XXIV сессии Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. Январь 1943 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 466.

Статистические источники

1. Сведения о вывозке топлива по школам на 23.09.1941 г. от Заведующей Тюменским городским отделом народного образования А. Кайдаловой // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 426.
2. Сведения о движении гражданского населения по городу Тюмени за январь и февраль 1942 г. Адресовано Председателю Исполнительного комитета Тюменского городского Совета депутатов трудящихся С. Ф. Загриняеву и секретарю Тюменского городского комитета ВКП(б) Купцову. 4 марта 1942 г. // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 452.
3. Сведения о количестве детей, зарегистрированных школами, по городу Тюмени в разрезе отдельных классов на 15.08.1941 г. от заведующей Тюменским городским отделом народного образования А. Кайдаловой в Омский областной отдел народного образования. Копия // ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 455.

Материалы периодических изданий

1. Красное знамя: орган Тюменского городского комитета ВКП(б) и Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. Тюмень, июнь 1941 – сентябрь 1944 гг.

2. Пионерская правда: орган ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Москва, июнь 1941 – май 1945 гг.
3. Тюменская правда: орган Тюменского областного комитета ВКП(б) и Тюменского областного Совета депутатов трудящихся. Тюмень, октябрь 1944 – май 1945 гг.

Сборники документов

1. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3-х т. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. Т. 1: Исход. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 359 с.; Т. 2: На Сибирской земле. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 376 с.; Т. 3: Спасенное детство. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 397 с.
2. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: Сборник документов за 1917–1947 гг. Приложение к журналу «Советская педагогика». Вып. 1. М., Л.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1947. 320 с.
3. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг.: Сб. док.: в 4 т. М.: Госполитиздат, 1957–1958. Т. 2: 1929–1945 годы. М.: Госполитиздат, 1957. 888 с.
4. Зуев В. Н. История физической культуры и спорта в Тюменском регионе 1863–2000 гг.: сб. док. и материалов. Тюмень: Вектор Бук, 2003. 442 с.
5. Культурное строительство в РСФСР: док. и материалы (1917–1977): в 3-х т. М.: Советская Россия, 1983–1989. Т. 2, ч. 2: Культурное строительство в РСФСР. 1928–1941. М., 1986. 384 с. Т. 3: Культурное строительство в РСФСР. 1941–1945. М., 1989. 373 с.
6. Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции / Сост. А. М. Данев. М.: Учпедгиз, 1948. 478 с.

7. Народное образование в СССР: общеобразовательная школа: сб. док. 1917–1973. М.: Педагогика, 1974. 560 с.
8. Наш край: Хрестоматия по истории Омской обл: в 2-х ч. Сб. док. Омск: Кн. изд-во, 1983. Ч. 1: 1917 – июнь 1941 гг. Омск: Книжное изд-во, 1983. 184 с.; Ч. 2. 1941–1970 гг. Омск: Книжное изд-во, 1983. 167 с.
9. Омичи – фронту: Омская область в Великой Отечественной войне: в помощь пропагандисту, агитатору, лектору. Омск, 1985. 95 с.
10. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сб. док. за 50 лет. М.: Политиздат, 1967. Т. 2. 1929–1940 гг. 798 с.
11. Сборник документов по истории Омской комсомольской организации: 1917 – август 1973 гг. Омск, 1976. 296 с.
12. Сборник руководящих и инструктивных материалов по всеобщему обучению детей / Т. И. Куприянов. М., 1944. 96 с.
13. Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических республик. 1943. № 8.
14. Сборник руководящих материалов о школе / сост. С. Н. Соколов, Л. Г. Тафинцева. Воронеж, 1944. 88 с.
15. Справочник директора школы: сб. постановлений, приказов, инструкций и других руководящих материалов о школе / сост. М. М. Дайнеко. М.: Учпедгиз, 1954. 515 с.
16. РСФСР – фронту. 1941–1945: Док. и материалы. М.: Советская Россия, 1987. 382 с.
17. Труд подростков: сб. законов, указов, постановлений и приказов о труде подростков. Алма-Ата: КазГИЗ, 1946. 40 с.
18. Тюменцы – фронту!: сб. док. / отв. ред. В.П. Петрова. 2-е изд., доп. Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. 350 с.
19. 400 лет Тюмени: сб. док. и материалов. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1985. 365 с.

Визуальные источники

1. Жорж Дресвянников. Ученик 2-го класса школы № 9 внёс в Фонд обороны облигации госзаймов на 360 руб. / Фото Г. Носова // Красное знамя. 1941. 28 сентября.

Источники личного происхождения

1. Воспоминания Антонины Ивановны Петуховой, 1934 г. р. Записаны А. В. Ющенко в 2015 г. // Архив автора.
2. Воспоминания Веры Николаевны Кубочкиной, 1929 г. р. Записаны О. А. Ковалёвой в 2016 г. // Архив автора.
3. Воспоминания Владимира Петровича Максимова, 1924 г. р. // Материалы из фондов Музея истории вуза ТюмГУ.
4. Воспоминания Галины Андреевны Полозковой, 1930 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2017 г. // Архив автора.
5. Воспоминания Евгении Александровны Митинской, 1931 г. р. // Материалы из фондов Музея истории вуза ТюмГУ.
6. Воспоминания Лидии Павловны Прокофьевой, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.
7. Воспоминания Людмилы Геннадьевны Дрозд, 1937 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.
8. Воспоминания Майи Андреевны Смирновой, 1935 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2013 г. // Архив автора.
9. Воспоминания Майи Михайловны Логиновской, 1932 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2018 г. // Архив автора.
10. Воспоминания Натальи Васильевны Черномырдиной, 1927 г. р. Записаны О. А. Ковалёвой в 2016 г. // Архив автора.
11. Воспоминания Николая Александровича Долгих, 1926 г. р. Записаны А. В. Ющенко в 2015 г. // Архив автора.

12. Воспоминания Тамары Владимировны Дмитриенко, 1935 г. р. Записаны Д. А. Вычеровым в 2015 г. // Архив автора.
13. Когда бабушка была маленькой (воспоминания 70–80-летних жителей Тюмени о своём детстве) / сост. Н. Л. Антуфьева. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2013. 60 с.
14. Крапивин В. П. Нарисованные герои: повести. СПб.: Геликон Плюс, 2005. 274 с.
15. Крапивин В. П. Славка с улицы Герцена: повести давнего детства. Тюмень: Тюменский курьер, 2008. 413 с.
16. Лазарев Л. И., Тараданкин А. К. Предисловие к жизни: док. повесть. М.: Знание, 1960. 96 с.
17. Прокофьева Л. П. Дом моего детства. Серия академика М. П. Рощевского «Вспоминая XX век». Сыктывкар, 2001. № 8. 52 с.
18. Тюменская старина. В 2 т. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2006–2013. Т. 1: Тюменская старина. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2006. 344 с; Т. 2: Тюменская старина. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2013. 324 с.

Труды государственных и политических деятелей

1. Гельбах П. Молодёжь в дни Отечественной войны. Горький, 1942. 32 с.
2. Калинин И. М. О молодёжи. М.: Молодая гвардия, 1944. 96 с.
3. Куфаев В. И. Забота о детях в дни Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1942. № 8–9. С. 9–14.
4. Нечаев Н. В. К итогам работы школьников на полях колхозов и совхозов в 1942 году // Советская педагогика. 1943. № 1. С. 25–32.
5. Нечаев И. В. Сельскохозяйственная работа школьников // Советская педагогика. 1942. № 7.
6. Парменов К. Я. Школа в помощь фронту. Молотовск, 1942. 40 с.

7. Потёмкин В. Ф. Статьи и речи по вопросам народного образования / под ред. И. А. Каирова, А. Г. Калашникова, Н. А. Константинова. М., Л.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1947. 303 с.
8. Советская молодёжь в Отечественной войне. М.: Молодая гвардия, 1945. 240 с.
9. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 3-е изд. М., 1943. 100 с.
10. Сухомлинский В. А. Мудрая власть коллектива. М.: Молодая гвардия, 1975 [Электронный ресурс]. URL: <http://pedagogic.ru> (дата обращения: 24.03.2020).
11. Харламов А. Молодые уральцы – фронту. М.: Молодая гвардия, 1943. 59 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева В. А. Общеобразовательная школа и трудовые резервы Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2006. 185 с.
2. Алёшкин Д. И. Тыл – фронту. Белгород: Книжное изд-во, 1963. 58 с.
3. Алмаев Р. З. Обеспечение кадрами советских школ Южного Урала в послевоенный период (1945–1956 гг.). // Вестник РУДН. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 4. С. 914–941.
4. Асташов А. Б. Динамика праздничной парадигмы в культуре советского детства в 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 7. С. 95–116.
5. Арбузов М. Ф. Задачи школы в предстоящем учебном году // Советская педагогика. 1942. № 8–9. С. 5–7.

6. Баранова В. А., Донцов А. И. Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 29–46.
7. Бакулина Т. И., Бородулина Е. В. Провинциальный город в 30-е годы XX века (на примере Тюмени) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48). С. 24–27.
8. Бакулина Т. И. Формирование органов власти и управления в Тюменской области в 1944–1947 годах // Вестник ИГПИ им. П. П. Ершова. 2013. № 2 (8). С. 8–13.
9. Басов В. И. Вопросы финансов народного образования / под ред. О. М. Кулака. М.: Финансы, 1971. 120 с.
10. Бей О. Н. Тюменские школы в годы Великой Отечественной войны // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 2001. С. 211–228.
11. Беленко М. П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект (1941–1943 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 24 с.
12. Букренёва К. С. Эвакуированные Ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2015. 219 с.
13. Быков А. В., Быкова А. Г. Детская трудовая воспитательная колония № 1 УНКВД по Омской области: история создания и проблемы функционирования в 1943–1948 гг. // Вестник Омского университета. 2015. № 4. С. 83–89.
14. Быска Е. В., Смолякова Е. И., Мошкина Н. А. Детство на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны на примере Саткинского района // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2015. № 2 (9). С. 9–17.

15. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.) / под ред. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкарёвой. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2012. 200 с.
16. Варехина А. Н. Детские дома на Урале в годы Великой Отечественной войны // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 32–39.
17. Васильев Ю. А. Коммунистическая партия – организатор патриотического движения трудящихся Сибири по оказанию материальной помощи фронту. 1941–1945. Тюмень: Сельхозинститут, 1963. 132 с.
18. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы [Электронный ресурс] / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская. URL: histrf.ru (дата обращения: 14.03. 2021).
19. Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. науч. ст. / под ред. А. Ю. Рожкова. Краснодар: Изд-во Экоинвест, 2010. 377 с.
20. Газиева Л. Л. Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944 / под ред. Г. Л. Соболева. СПб., 2014. 428 с.
21. Ганская Е.Н. Советская массовая песня как форма идеологии // *Litera*. 2019. № 2. С. 221–225.
22. Григорьев А. Д., Харитонов С. Б. Фонд обороны и Фонд Красной Армии как проявление патриотизма и гражданственности населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Чувашского университета. Серия: Исторические науки и археология*. 2017. № 2. С. 59–64.
23. Голофаст В. Б. Люди и вещи // *Социологический журнал*. 2000. № 1/2. С. 58–65.
24. Гончарова Г. Д. Период раздельного обучения в СССР (1943–1945 гг.) и его отражение в литературе и кинематографе. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. 28 с.
25. Гулина М., Гулин Ф. Травма военного детства. Блокада, эвакуация, оккупация. Историко-психологическое исследование. СПб., 2016. 336 с.
26. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.

27. Госпиталь 1500 [Электронный ресурс] // Город Т. URL: gorod-t.info (дата обращения – 25.05.2021).
28. Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы (по материалам Верхнего Поволжья): учеб. пособие / Н. В. Рябинина. Ярославль, 1999. 58 с.
29. Докучаева И. Г. Учебные заведения трудовых резервов Западной Сибири в начале Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 585–594.
30. Дорошева О. А. Сельскохозяйственное обучение школьников в годы Великой Отечественной войны // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2004. № 1. С. 119–120.
31. Дунбинская Т. И. Организация летних оздоровительных кампаний для детей Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник ТГПУ. 2017. № 5 (187). С. 65–71.
32. Дунбинская Т. И. Статистика эвакуированных и местных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник ТГПУ. 2011. № 13 (115). С. 46–51.
33. Дьячков В. И. Деятельность эвакогоспиталей Тюмени в годы Великой Отечественной войны // 400 лет Тюмени: история и современность. Тюмень, 1986. С. 83–84.
34. Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга // Вестник Московского государственного университета. 1993. № 1. С. 83–88.
35. Емелин С. М. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 2. С. 10–14.
36. Емелин С. М. Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 5. С. 17–24.
37. Еремин Е. Г., Исаков П. Ф. Молодёжь в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Мысль, 1984. 285 с.

38. Животова А. Н., Хажеева И. В. Социально-бытовая повседневность преподавателей и студентов Тюменского государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2020. № 3. С. 64–68.
39. Жукова О.Г. Великая Отечественная: школьная реформа с элементами элитарности? // Историческое обозрение. 2014. № 15. С. 71–78.
40. Залкинд А. Б., Эпштейн М. С. Беспризорность // Большая советская энциклопедия / под ред. О. Ю. Шмидта. 1-е изд. Т. 5. М.: Советская Энциклопедия, 1927. С. 783–790.
41. Збарский И. Б. Объект № 1. М.: Вагриус, 2000. 315 с.
42. Зинич М. С. Будни военного лихолетья, 1941–1945: в 2-х вып. М.: ИРИ, 1994. Вып. 2: Будни военного лихолетья, 1941–1945. М., 1994. 143 с.
43. Зуев В. Н. Физкультура и спорт в Тюменском регионе в период 1940–1960 гг. Тюмень: Вектор Бук, 2003. 135 с.
44. Иванова Л. В. История тюменской школы № 25 в воспоминаниях, цифрах и фактах: 1935–2015. Тюмень, 2015. 190 с.
45. Ильяшенко Е. Г. Роль педагогической антропологии в развитии педологических исследований России первой трети XX века // Историко-педагогический журнал. 2015. № 3. С. 88–108.
46. Илюха О. П. Восприятие и освоение детьми запретных и таинственных мест в новом советском городе: случай послевоенной Сортавалы // Вестник ПСТГУ. Сер. 4. Педагогика, психология. 2020. Вып. 58. С. 129–143.
47. Кабакова Н. В. Организация снабжения и питания населения в период Великой Отечественной войны в Западной Сибири (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 213–222.
48. Кабирова А. Ш. Создание кадрового потенциала татарской АССР в системе Государственных трудовых резервов в годы Великой Отечественной войны // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2. С. 171–178.

49. Кабирова А. Ш. Общество и дети: борьба с детской безнадзорностью, беспризорностью и девиантностью в Татарстане в период Великой Отечественной войны // Вестник ТГГПУ. 2011. № 3. С. 109–113.
50. Караваяев В. В. В бою и труде: подростки в Великой Отечественной войне. М.: Молодая гвардия, 1982. 240 с.
51. Келли К. Маленькие граждане большой страны: интернационализм, дети и советская пропаганда [Электронный ресурс] / пер. с англ. Я. Токаревой // НЛО. 2003. № 60. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrion.html> (дата обращения: 20.05.2021).
52. Келли К. «Товарищ Павлик». Взлет и падение советского мальчика-героя / пер. с англ. И. Смиренской. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 310 с.
53. Ковалева О. А. Санитарное состояние Тюмени в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Тюменский исторический сборник. 2015. № 17. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26743992_68365914.pdf (дата обращения: 25.05.2021).
54. Коллегов М. Обыкновенный героизм мирной профессии [Электронный ресурс] // Сибирское богатство. 2010. № 6. URL: <http://tyumedia.ru/11756.html> (дата обращения: 25.07.2021).
55. Кондаков И. В. «Сила случая»: Авантюрно-приключенческие жанры в литературной культуре детства // «Гуляй там, где все». История советского детства: опыт и перспективы исследования. М., 2013. С. 89–120.
56. Кон И. С. Бить или не бить? Телесные наказания детей [Электронный ресурс] // Мир книг. URL: https://mir-knig.com/read_230459-1 (дата обращения: 16.12.2021).
57. Кон И. С. Психология старшеклассника: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1980. 192 с.
58. Кореньюк В. М. Детская игровая повседневность 1940–1950-х гг. (на материалах Молотовской области) // Исторические, философские,

- политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2 (69). С. 80–82.
59. Кореньюк В. М. Повседневная жизнь детей военного и послевоенного времени (по материалам Молотовской области): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2017. 293 с.
60. Кореньюк В. М. Провинциальное детство в 1941–1945 гг. (на материалах Молотовской области) // Вестник ПГГПУ. Серия 3: Гуманитарные и общественные науки. 2015. Вып. 2. С. 72–77.
61. Корольков Ю. Партизан Леня Голиков. Повесть. М.: Молодая гвардия, 1955. 318 с.
62. Котляр Е. С. Войной опалённая смена. М., 1985. 207 с.
63. Красноженова Е. Е. Социальная проблема беспризорности и безнадзорности и её решение в период Великой Отечественной войны (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 19–22.
64. Кринко Е. Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31.
65. Кринко Е. Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 40–50.
66. Крупкина Л. М. Повседневная жизнь школьников г. Тюмени в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Межкультурные коммуникации в сфере международного и регионального туризма в историческом городе: Материалы II международной научно-практической конференции 21–22 апреля 2006 года. Тобольск, 2006. С. 117–118.
67. Кропачева М. В годы Великой Отечественной войны: о работе ленинградских школ в период блокады // Начальная школа. 1957. № 5. С. 8–12.
68. Куманев В. А. Советская школа в годы великих испытаний // Народное образование. 1965. № 5. С. 9–12.

69. Лагунов В. Я. Школы Тюмени в 1941–1945 гг. // Война и школа. Материалы Тюменской областной научно практической конференции в Тобольске, посвящённой 50–летию победы над фашизмом. Тобольск, 1995. С. 103–107.
70. Ланчук О. В. Вклад тюменских медиков в Победу в Великой Отечественной войне // Военная история Тюменской области: вклад тюменцев в победу в Великой Отечественной войне. Тюмень, 2005. С. 71–89.
71. Лизинский В. М. Модели развития школьных коллективов. М., 2018. 127 с.
72. Лимонова Э. М. Все для фронта: вклад общеобразовательных учреждений области в победу в Великой Отечественной войне // Военная история Тюменской области. Вклад тюменцев в победу в Великой Отечественной войне. Тюмень, 2005. С. 45–50.
73. Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007. 295 с.
74. Маслинский К. А. Правила поведения в советской школе. Ч. 1: Слово государства в устах учителя // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. 2015. Вып. 1 (36). С. 56–72.
75. Маслинский К. А. Правила поведения в советской школе. Ч. 2: Слово учителя в устах государства // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. 2015. Вып. 1 (37). С. 41–58.
76. Михайлова Л. П. Школы Тюменской области в период Великой Отечественной войны // Школа Тюменской области. Омск, 1968. С. 8–69.
77. Мордвинцева А. В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945–1953 гг.: автореф. дис...канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 25 с.
78. Мордвинцева А. В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945–1953 гг.: дис...канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 286 с.
79. Назаров А. И. Повседневная жизнь молодёжи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010. 205 с.

80. Назарова М. П., Рыблова М. А. «Играют мальчики в войну»: игра как способ освоения детьми пространства войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2014. № 3 (27). С. 105–115.
81. Наумова А. Г. Забота о детях в годы Великой отечественной войны: по материалам Пермской областной партийной организации // Ученые записки Пермского педагогического. института. 1961. № 28. С. 17–33.
82. Недель А. Размещаясь в неизбежном. Эскиз сталинской метафизики детства [Электронный ресурс] // Логос. 2003. № 3. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_3/05_2.htm (дата обращения: 10.01.2022).
83. Носова М. С. Особенности детства в тыловом сибирском городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4. № 2. С. 58–61.
84. Носова М. С. Повседневная жизнь детей Омска в годы Великой Отечественной войны в отражении газеты «Омская правда» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 106–111.
85. Носова М. С. Особенности досуга детей в тыловом городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Серия: «Общество. История. Современность». 2021. Т. 6. № 2. С. 56–61.
86. Орлов. И. Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 36–42.
87. Очерки истории тюменской милиции / под ред. В. А. Иоголевича. Тюмень, 2015. 359 с.
88. Пионеры-герои. 3-е изд. Минск, 1972. 255 с.
89. Прибыльский Ю. П. Школа Тюменского края в XVIII–XX вв.: К трехсотлетию сибирской школы. Тобольск, 1998. 112 с.

90. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / под ред. Г. И. Солдатовой. М., 2002. 479 с.
91. Пуртова А. В. Сельское хозяйство Тюменской области (1946–1953 гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 15–21.
92. Пушкарёв В. С. «Чёрный» рынок в СССР в годы Великой Отечественной войны и его влияние на состояние внутреннего рынка страны // Экономический журнал. 2008. №2 (12). С. 212–225.
93. Реброва И. В. В кругу «своих», «чужих» и «других»: анализ устных воспоминаний детей о войне 1941–1945 гг. // «Гуляй там, где все». История советского детства: опыт и перспективы исследования. М., 2013. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»; вып. 14). С. 237–258.
94. Рокутова О. А. О причинах беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних в СССР в 1940-е гг. // СССР во Второй мировой войне: Третьи Всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского: сб. статей. Оренбург, 2010. С. 208–210.
95. Романович С. В. Борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006. 22 с.
96. Ромашова М. В. Трудовое взросление в СССР во второй половине 1940-х гг. // Власть. 2012. № 10. С. 187–190.
97. Рыблова М. А., Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П. [и др.]. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 336 с.
98. Рыблова М. А. «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2014. № 4 (28). С. 37–50.

99. Сальникова А. А. История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 240 с.
100. Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007. 255 с.
101. Семёнова В. В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 80–107.
102. Славко А. А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 33–43.
103. Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011. 488 с.
104. Славко А. А. Детские колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1933–1952 гг. // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 140–146.
105. Сеницын А. М. Всенародная помощь фронту. М.: Воениздат, 1985. 319 с.
106. Сеницын А. М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 20–29.
107. Скипина И. В., Немков А. Н. «Сталинки» Тюмени и их обыватели в советской и постсоветской повседневности // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 181–197.
108. Снегирёва Л. И. Приём и размещение эвакуированных детских учреждений в Западносибирском тылу (1941–1943 годы) // Вестник ТГПУ. 2018. № 5 (194). С. 143–156.
109. Снегирёва Л. И. Резэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 годы) // Вестник

Томского государственного педагогического университета. 2004. № 4. С. 22–30.

110. Снегирева Л. И. Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 28–31.

111. Снегирева Л. И. Эвакопункты Западной Сибири и их роль в эвакуации населения в регион (1941–1943) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (144). С. 30–37.

112. Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / отв. сост. Б. Физелер и Р. Д. Марквик. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 383 с.

113. Сомов В. А., Сомова Д. В. Детство 1930-х: советская политика в области воспитания подрастающего поколения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4. С. 121–127.

114. Сулейманова Р. Н. «Заменим наших отцов и братьев!»: использование детского труда в народном хозяйстве СССР в годы Великой Отечественной войны: региональный аспект // *Magistra Vitae*. 2016. С. 95–103.

115. Сушко А. В., Носова М. С. Дети Ленинграда на Омской земле в годы Великой Отечественной войны // Россия в войнах и революциях XX в. 2020. Т. 10. Вып. 2. С. 330–346.

116. Галина И. В. Образование как стратегия ментальной толерантности: генезис проблемы раздельного обучения в отечественной педагогической теории и практике // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 46–52.

117. Труфакин В. А. Сибирские медики в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Бюллетень СОРАМН. 2005. № 2 (116). С. 8–18.

118. Тюменская школа в XX веке. Хрестоматия в 2-х т. / под ред. Ю. П. Прибыльского. Тюмень: Вектор Бук, 2002. Т. 1: Тюменская школа в XX веке. Тюмень: Вектор Бук, 2002. 336 с.; Т. 2: Тюменская школа в XX веке. Тюмень: Вектор Бук, 2002. 304 с.

119. Тюменская область сегодня. Тюмень-колыбель сибирского судостроения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tumentoday.ru> (дата обращения: 15. 10. 2019).
120. Ульянова С. Б., Фишева А.А. Работа или учеба? (Жизненный выбор молодежи в годы Великой Отечественной войны) // Духовная жизнь российских региональных сообществ: история, традиции, современность: сб. ст. 4 международной науч. конф. Казань, 2015. С. 14–26.
121. Федотов В. В. Проблема взаимоотношений эвакуированного и местного населения в среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6. С. 110–112.
122. Фраерман Р. И. Наш Гайдар // Жизнь и творчество А.П. Гайдара. М.; Л., 1951. С. 37–100.
123. Хисамутдинова Р. Р., Шаповаленко Е. М. Заготовка лекарственных растений Главным аптечным управлением Наркомздрава РСФСР в период Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (21). С. 187–198.
124. Хлямин Л. В. Идеологические основы воспитания в Германии и СССР (1930-е – 1945 гг.): дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2011. 202 с.
125. Храмкова Е. Л. Средние специальные учебные заведения России 1941–1945 годов в современной историографии // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 19 (5). С. 167–170.
126. Черник С. А. Борьба за осуществление всеобщего обязательного обучения в годы Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1974. № 9. С. 107–118.
127. Черник С. А. Борьба за повышение качества учебно-воспитательной работы школы в годы Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1975. № 3. С. 98–102.

128. Черник С. А. Организация учебно-воспитательной работы школы в период Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1975. № 1. С. 56–67.
129. Черник С. А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М.: Педагогика, 1984. 240 с.
130. Черник С. А. Трудовой подвиг советских школьников в годы Великой Отечественной войны // Школа и производство. 1975. № 5. С. 11–20.
131. Чесноков И.И. Речевой акт «клятва»: истоки и первичные формы объективации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 9. С. 4–7.
132. Ширшов Г. М. Они стали основным контингентом Советской армии // Военно-исторический журнал. 2008. № 3. С. 34–35.
133. Южаков В.П. Мобилизационные процессы в промышленности Тюменского региона (1938–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2016. 216 с.
134. Dunstan J. Soviet Schooling in the Second World War. New York: St. Martin's Press, 1997. 264 p.
135. Julie K. de Graffenried. Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War (Modern War Studies Series). Lawrence: University Press of Kansas, 2014. 248 p.
136. Kucherenko O. Little Soldiers: How Soviet Children Went to War, 1941–1945. Oxford University Press, 2011. 281 p.
137. Psychological and Physiological Correlates of Stress in Children Exposed to Disaster: Current Research and Recommendations for Intervention // Children, Youth and Environments. 2008. Vol. 18. No. 1. P. 30–70.

Справочная литература

1. Библиофонд: электронная коллекция словарей и энциклопедий [Электронный ресурс]. URL: bibliofond.ru (дата обращения: 15.06.2021).

Приложение

Опросный лист

Личные данные

- 1) Назовите Ваше ФИО, дату и место рождения.
- 2) Подробнее расскажите о Вашей семье: Кем были Ваши родители? Вы – единственный ребёнок в семье?

Материально-бытовые условия

- 1) Опишите жилищные условия, в которых Вы проживали.
- 2) Какими были отношения с Вашими соседями? Подселяли ли к Вам эвакуированных? Как Вы и Ваши родственники относились к приезжим?
- 3) Чем Вас кормили дома? Какие продукты питания Вы получали по карточкам? Покупали ли Вы продукты на колхозном рынке? Был ли у Вас индивидуальный огород? Какие овощи Вы сажали?
- 4) Какую одежду Вы носили? Какую одежду носили Ваши родители?
- 5) Какие обязанности по дому Вы выполняли? Чем занимались Ваши родители после того, как они возвращались с работы?
- 6) Как часто Вы болели? Что в таком случае делали?
- 7) Вы ходили в баню? Как обстояла ситуация со средствами гигиены?

Общественно-полезная деятельность

- 1) Участвовали ли Вы в оказании помощи фронту? Опишите, каким же образом Вы помогали?
- 2) Что Вас побудило заняться оказанием помощи фронту? Как отреагировали на Ваш поступок Ваши родители? Как отнеслись к Вашему поступку друзья, одноклассники и учителя? Были ли среди Ваших знакомых и друзей те, кто не желал участвовать в общественно-полезной деятельности?
- 3) Знали ли Вы о существовании фронтовых пионерских бригад, организованных тюменскими школьниками?

4) Знали ли Вы ребят, которые хотели убежать на фронт?

Школьные будни

- 1) В какой школе Вы учились? Где располагалось здание школы? Опишите, как выглядели учебные помещения.
- 2) Чем Вас кормили в школе? Как выглядела столовая?
- 3) Как обстояли дела с учебниками, картами и наглядными пособиями, а также с письменными и канцелярскими принадлежностями?
- 4) Как обычно проходили занятия? Чем Вы и Ваши одноклассники занимались на уроках? Кого из учителей Вы запомнили больше всего и почему?
- 5) Приходилось ли Вам пропускать школу и по какой причине?
- 6) Как складывались Ваши отношения с одноклассниками? Чем Вы и Ваши одноклассники занимались во время перемены?
- 7) Среди Ваших друзей и знакомых были те, кто нарушал дисциплину, хулиганил? Как на это реагировали учителя, руководство школы?
- 8) Учились ли в Вашем классе эвакуированные? Какое отношение было у Вас и Ваших одноклассников к ним? Чем больше всего запомнились эвакуированные дети и подростки?
- 9) Затронуло ли Вас отдельное обучение? Как Вы и Ваши одноклассники отреагировали на это нововведение?

Практики свободного времяпрепровождения

- 1) Какие спортивные, культурные мероприятия организовывала школа?
- 2) Устраивала ли школа праздничные мероприятия? По какому сценарию проходили праздничные мероприятия? Дарили ли Вам подарки?
- 3) Какие праздники отмечали в Вашей семье? Как проходили празднества? Дарили ли Вам подарки?

- 4) Ходили ли Вы в кино или театр? Какие фильмы и пьесы Вам больше всего запомнились?
- 5) Отдыхали ли Вы в пионерских лагерях в годы войны? Расскажите о распорядке дня в пионерском лагере.
- 6) Чем вы занимались во дворе? Во что играли? В играх принимали участие только Ваши сверстники или же дети всех возрастов? Гуляли ли вы в других частях города (далеко от дома)?
- 7) Читали ли Вы в свободное время? Какие книги Вы читали? Какие произведения произвели на Вас наибольшее впечатление и почему?
- 8) Кем Вы и Ваши сверстники хотели стать в будущем?
- 9) Какие игрушки у Вас были? Какая игрушка для Вас была самой ценной и почему?
- 10) Чем ещё Вы занимались в свободное время?
- 11) Слышали ли Вы о беспризорных детях? Сталкивались ли Вы с ними, будучи ребёнком?